

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 9 5 6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

член-корреспондент Академии Наук СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

Академик *В. В. Струве*

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГАРИТСКОГО ТЕКСТА „РОЖДЕНИЕ БОГОВ“

Угаритский текст, изданный в 1933 г. Вироло под названием „Рождение богов благих и прекрасных“¹ был неоднократно интерпретирован. Оставляя в стороне исследования, посвященные ему в тридцатых и в начале сороковых годов, я останавливаюсь лишь на тех истолкованиях, которые были предложены в последние 9—10 лет.

Первое из подобных истолкований было предложено в 1946 г. английским ученым Гастером в исследовании „Ханаанская ритуальная драма“.² Автор, содействовавший в значительной степени филологической интерпретации текста, увидел в последнем механическое соединение двух по существу самостоятельных памятников угаритской письменности — ритуального текста и присоединенного к нему либретто драмы о рождении богов Шахара (звезда утренней зари) и Шалема (звезда вечернего заката).

Советский ученый акад. Н. М. Никольский в исследовании, опубликованном также весной 1946 г. „Финикийские общинно-земледельческие культы по тексту Рас-Шамра“,³ а затем в своей большой монографии 1948 г. „Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов“,⁴ посвященной данному угаритскому тексту, высказал предположение, что в нем содержится описание однократного священнодействия, вызванного чрезвычайными обстоятельствами, а именно весьма длительной засухой.

¹ Ch. Virolleaud. La naissance des dieux gracieux et beaux. Syria, XIV, 1933, стр. 128—151.

² Th. H. Gaster. A canaanite ritual drama. Journ. of the Amer. Orient. Soc. 1946, 66, стр. 49.

³ Вестник древней истории (ВДИ), 1946, № 1, стр. 35 и сл.; см. также его статью „Финикийская жатвенная мифология и обрядность“ (ВДИ, 1946, № 2), в которой он рассматривает финикийскую земледельческую религию на основании других мифологических текстов Угарита.

⁴ Опубликовано в Минске в изданиях Института истории Академии Наук БССР. См. мою рецензию на монографию акад. Н. М. Никольского: ВДИ, 1949, № 2, стр. 131 и сл.

В 1949 г. появился перевод всех известных нам памятников угаритской литературы, сделанный Гордоном в книге „Угаритская литература“,¹ являющейся дополнением к его трехтомному руководству по угаритоведению, во втором томе которого были даны угаритские тексты в транскрипции.² В главе III (стр. 57 и сл.) „Угаритской литературы“ автором дается интерпретация интересующего нас текста. Согласно его толкованию, этот текст — либретто религиозной драмы и его мифологическое содержание соответствует рождению двух пар богов. Драма игралась при завершении одного семилетнего цикла и начала другого. Целью этого мистерийного игрища было создание изобилия в будущем семилетнем цикле.

В том же 1949 г. данный памятник угаритской литературы стал предметом исследования в небольшой монографии, в которой дана интерпретация и комментарий профессором Католического института Парижа Ларжемена.³ Автор приходит на основании анализа содержания текста к выводу, что он посвящен ритуалу праздника священного брака божеств, который каждый год через посредство симпатической магии обеспечивает плодородие земли.

Совсем недавно я мог ознакомиться с интересным исследованием проф. Айстлейтнера,⁴ в котором угаритская поэма сопоставляется с шумерийским мифологическим сказанием, действия которого локализируются на острове Дильмун. По мнению автора, оба литературных памятника способствуют уяснению друг друга, ибо оба являются драматизированными повествованиями о теогонии.

В последние годы, работая над данным угаритским текстом о рождении богов, я пытаюсь его истолковать, опираясь на достижения угаритоведения последних 15 лет. Используя свидетельства некоторых других угаритских текстов и учитывая хананейские мифы, нашедшие свое отражение в Библии и в позднегреческой традиции, моя работа разрастается в большое исследование. Поэтому ограничусь здесь лишь самыми существенными вопросами моей интерпретации, которые, надеюсь, представят интерес и для других исследователей.

Касаясь интерпретации и восстановления текста 3-й и 4-й строк поэмы, следует отметить близость содержания ее введения и заключения. Восстанавливаю и интерпретирую я их следующим образом:

¹ C. H. Gordon. 1) Ugaritic Literature. Roma, 1949; 2) Ugaritic Handbook. Revised Grammar, Paradigms. Texts in Transliteration, Comprehensive Glossary. Analecta Orientalia, t. 25, Roma, 1947.

² Здесь дана транскрипция текстов, ставших известными до 1945 г.

³ R. Largetment. La naissance de l'Aurore. Poème mythologique de Ras-Shamra-Ugarit. Analecta Lovanensia Biblica et Orientalia, 1953, t. 11.

⁴ J. Aistleitner. Götterzeugung in Ugarit und Dilmun. Acta Orient. Acad. Scient. Hungaricae, 1953, t. III, 3, стр. 285.

„Призыв богов благих“,

3. ytnm. qrt. l'lg'n'm]

„устанавливающих встречу для всевыш[него благого]“

4. b mdr. špm. yd[hm lng]r

„в пустыне холмов. Рука [их (протянута) для храните]ля“.

Я полагаю, что qrt нельзя интерпретировать словом „город“,¹ поскольку во всем дальнейшем тексте нет речи о каком-либо „городе“. С другой стороны, нельзя данное слово возводить к корню uqr, так как в нем отсутствует „у“, которое сохранилось бы в производных словах от указанного корня. Поэтому надлежит отказаться от сопоставления qrt 3-й строки поэмы со словом „восхваление“ или „почитание“.² Я же вижу в qrt имя существительное от корня qru „встречать“, засвидетельствованного в угаритских текстах,³ и полагаю, что слово, означающее „встречу“, вполне уместно в настоящем контексте. Действительно, „богов благих и прекрасных“, которых призывает царь или верховный жрец в 1-й строке поэмы, „встречает“, согласно строкам 68—69 поэмы, некий ngr mdr' „хранитель посева“, а этого последнего весьма заманчиво сопоставить с 'ly n'm „всевышним благим“, одним из эпитетов Ваала, подателя дождя.⁴

Следующий существенный вопрос, который ставит текст перед исследователем, — это интерпретация слова agn в строке 15. Гордон предложил перевести его словом „огонь“. К подобному переводу названный исследователь пришел на основании предполагаемого им параллелизма agn с išt „огонь“, но я полагаю, что параллелизм, требующий сопоставления обоих указанных слов, не имеет в данном случае места. На самом деле, в строке 14 текста говорится о том, что кладется „на огонь 7 раз“ и о „варке козленка в молоке и ягненка в масле“.⁵ Поскольку упоминается здесь варка в молоке и масле, то, надо полагать, что на огонь был поставлен сосуд, о котором составитель текста счел возможным ничего не говорить в строке 14, решив, очевидно, назвать его в строке 15. Поэтому уже a rgiḡi можно предположить, что в строке 15, содержащей параллельное предложение к фразе строки 14, мы найдем слово, обозначающее „сосуд“. Действительно, в строке 15 говорится о чем-то, обозначенном полуразрушенным словом dg. . . „7 раз“, на agn, а agn, засвидетельствованное в еврейском, арабском и сирий-

¹ На этом переводе настаивает Ларжемен (R. Largetment, ук. соч., стр. 28).

² Этот перевод, предложенный в свое время Гинсбергом, был принят Гастером (Th. H. Gaster, ук. соч., стр. 51 и 56), следуя которому, и я первоначально включил его в мою интерпретацию поэмы о рождении „богов благих“.

³ С. Н. Gordon. Glossary, № 1823 (стр. 268).

⁴ С. Н. Gordon. Glossary, № 1485. Перевод текста см.: С. Н. Gordon. Ugaritic Literature, стр. 80.

⁵ Я не решаюсь дать полный перевод строки 14, так как слово ḡzrm „герои“ в данном контексте непонятно.

ском языках, обозначает во всех трех языках „умывальную чашу“, а затем вообще „чашу“, „сосуд“.

Этот перевод слова *agn* в строке 15 не противоречит, а наоборот, может быть прекрасно согласован с интерпретацией слова *agn* в строках 31 и 36 текста. Здесь, в строке 31, к сожалению, текст несколько разрушен, так же как и в предшествующей, 30-й, строке, в которой повествуется о том, что кто-то сошел к берегу моря. В сохранившейся части строки мы читаем: *mšt'ltm. mšt'ltm. lriš. agn*. Поскольку действие происходит на берегу моря, то более естественной интерпретацией слова *mšt'ltm* является „две пригоршни (воды)“,¹ а не „две щепки для разжигания“, как предложил Гордон, правда, с некоторым колебанием.² Его интерпретации слова *mšt'ltm*, по моему разумению, противоречит и дальнейший контекст, в котором, как я уже выше отметил, встречается слово *agn*, истолкованное им как „огонь“. На самом деле, выше приведенную, несколько фрагментированную 31-ю строку поэмы Гордон восстанавливает и переводит следующим образом: „[Эл берет] 2 щепки, 2 щепки с верха огня“, но, как известно, щепки для разжигания огня кладутся вниз. Поэтому последние никак не могут быть взяты с верха огня и, стало быть, наиболее естественным переводом строки 31 является следующий: „[Эл берет] 2 пригоршни, две пригоршни до (букв. „для“) верха сосуда“.³

Слова, сохранившиеся в строке 31, повторяются снова в строках 35—36, причем в контексте, который может быть не только согласован с интерпретацией слова *agn*, предложенной в настоящем исследовании, но может быть поставлен в связь с древним хананейским мифом, нашедшим свое отражение в сочинении, приписываемом Лукиану, в так называемом „*De dea syria*“. На самом деле, интересующий нас текст может быть переведен следующим образом:

35. *yqh. il. mšt'ltm.*

„ Берет Эл две пригоршни (воды),“

36. *mšt'ltm. lriš. agn. yqh. yš(t?). bbth*

„две пригоршни до верха сосуда. Он берет, он ставит (его) в дом свой“.

Стало быть, бог Эл ставит наполненный им морской водой сосуд в свой дом, т. е. в свой храм. Указание древнего финикийского текста невольно вызывает в памяти передаваемую жителями сирийского города Иерапола „удивительную историю“, относительно которой сочинение, приписы-

¹ Эта интерпретация была предложена Гастером (Th. N. Gaster, ук. соч., стр. 57, прим. 34), который возводит это слово к корню *šcl* „быть впалым“.

² С. Н. Gordon. Glossary, № 1976.

³ Ларжемент (R. Largetment, ук. соч., стр. 22—23) слово *mšt'ltm* оставляет без перевода, а Аистлейтнер (J. Aistleitner, ук. соч., стр. 299) возводит его к корню *'ul* и переводит „принадлежащие к семье“, но едва ли подобный перевод этого слова может быть согласован с имеющимся контекстом.

ваемое Лукиану, рассказывает следующее: „Они (т. е. жители Иераполя) говорят, что в их стране образовалась огромная расселина в земле и поглотила всю воду (всемирного потопа). После того, как это случилось, Девкалион поставил алтарь и воздвиг над расселиной священный храм Гере. Я сам видел эту расселину, которая находится под храмом. Она очень мала. Была ли она больше в древности и лишь теперь уменьшилась, я, право, не знаю. Во всяком случае та, которую я видел, очень невелика. В память об этом событии установлен следующий обряд: дважды в год в этот храм доставляется вода с моря; ее несут не только жрецы, но также и многие жители Сирии и Аравии. Иные даже из-за Евфрата отправляются к морю, чтобы нести воду. Сначала ее выливают в храме, потом она стекает в расселину, которая, хоть и не велика, но все же поглощает большое количество воды. Совершающие этот обряд говорят, что он установлен Девкалионом в память о постигшем его несчастии и чудесном спасении... Таково их древнее предание о святилище“.¹

В этом рассказе о Ное-Девкалионе, сохранившемся в эллинистической традиции II в. н. э., упоминается о любопытном обряде принесения морской воды в храм сирийского города, расположенного вблизи Евфрата, вдали от моря. Подобный обряд мог иметь тем большее значение в ритуале храмовых священнодействий финикийского города Угарит, близкого к морскому побережью.

Вместе с тем надлежит отметить, что в образах хананейского божества Ноя-Девкалиона и Эла, бога угаритского пантеона, имеется сходство. Одним из таковых является связь обоих божеств с вином. Далее, и тот и другой являются старцами, потерявшими вследствие старческой немощи свою мужскую силу. Наконец, оба божества становятся после возрождения своей мужской силы мужьями своих дочерей.

Связь Эла с вином определенно выражена в строках 10—11 угаритской повмы, в которых он уподобляется виноградной лозе. Старость и мужская немощь Эла весьма ярко описана в строках 8—9. В дальнейшем его сила восстановилась, очевидно благодаря тому, что он вкусил от птицы, которую он стрелой добыл себе, и, ошипав, положил жариться на углях. Как известно, в вавилонской медицине, мясо птиц играло роль в деле излечения мужской немощи, поскольку они, по мнению известного ассириолога Мейснера, считались сильными в половом отношении.² Возрождение мужской силы Эла вызывает любовное влечение к нему двух богинь, Ашеры и Рахмайи, призывающих его уже в качестве мужа.

¹ Лукиан, Сочинения, т. I, М., 1915, стр. 296.

² В. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, т. II. Heidelberg, 1925, стр. 317. Наряду с птицами автор указывает мясо змей, игравшее также значительную роль в составе лекарств указанного рода.

Переходя теперь к Ною и другому библейскому персонажу, Лоту,¹ в которых несомненно нашли отражение древние хананейские божества, следует отметить, что Ной, подобно Элу, был связан с вином, как об этом свидетельствует кн. Бытия, гл. 9, 20—21. Надо думать, что последующий рассказ о непристойном поведении Хама, сына Ноя, изложенный в той же главе, в стихе 22, является небольшим фрагментом первоначально более обстоятельного мифа, близкого тому, что повествовала библейская традиция о Лоте и его двух дочерях. В кн. Бытия, гл. 19, 30—38 сообщается, что Лот „жил в пещере, и с ним две дочери его. И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли“. Она поэтому предложила напоить отца вином и через брак с ним продолжить свой род. Обе дочери Лота так поступили и стали тем самым матерями-родоначальницами племен моавитян и аммонитян.

Не подлежит сомнению, что библейский рассказ о Лоте и его двух дочерях восходит к древнему хананейскому мифу, весьма близкому угаритскому мифу о браке бога Эла со своими двумя дочерьми, Ашерой и Рахмайей.

Конечно, мотив о предоставлении Лоту вина его дочерьми в первоначальном мифе должен был служить восстановлению его мужской силы. Что же касается цели священного брака бога-отца со своими дочерьми, то цель его было порождение „богов благих и прекрасных“, долженствующих стать родоначальниками племен, создавших в прошлом хананейское город-государство, в котором данный миф возник.

Лишь в первых двух строках вводной части угаритской поэмы эти боги-родоначальники были названы „благими и прекрасными“. В основном тексте поэмы, в строках 23, 58, 60, 61 и 67, они названы лишь „богами благими“. В первых трех случаях за этими двумя словами следует почти тождественный контекст.² В состав последнего входит группа знаков, читаемая *agzrum*. Это слово означает, очевидно, или эпитет „богов благих“ или же выражает какое-нибудь их действие. Гордон переводит *agzrum* словом „islanders“,³ которое не совсем, казалось бы, соответствует указанному фонетическому составу угаритского слова,⁴

¹ Сопоставление легенд Библии о Ное и Лоте см.: A. Jeremias. *Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients*. 2 ed., Leipzig, 1906, стр. 250, прим. 5, стр. 361 и сл.

² В строке 23, правда, за обоими словами имеется лакуна, но ее можно безоговорочно восстановить на основании текста строк 58, 60 и 61. В строке 60 за указанными двумя словами следовало какое-то короткое слово, от которого сохранилась лишь последняя буква „k“. Поэтому его никак нельзя восстановить в качестве эпитета *usmt* „прекрасные“.

³ С. Н. Gordon. *Ugaritic Literature*, стр. 59 и 60.

⁴ Очевидно это и заставило Гордона в 1947 г. в своей „Угаритской грамматике“ (2-е изд., 9, 36 на стр. 73) разбить группу знаков *agzrum* на два слова: *agzr um* и перевести их „они медлили (tarried) день“. Гастер в 1946 г. (Th. H. Gaster, *ук. соч.*, стр. 52 и 55) оставил слово без перевода.

а также не вполне уместно в данном контексте.¹ Я же полагаю, что группу знаков *agzgr* надлежит разбить на два слова: *agzr* и *um* „море“. Что касается первого слова *agzr*, то я вижу в нем глагольную форму 3-го л. множ. числа перфектума от так называемой „а-породы“ (*a-stem*) глагола *gzr*,² соответствующего, очевидно, глаголу *gazara* в арабском языке. В. Ф. Гиргас в своем словаре приводит глагол *gazara* в контексте „вода понизилась, упала, отлив наступил“.³ Стало быть, я имею основание перевести указанные два слова *agzr um* „они дали опуститься морю“, т. е. они дали своим рождением упасть уровню моря. Очевидно, и „боги благие“, как и мать одного из них „Владычица Ашера моря“, упоминаемая рядом угаритских мифов,⁴ были связаны с морем. Недаром вслед за словами „они дали опуститься морю“ поэма называет „богов благих“ „сыновьями моря“.

Рождаются „боги благие“ для того, чтобы стать благодетелями угаритского народа, которые приведут его из пустыни в „обетованную землю“ Угарита, как об этом свидетельствуют строки 64—68. В них приводится обращение Эла⁵ к порожденному им человечеству:

64. att. *itrh*
 „ (О) жены, (которых) я беру“.
65. *ybn. ašld šu. 'db tk. mδbr qdš*
 „О сыновья, (которых) я порождаю! Принесите приготовленное (во) внутрь пустыни святой!“
66. *tm. tgrgr. labnm. wl'sm. šb'. šnt*
 „Там они будут пребывать среди камней и деревьев семь лет,“
67. *tmt. tmn. nqpt. 'd. ilm. n'mm. ttlkn*

¹ Несмотря на это, Ларжемен (R. Largement, ук. соч., стр. 22 и 24) принимает перевод Гордона „островитяне“. Аистлейтнер (J. Aistleitner, ук. соч., стр. 296 и 298) разбивает также группу знаков на два слова: *agzr um*. Первое из них он возводит к корню *gzr* „резать“, засвидетельствованному в еврейском. Автор на стр. 299, в примечании к строке 23 поэмы, сопоставляет угаритское слово с еврейским *gizrah* „разрез“, „образ тела“ и видит в *agzr* множественное число от *gzrt*. Однако следует отметить, что подобная форма множественного числа является весьма необычной в угаритском языке, чтобы не сказать больше (см.: С. Н. Gordon. Grammar, 8, 6, 7 на стр. 42—43).

² Как уже указано в прим. 4 на стр. 8, Гордон сам во втором издании своей грамматики (9, 36 на стр. 73) таким же образом разбил данную группу знаков, но он предложил иную интерпретацию для двух полученных им слов.

³ В. Ф. Гиргас. Арабско-русский словарь. СПб., 1881, стр. 119.

⁴ Имя богини встречается несколько раз в тексте № 49, входящем в состав цикла о Ваале и Анат, и в тексте № 51, также входящем в этот цикл (см.: С. Н. Gordon. Glossary, № 835, где перечислены случаи упоминания „Владычицы Ашеры моря“).

⁵ Эл в предшествующем тексте не назван, но, судя по общему контексту, лишь Эл мог произнести слова, приведенные в конце 64-й и в 65-й строке.

„целых восемь кружащихся (праздников), пока¹ боги благие (не) придут“

68. šd. tšdn. pat. mdr.

„на поле, (не) вступят (на) край пустыни“.²

„Боги благие“ затем встречаются с „хранителем посева“ на благо людям, как на это намекало и введение текста, согласно моему выше приведенному восстановлению и интерпретации строк 3 и 4 поэмы.

Возвращаясь же к строкам 64—68 поэмы следует остановиться на моменте пребывания людей, порожденных Элом, в пустыне. Дело в том, что пребывание народа Угарита в пустыне невольно вызывает в памяти библейскую традицию о многолетнем пребывании народа Израиля в пустыне. Согласно угаритской поэме, „боги благие“ привели народ от скудости пустыни к изобилию плодородной земли. Несомненно в первоначальной легенде говорилось о прибытии в „обетованную землю“ Израиля, проводниками которого были „боги благие“ пантеона покоренных хананеев.

Срок пребывания народа в пустыне — семь лет — также привлекает наше внимание. Данное число лет было бы весьма заманчиво сопоставить с семью годами плача о смерти Акхета, сына Даниэля,³ или же об отсутствии Ваала в течение „семи лет“ и „восьми едзящего на облаках“.⁴ Возможно, что число „восемь“, стоящее в связи с „едзящим на облаках“, следует сопоставить с „восемью кружащимися [праздниками]“ нашей поэмы о рождении „богов благих“. Соответствие слова pqrṯ строки 67 поэмы я нахожу вместе с другими исследователями в библейском выражении „hagīm yīnqofu“ „праздники пусть свершают свой круг“ в кн. Исаяи, гл. 29, 1. Я готов предположить, что и в легенде об Акхете выражение числа „восемь“ указывает на то, что семь лет отсутствия Ваала были „целыми годами“, поскольку они включали в себя „восемь (кружащихся праздников)“. Следует отметить, что не только

¹ Ларжемен (R. Largetment, ук. соч., стр. 46), в противоположность большинству исследователей, видит в 'd не предлог, а имя существительное, соответствующее какому-то строению. Для того, чтобы при таком предположении создать удобопонятную интерпретацию, он должен ввести в текст отсутствующий в последнем глагол: „(в) восьмом круге (будет построен) 'd богов благих“. Отсутствие разъясняющего глагола в подобном контексте едва ли допустимо. Кроме того, tmn. pqrṯ. „восемь кругов (праздников)“ является пояснением к предшествующим „семь лет целых“. Составитель текста хотел тем самым подчеркнуть, что указанные „7 лет“ являются на самом деле „целыми“ годами, так как каждый из них включал в себя весь цикл, т. е. все 8 „кружащихся (праздников)“ года. Не согласуется с интерпретацией 'd предложенный Ларжеменом и параллельный текст № 75, II, 45—46.

² Предложенный мной перевод строк 64—68 поэмы возможен, поскольку он учитывает нормы, установленные грамматикой угаритского языка.

³ См. легенду об Акхете: 1 Aght, 1, 176—177 (С. Н. Gordon. Ugaritic Literature, стр. 99).

⁴ См.: 1 Aght, 1, 42—43 (С. Н. Gordon. Ugaritic Literature, стр. 95).

„семь лет“ имеет отношение к Ваалу, но и указанное число „восемь“, поскольку оно стоит в связи с „ездящим на облаках“. Дело в том, что „ездящий на облаках“ являлся одним из эпитетов Ваала.¹

Каково бы то ни было толкование данных двух строк из легенды об Акхете, во всяком случае в строке 67 поэмы о рождении „богов благих“ слово *qr̄t* „кружащиеся“ бесспорно засвидетельствовано. Сопоставив его с выше приведенным выражением из кн. Исаяи, гл. 29, 1, можно прийти к выводу, что речь идет здесь о „кружащихся“ ежегодных праздниках, т. е., говоря другими словами, о смене времен года. Если можно принять этот мой вывод, то угаритский текст, изучаемый в настоящем исследовании, является осмыслением смены времен года. На другом материале советский историк религии Ю. П. Францов² доказал, что это один из этапов развития мифа об умирающем и воскресающем боге. Последний же, как известно, является той почвой, на которой в конечном итоге выросла драма.

¹ С. Н. Gordon. Glossary, № 1539.

² Ю. П. Францов. Миф о страдающем боге. 1932, стр. 65.

П. В. Ернштедт

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНТРОПОМОРФИЗМ В СЛОВАРНЫХ ЕГИПТИЗМАХ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

*Посвящается памяти
академика И. И. ТОЛСТОГО*

Продолжая исследовать египетские заимствования в греческом языке,¹ автор настоящей статьи объединяет семь греческих слов, представляющих интерес с точки зрения семантического антропоморфизма при их истолковании средствами египетского языка. Это следующие греческие слова: ἄνθος „произрастание“; ἀνθέριζ „колос“; ἀνθερέων „подбородок“; ἀφυσγετός „ил“; ποταμός 1. 1. „река Нил“, 1. 2. „канал (в Египте)“; 2. „река“; τάφρος „ров“; ψέγω „порицать“, „хулить“.

Остановимся прежде всего на следующих трех словах, сходных по своим начальным звукам ανθ.

В греческой лексикографии находим следующие данные о них:

1) у Гесихия² читаем: ἀνθοῦσα· βλαστήσασα „произросшая“, ἄνθος· βλάστησις „произрастание“, ἀνθερέων· ὁ ὑπὸ τὸ γενεῖον τόπος, ἀφ' οὗ μέρους ὁ πώγων ἄρχεται „место под нижней челюстью, в той ее части, с которой начинается борода“.

2) в Etymologicum Gudianum:³ ἀνθερέων· ὁ φάρυγξ παρὰ τὸ ἐκεῖ πρῶτον ἐξανθεῖν τὸ γενεῖον ἢ παρὰ τὴν ἄνθησιν τῶν τριχῶν „глотка — соответственно тому, что там вперые вырастает борода, или же соответственно вырастанию волос“.

Учитывая, что греческий суффикс (ε)ών образует имена существительные, выражающие локальное приурочение, мы получаем звуковой состав ανθερ(ε)-, который и подлежит этимологической разгадке средствами негреческого языка. Следует учитывать, что при наступлении грецизации конечный гласный иноязычного словосочетания игнорировался, а греческий суффикс становился на его место. Это обстоятельство подлежит учету и тогда, когда прототипом греческого слова оказы-

¹ См.: П. В. Ернштедт. Египетские заимствования в греческом языке. М.—Л., 1953, в частности стр. 206.

² Hesychii Alexandrini lexicon. Ed. min. curavit M. Schmidt, Ienae, 1863.

³ Etymologicum Gudianum. Ed. E. L. de Stefani, fasc. 1 (A—B), fasc. 2 (B—Z), Leipzig, 1909.

вается египетское слово или словосочетание. Особо надо отметить, что в составе того ряда звуков, который здесь подлежит объяснению, нет такого гласного, какой по праву мог бы носить ударение египетского слова или словосложения. Обращаясь для объяснения слова $\acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu$ к египетскому языку, мы должны помнить сказанное выше и считать, что конец египетского прототипа, содержащий ударяемый гласный, подпал под грецизацию. Такая судьба постигала египетский прототип и в том случае, если конечное место такого прототипа занимал долгий гласный. Гласный звук в самом конце египетского слова или словосочетания возникал наряду с другими языковыми явлениями как следствие исчезновения окончания [·t] в существительных женского рода. В новоегипетском языке это окончание успело исчезнуть. Но исчезновение не наступало тогда, когда египетское слово женского рода занимало первое место в тесном словосочетании, вторая составная часть которого начиналась с одного из проточных звуков самых глубоких мест артикуляции, а именно одного из двух фарингальных [] и [h] и голосовосвязочного [h]. Исходя из этой двойкой судьбы конечного [·t] существительных женского рода, я объясняю греческое слово $\acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu$ из следующего мною восстанавливаемого новоегипетского словосочетания:

- 1) $in^c \cdot t$ „подбородок“,
- 2) $^o r \cdot t$ „нижняя челюсть“.

Если в условиях фарингально- или голосовосвязочнощелевого характера начала второй составной части словосочетания не имело места исчезновение окончания женского рода [t] первой составной части сочетания, то происходило другое изменение. Оно заключалось либо в исчезновении гласного, предшествовавшего окончанию первого из двух слов, либо в его редукции в такой степени, что оно не воспроизводилось в греческой передаче всего словосочетания. В моем исследовании „Египетские заимствования в греческом языке“ я уже неоднократно исходил из предположения этого комбинаторного явления. Теперь своевременно об этом вспомнить. К трем примерам, которые мы приводили раньше,¹

$$\begin{aligned} *;mw \cdot t^2 \text{ rk}h \cdot t &> ;mw \cdot t \text{ hrk} \cdot t \geq \acute{\alpha}\nu\theta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\chi, \\ *ip \cdot t \text{ hm} \cdot t &\geq \iota\phi\theta\iota\mu\eta, \\ *s \cdot t \text{ h}tj &\geq *c\theta\eta\theta\omicron\varsigma > \sigma\tau\eta\theta\omicron\varsigma, \end{aligned}$$

присоединим четвертый:

$$*in^c \cdot t \text{ } ^o r \cdot t \geq \acute{\alpha}\nu\theta\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu.$$

¹ П. В. Ерштендт, ук. соч., стр. 161.

² Знак звездочки перед словом или сочетанием слов предупреждает читателя о том, что снабженная им форма не засвидетельствована текстами, а теоретически восстановлена автором работы.

Ю. Я. Перепелкин сообщил мне, что сочетание * $\text{in}^{\text{c}}\cdot\text{t}^{\text{c}}\cdot\text{r}\cdot\text{t}$ до сих пор египтологии не известно, так же как и первые три из только что приведенных сочетаний. Но, как мы видим, эти восстановленные сочетания не только убедительны как таковые. Они имеют значение как семантические суммы их лексических слагаемых и как иллюстрации закономерного наступления двух фонетически-комбинаторных явлений: 1) сохранения звука [t] окончания женского рода перед фарингальной артикуляцией примыкающего слова и 2) исчезновения гласного [e] окончания женского рода, безотносительно к наличию или же отсутствию условий сохранения согласного [t] того же окончания. Исчезновение гласного [e] окончания женского рода является безотносительным к судьбе согласного [t] того же окончания,¹ при одновременной независимости от фонологического различия обоих языков в отношении гласного [e] окончания. Это доказывается тем, что изменение [n] в [m], наблюдаемое в греческом слове *φάρμακον* „зелье“ по сравнению с его египетской предпосылкой * $\text{phr}\cdot\text{t} \text{ n } \text{hk};\text{w}$ „зелье колдуна“ должно было осуществиться не только после исчезновения согласного [t] вне соприкосновения с [h], но и, очевидно, в условиях полного отсутствия гласного [e], который внекомбинаторно сохранен в коптском существительном *παδρε: φασρι* „зелье“. Параллелизм сочетания * $\text{phr}\cdot\text{t} \text{ n } \text{hk};\text{w}$ с изменением Pn-Rnnpwt·t в *παρμωττε*, очевидно, исключает возможность приписывать непроявление гласного [e] окончания женского рода [·t] в выше названных сочетаниях * $\text{mw}\cdot\text{t} \text{ hrk}\cdot\text{t}$ (<rkḥ·t), * $\text{ip}\cdot\text{t} \text{ hm}\cdot\text{t}$ и * $\text{s}\cdot\text{t} \text{ ht}$ не подлинному отсутствию гласного [e], а фонологическому различию на почве отсутствия греческого эквивалента кратчайшего гласного [e]. Ср. также копт. *βήυα* <g;b·t n šrj „ноздря“.²

В отношении семантики необходимо оговорить кажущуюся нелепость того, что обнаруживается при переводе „подбородок нижней челюсти“. Но эта нелепость получается для нас в связи с тем, что мы мыслим подбородок безотносительно к его волосяному покрову у мужчин, или, говоря иначе, — чисто локально в пределах головы человека, и независимо, так сказать, от функции. Если же мы примем во внимание, что по-русски подбородок назван „подбородком“ именно в соответствии с тем, что на занимаемом им месте головы растет борода („подбородок“ = „то, что под бородой“), то сочтем убедительным предположение о том, что наименование „подбородка“, хотя бы и не связанное с нахождением в его составе обозначения волосяного покрова в виде „бороды“, имело

¹ Исключение касается того случая, когда слог окончания являлся единственным слогом слова: *семисе, сесвоо*, где *се* восходит к *š.t*.

² Относительно исчезновения гласных в исконно-неударных слогах генитивных словосочетаний, опосредствованных предлогом, см.: Josef Stur m. Zur Vokalverflüchtigung in der ägyptischen Sprache des Neuen Reiches. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlandes, Bd. 41, 1934, стр. 43—68, 161—179, в частности стр. 171.

в виду понятие места, занятого бородой. Фактическая равноценность с последним любых обозначений подбородка означает, что на место невразумительного сочетания „подбородок нижней челюсти“ следует поставить сочетание, более вразумительно означавшее: 1) „носящее бороду место“ + 2) „нижней челюсти“.

Иллюстрацию неотделимости понятий „подбородка“ и „бороды“ можно найти не только у египтян, но и в наше время в новгородском говоре русского языка,¹ где слово „борода“ означает между прочим и то, что мы в литературном русском языке называем „подбородком“, притом как в отношении мужчины, так и в отношении женщины.² Обратный путь расширения значений наблюдается в употреблении слова „дородный“ (о мужчинах).

Приведенная выше глоссема Гесихия с точностью раскрывает содержание леммы ἀνδρείων. Составным частям египетского словосочетания, которые мною выше восстановлены, следующим образом соответствуют составные части глоссемы:

in ^o .t	} ó		τόπος, ἀφ' οὗ μέρους ὁ πώγων ἄρχεται
r.t	} ὑπὸ τὸ γένειον		
	} „находящаяся“	} „внизу нижней челюсти“	} „место, с которого начинается борода“

О первой части этой статьи, а также о моих замечаниях о слове ἀνδρείζ, проф. С. Я. Лурье в личной беседе высказал мне свои сомнения относительно египтологической основы моего объяснения. Не выдвигая, однако, взамен этого объяснения другого предположения и придерживаясь этимологии от слова ἄνθος, он обратил мое внимание на это слово и на то, что представляется производным от него. От слова ἀνδρείων этимологически, видимо, происходит и слово ἀνδρείζ „? выколосившийся стебель“. С. Я. Лурье указал мне на следующее.

1. Лексикограф Ф. Пассов³ под словом ἀνδέω на первом месте приводит значение „hervorspriessen“, „hervorwachsen“ — „произрастать“, указывая тут же: „В этом древнейшем и первоначальном значении — только

¹ Об этом мне впервые сообщил Ю. Я. Перепелкин, а после него — еще уроженцы Новгородской области.

² Из книги Л. А. Булаховского „Введение в языкознание“ (ч. 2, М., 1953, стр. 20) я узнал, что по-чешски brada — „подбородок“, а не „борода“, а по-болгарски и по-сербски брада — „борода“ и „подбородок“.

³ F. Passow. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1841.

еще в Одиссее, ¹ 11, 319, о пробивающихся волосах бороды („vom hervorkeimenden Barthaar“); ср. ἀνήνοθε. Это место Одиссеи гласит:

... πρὶν σφωῖν ὑπὸ κροτάφοισιν ἰούλους
ἀνθῆσαι πυκάσαι τε γένυς εὐανθεί λαχυνῆ.

„... прежде чем младости пух отенил их ланиты и первый Волос пробился на их подбородке...“.

(Перевод В. А. Жуковского).

2. Таково же обычное значение глагола ἐπ-ανθέω у Аристофана:

Nub. 978: ... ὥστε τοῖς αἰδοῖοισι δρόσος καὶ χνοῦς ὡσπερ μῆλοισιν ἐπήνθει.

Eccl. 13: ἀφείδων τὴν ἐπανθοῦσιν φλόγα.

Eccl. 903: τὸ τρυφερόν γάρ ἐμπέφυκε τοῖς ἀπαλοῖσι μηροῖς ἀπὶ τοῖς μῆλοσ ἐπανθεῖ.

С. Я. Лурье обратил мое внимание еще на один текст из Аристофана (Vesp. 1065), где речь идет о древних стариках и где смысл „расцветать“ якобы невозможен вовсе: κύκνου τ' ἴκτι πολιώτεροι δὴν αἰδ' ἐπανθοῦσι τρίχες. Полагаю, что смысл „расти“ < „расцветать“ применим к волосам человека в любом возрасте, также и в старости.

В связи с вытекающей отсюда вторичностью применения глагола ἀνθέω о „цветении“ флоры и первоначальностью значения „произрастать“ напоминаю о двух выше приведенных глоссах Гесихия (леммы ἀνθοῦσιν и ἄνθος).

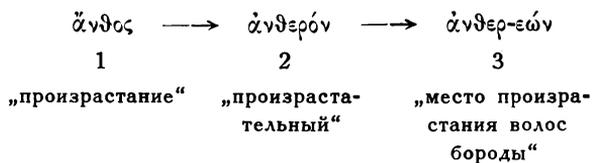
В целях объяснения чисто греческими средствами слова ἀνθερέων из ἄνθος нельзя ссылаться, вместе с С. Я. Лурье, на образования παρθενεών, κέγχρων, κάλαμων. По аналогии этих слов у нас получилось бы *ἀνθεών, а не ἀνθερέων. Ведь эти слова не содержат ничего, кроме основы существительных παρθένος, κέγχρος, κάλαμος и суффикса -εών. У них нет того суффикса -ερ-, который нельзя было бы не признавать в слове ἀνθερέων в том случае, если бы мы попытались его объяснить греческими средствами, т. е. путем нормального словообразования от слова ἄνθος. Именно поэтому в основу значения слова ἀνθερέων не могло бы быть положено значение „место цветения“ или „место волос“, а должно было бы быть положено „место цветистых“ или „место волосатых“! Иначе как с полным учетом значимости каждого словообразовательного элемента нельзя подходить к воссозданию состава слова ἀνθερέων исконно греческими средствами, т. е. средствами, отвечающими предпосылке об индоевропейском происхождении греческого языка. Другое — если движущим рычагом словообразования считать путь абстракции, покоившейся на иррациональном анализе — анализе „народноэтимологическом“. Тогда от ἀνθερέων „место произрастания волос“ (< „носящее бороду место нижней челюсти“) вто-

¹ Homeri Odyssea, rec. A. Ludwich, vol. prius. Lipsiae, 1889.

ричный анализ, так называемая „народная этимология“, мог привести к ἄνθος „произрастание волос (в качестве показателя наступления половой зрелости)“, а отсюда антропоморфистически: „(ботаническое) произрастание“, и дальше „цветение“, „соцветие“, игнорируя элемент -ερ- со стороны семантической, т. е. считаясь с ним только как со словообразовательным элементом, без четкой согласованности с семантической нагрузкой.

С семантической точки зрения недепо класть в основу образования ἄνθερών восстанавливаемое слово *ἄνθερός или *ἄνθερόν, с естественным для его состава значением „волосатый“ ~ „цветистый“, „волосатое“ ~ „цветистое“. Однако слово ἄνθερών, формально походившее на греческое существительное, образованное от имени *ἄνθερόν, при искусственном и сознательном ретроспективном словотворчестве, привело к созданию основы ἄνθερο-, хотя бы в виде первой атрибутивной составной части сложного прилагательного ἄνθερόχειλος „бородатогубый“, „волосатогубый“, „с волосами на губе“, читаемого не раньше, чем у Цеца.

Если бы не два тысячелетия, лежащие между Цецом и Одиссеей, то можно было бы предпочесть путь производства ἄνθερών от ἄνθερόν, а далее — от ἄνθος, обратному пути. Но помимо соображения о хронологии примеров представляется невозможным обставить семантически убедительно формально гладкое направление словообразовательной эволюции слов:

Именно невозможность установления поступательного развития между понятиями (2) и (3) не в отношении словообразования, а в отношении истории значения (подобной случаю περιστέρᾱ ~ περιστέρων „голубь“ ~ „голубятник“) является решительным доводом в пользу того, чтобы считать последовательность возникновения названных слов обратной последовательности выше приведенных слов (1)—(3).

Иначе говоря, слово ἄνθος стоит не в начале, а в конце той эволюции, которая пришла в действие с появлением у греков слова ἄνθερών как передачи египетского словосочетания *in^c.t ʿr.t „носящее бороду место нижней челюсти“ = „подбородок“.

Можно предположить, что непосредственно не засвидетельствованная промежуточная ступень *ἄνθερόν между образованиями ἄνθερών „место, на котором растет борода“ > „подбородок“ и ἄνθος * „произрастание волос бороды“ > „произрастание (растений)“ сохранилась в содержащем еще один суффикс образования ἄνθερίζ. Относительно последнего нельзя считать определенно установленным, означало ли оно „стебель

колоса“ или „самый колос“. В обоих случаях семантической параллелью служит немецкое слово „Bart“ в антропоморфическом применении к совокупности остей колоса. К сожалению, нельзя быть целиком и полностью уверенным в том, что слово ἀνδέριξ (учитывая его суффикс -ιξ) играет роль исторического посредника между ἀνδρεών и ἄνθος. Возможно возражение, что ἀνθέρ(ιξ) „выколосившийся стебель“ получилось через контаминацию так или иначе возникшего ἄνθος „произрастание“ и ἀθήρ, -έρος „ость колоса“, происхождение которого неясно, принимая во внимание, что согласный [n] путем звукового изменения исчезнуть не мог.

* * *

Переходим к разбору слова ἀφυσγετός „ил“. В лексикографической литературе мы читаем у Гесихия: ἀφυσγετόν· συρφετόν· ἀκαθαρσίαν· κόπριον „сор“, „нечистоты“, „помет“; в Etymologicum Magnum: ¹ ἀφυσγετόν, ἰλυῶδες καὶ συρφετόν παρὰ τὸ ἀφύω... „илистое и сор, от глагола ἀφύω...“; Etymologicum Gudianum: ἀφύσγετος sic, ἡ ἀκαθαρσία καὶ ὁ ῥύπος, ἀπὸ τοῦ ἀφύσσειν ὑπὸ τοῦ ρεύματος „нечистоты и грязь — наносимые течением...“.

В этимологическом словаре Бузака ² читаем: „слово темное; гипотеза — у Бедденбергера ВВ 27.151: ³ готское usbaugjan «мести»“. Заметим, что эта гипотеза не выдерживает критики.

Единственным нам доступным источником этого слова является следующее сравнение у Гомера, Илиада, ⁴ 11(Δ), 495 (492—497):

ὥς δ' ὅποτε πλήθων ποταμὸς πεδίονδε κάτεισιν
 χειμάρρους κατ' ὄρεσφιν, ὀπαζόμενος Διὸς ὄμβρω,
 πολλὰς δὲ δρυὸς ἀζαλέας, πολλὰς δὲ τε πεύκας
 ἐσφέρειται, πολλὸν δὲ τ' ἀφυσγετόν εἰς ἄλα βάλλει,
 ὥς ἔφεπε κλονέων πεδίον τότε φαίδιμος Αἴας,
 δαίζων ἴππους τε καὶ ἀνέρας.

„Как устремляется с гор̄ на равнину поток полноводный,
 Вспухший от вод снеговых и от зевсовых ливней жестоких;
 Много с собою несет и дубов он засохших и сосен,
 Много, бушуя, бросает он ила в шумящее море;
 Так же тогда и могучий Аякс бушевал на равнине,
 Коней разя и мужей“.

(Перевод В. В. Вересаева).

Значение „ил“, присваиваемое этому слову — повидимому справедливо — словарями, допускает при данном звуковом составе установле-

¹ Etymologicum Magnum. . . opera Fr. Sylburgii. Ed. nova correctior. Lipsiae, 1816.

² E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1914.

³ Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, Bd. 27, 1902, стр. 151.

⁴ Homers Ilias, ed. D. B. Monro a. T. W. Allen. Ilias, I—II. Oxford.

ние преемственной связи между ним и египетским глаголом $\square \int \Delta \text{r}^{\text{m}} \text{p}^{\text{t}} \text{r}^{\text{g}}$ „выплевывать“.

Учитывая (1) явное тождество данной суффиксации с суффиксацией слов $\nu\phi\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ и $\acute{\upsilon}\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$; (2) вероятность объяснения гласного [u] греческого слова как результата сокращения в греческом закрытом слоге того долгого [u:], который отвечал бы египетской долготе [o:] первого слога египетского инфинитива; но (3) одновременно наличие в начале слова $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ звукового элемента [a], не объясняющегося из указанного сопоставления, мы приходим к заключению, что глагольная предпосылка слова $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ на греческой же почве явилась результатом развития не по прямой линии.

Подобно тому, как $\nu\phi\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ соотнесено с $\nu\epsilon\acute{\iota}\phi\omega$, а $\acute{\upsilon}\text{-}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ — с $\acute{\upsilon}\omega$, и существительное $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ предполагает глагол $*\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$.

Этот глагол $*\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$, разумеется, нельзя возводить путем звуковых изменений к известному греческому глаголу $\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega$ „выливать“, „вычерпывать“.

Единственно правильным путем будет предположение, что он происходит от незасвидетельствованной формы $*\pi\acute{\upsilon}\sigma\gamma\omega$ „выплевывать“, отражая египетский глагол r^{g} „выплевывать“, но помимо того подвергся контаминации с греческим глаголом $\acute{\alpha}\phi\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega$ „выливать“, „вычерпывать“, который с ним был сходен и по звукам и по значению. Однако в отношении значения можно предполагать, что результат контаминации воспроизводит в точности значение египетского глагола r^{g} „выплевывать“.

Гомеровское существительное $\acute{\alpha}\phi\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ с его значением „выносимые рекой массы ила“ связано с природой устья реки, и его следует отнести на счет того же антропоморфизма в словотворческом отражении явлений физической географии, какое свойственно самым различным языкам. Ниже это же нами установлено относительно слова $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ как восходящего к египетскому словосочетанию, означающему буквально „губы воды“.

Если очертания реки (первоначально только у ее устья?) уподобляются человеческим губам, то последовательно приравнивать приносимый течением реки мусор и ил, подлежащий удалению за пределы устья, той слюне, которую человек выплевывает либо вместе с мокротой, либо с такими составными частями пищи, которым он не дает доступа внутрь организма.

* * *

Слово $\pi\omicron\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma$ имеет два значения: 1. 1. „река Нил“, 1. 2. „канал (в Египте)“; 2. „река“.

В словаре Бузака под этим словом читается: „fleuve, rivière; sens prim.: eau qui se précipite“ („река; первоначальное значение: вода, кото-

рая устремляется“). Далее это образование возводится к индоевропейскому *peta „быстро двигаться“, „срываться“, „лететь“, „падать“.

Не подлежит сомнению (1), что высказанное Бузаком мнение отвечает мнению прочих индоевропейцев, а (2) что оно передает те самые мысли, которые с названным словом были связаны у древних греков: тому порукой читаемые у Гомера сочетания с эпитетом διπετής „ниспадающий с неба“. Ср. Илиада, 4 (Δ), 581:

ἄψ δ' εἰς Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο
στῆσα νέας...

„снова я поставил корабли в (воде) Египта, бегущего с неба потока...“;

(Перевод мой).

16 (π), 174:

Μενέσθιος...
υἱὸς Σπέρχειο διπετέος ποταμοῖο

„Менесфий, сын Сперхея, бегущего с неба потока“;

(Перевод мой).

21 (Φ), 327 (после слов Скамандра к Симоису):

πορφύρεον δ' ἄρα κῆμα διπετέος ποταμοῖο
ἴστατ' ἀειρόμενον, κατὰ δ' ἤρεε Πηλείων

„Встала, вздуваясь, волна поимого Зевсом потока,
Верх высоко поднялась, опрокинуть грозя Ахиллеса“;

(Перевод В. В. Вересаева).

Одиссея, 4(δ), 447 (прорицания морского старца Протея):

οὐ γὰρ τοι πρὶν μοῖρα φίλους τ' ἰδέειν καὶ ἰκέσθαι
οἶκον εὐκτίμενον καὶ σὴν ἐς πατρίδα γαῖαν,
πρὶν γ' ὅτ' ἂν Αἰγύπτιο διπετέος ποταμοῖο
αὐτίς ὕδωρ ἔλθῃς ῥέζῃς θ' ἱεράς ἑκατόμβας
ἀθανάτοισι θεοῖσι, τοὶ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν.

„Знай, что тебе суждено не видеть ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчины
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам“.

(Перевод В. А. Жуковского).

Оба упомянутых направления мысли, как научное, так и ненаучное, воспроизводят на этот раз не подлинные генетические связи, а только те связи, которые подтасовывает так называемая „народная этимология“,

действие которой, как известно, порой отражается и на звуковом составе того, чем она завладела.

В основе объяснения слова ποταμός „река“ я вижу египетское словосочетание šp·tj mw (вариант: šp·tj n mw) „берега́ воды“, дословно „губы воды“.

Это объяснение не является вполне очевидным. Обращаюсь к истории значения. По этой линии можно сослаться на сходную историю французского слова rivièrè „река“ ← *riparia от прилагательного riparius „береговой“. Можно сослаться на слово „губа“ как обозначение широкого устья наших северных рек. Ведь слово „губа“ первоначально не могло не относиться к берегам, окаймлявшим устье, подобно греческому слову χεῖλος „берег“, которое так и осталось без прямого отношения к стихии воды (и которое относится к берегам независимо от степени их близости к устью).

Но древнейшие данные самого греческого языка говорят о значении именно этого же слова ποταμός, о котором мы ведем речь.

У Гомера слово ποταμός связано с подлинным значением „река“ не без исключений. Остались следы другого, очевидно более древнего, значения, которое сближает слово со значением египетского словосочетания, положенного мной в основу слова ποταμός.

Вот примеры до сих пор не выявленного более древнего значения. Илиада, 18 (Σ), 521:

οἱ δ' ὅτε δὴ ῥ' ἴκανον, ὅθι σφίσιν εἶχε λοχῆσαι,
ἐν ποταμῶ, ὅθι τ' ἀρδμός ἐην πάντεσσι βοτοῖσιν,
ἔνθ' ἄρα τοῖ γ' ἴζοντ' εἰλυμένοι αἴθοπι χαλκῶ.

„К месту пришли, где всего им удобней казалась засада:
На берегу у реки, где обычно скотину поили.
Там они сели на землю, блестящей одетые медью“.

(Перевод В. В. Вересаева).

Одиссея, 5 (ε), 466:

ὄμοι ἐγώ, τί πάθω; τί νύ μοι μήκιστα γένηται;
εἰ μὲν κ' ἐν ποταμῶ δυσκηδέα νύκτα φυλάσσω,
μή μ' ἄμυδις στίβη τε κακὴ καὶ θῆλος ἔερση
ἐξ ἐλιγυπελίης δαμάσῃ κεκαφήστα θυμόν.
αὔρη δ' ἐκ ποταμοῦ ψυχρὴ πνέει ἥῳδι πρό.

„Горе мне! что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и холодный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишённого сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром“.

(Перевод В. А. Жуковского).

Во втором, более показательном, из приведенных текстов неизбежным минимумом отступления слова *ποταμός* от значения „река“ приходится считать значение „река вместе с ее берегом“, „поток реки вместе с прилегающими полосами берегов“, прежде всего в применении к соединению *ἐν ποταμῷ*. Правда, следует допускать, что как раз здесь наилучшим образом подошло бы даже такое значение слова *ποταμός*, которое еще точнее воспроизводило бы значение египетского прецедента этого слова, т. е. значение, точно отвечающее составу слов *šp·tj mw „губы (= берега) воды“.

Но едва ли мы здесь имеем значение „берег“. Такое значение можно, конечно, попытаться приписать настоящему месту из того соображения, что ему послужит параллелью двоякое значение французского слова *rivière* как восходящего к слову **riparia* от *ripa* „берег“ и что словарям известно значение „на“ предлога *ἐν* как такое его значение, которое делает сочетание предлога „на“ с существительным приемлемым для данного контекста в духе параллелизма *ποταμός* ~ *rivière*. Отметим, что близость слов *ἀρρή δ' ἐκ ποταμοῦ ψυχρὴ πνέει*, если за предлогом *ἐκ* должно быть признано доподлинное значение „из“, не говорит в пользу признания здесь за словом *ποταμός* в стихе 457, а следовательно, и в стихе 467, значения „берег“, как альтернативного по отношению к значению „река“. Ведь понимание „из берега“ представлялось бы по своей несуразности одинаково неприемлемым, как и перевод „из реки“ (в отличие „от реки“). Таким образом, основываясь на чисто греческих данных семантики, мы получаем определенно неудовлетворительное понимание обсуждаемого места. Притом, если мы примем предлог *ἐκ* с такой же определенностью в смысле значения „из“, с какой мы только и могли принять предлог *ἐν* в смысле „в“ = „в пределах чего“, то получится, что Одиссей говорил об утреннем ветерке как дующем из ближайшего окружения реки, т. е. вдоль течения реки, в ее обрамлении берегами, к тому устью, возле которого предстояло заночевать Одиссею. А значения „от“ = „в направлении от чего“ для гомеровского *ἐκ* мы не знаем.

Относительно существительного *ποταμός* в упомянутых местах Гомера значение „река“ не может быть допущено ни применительно к данному примеру сочетания *ἐν ποταμῷ*, ни к данному примеру сочетания *ἐκ ποταμοῦ*, так как этому противоречит смысловая связь, вытекающая из полноценного учета значения предлогов: с одной стороны, предлога *ἐν* „в“ = „внутри чего“, „среди чего“, а с другой — предлога *ἐκ* „из“ в отличие от *ἀπό* или *παρά* „от“. Комментаторы Амеис и Гентце,¹ предлагая перевод „у реки“, очевидно, поступали так потому, что не представляли себе иной возможности примирить якобы хорошо известный

¹ Homers Odyssee. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Fr. Ameis u. C. Hentze, Bd. I, H. 1, Ges. I—VI, 9. Aufl. Leipzig, 1890.

объем значения существительного *ποταμός* с предположением, согласно которому смертельно усталый от плаванья в море Одиссей взвешивал бы возможность проведения ночи „в самой реке“, но при этом опасался не длительности пребывания в воде и не ее температуры, а предутренней изморози и росы! Именно к искажению значения предлога и должны были неизбежно привести египтологически не выправленные представления классических филологов о смысловом значении этих двух слов: предлога и существительного.

Греко-египетские факты, касающиеся слова *ποταμός*, можно, согласно изложенному, освещать в том смысле, что в египетском языке было сочетание *šp·tj mw*, не объединенное в отношении выражаемых двух понятий, но гласившее о соотношении реки с ее берегами. Доступное же нам греческое воспроизведение названного сочетания только в виде исключения отражало у Гомера причастность слова *ποταμός* к двум смежным понятиям, т. е. к воде и суше. В остальном же и у Гомера и в позднейших источниках оно отвечало развившемуся на греческой почве значению „река“. Но следует иметь в виду и другой вопрос, — не было ли значение „река“ подготовлено развитием словосочетания **šp·tj mw* еще на египетской почве. В этом случае оба значения, выражающие как понятие „реки и прилегающей суши“, так и „реки (без ее берегов)“, были бы основаны на заимствовании.

Позволяю себе обратить внимание на то, что толкование новоегипетского сочетания *gmw šp·tj mw*, читаемого уже в среднеегипетском тексте,¹ не звучит убедительно, когда его переводят „рыбы берега“ = „рыбы, плавающие у берега“. Сам издатель Эрман пишет: „Серия родительных падежей *gm špt n mw* «рыбы края воды» несколько подозрительна“. Мы спрашиваем: не значит ли приведенное словосочетание попросту „речные рыбы“, „рыбы реки“?

Эберс,² переводящий это место также „рыбы берега“, т. е. якобы = „рыбы, плавающие у берега“, привлекает из другого, им не названного, текста сочетание *šp·tj mw* и переводит „обе губы воды“.

Если бы догадка о том, что сочетание *šp·tj mw* уже в египетском языке допускало не только значение „берега воды“, но и „река“, оправдалась, то получалось бы, что акту заимствования сопутствовали оба значения, представленные в греческом языке (см. выше сказанное о стихах Илиады, 18, 522, и Одиссеи, 5, 467).

Что касается упомянутого выше значения слова *ποταμός* „канал“,³

¹ A. Erman. Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele. Berlin, 1896.

² G. Ebers. Die Körperteile, ihre Bedeutung und Namen im Altägyptischen. Abhandl. der Bayer. Acad. d. Wissenschaften, I Kl., Bd. 21, 1 Abt., München, 1897, стр. 45—123.

³ См. словари: H. G. Liddell a. R. Scott. Greek-English Lexicon. A new Edition revised. . . by H. S. Jones. Oxford, Reprint, 1948; F. Preisigke. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. . . Heidelberg, 1924 и сл.

то ясно, что оно появилось не в такой стране, которая не знала каналов и, следовательно, едва ли могла дать своему языку повод к появлению в нем значения „канал“ у существительного, имевшего в качестве первоначального значения „берега“ \leq „губы воды“. По вопросу об исторической последовательности появления обоих названных значений „река“ и „канал“ следует, в соответствии с указанными выше составными частями прецедента слова *ποταμός*, считать, что ни одно из названных значений „река“ и „канал“ слова *ποταμός* не является вторичным по сравнению с другим. Египетское словосочетание означает первоначально „губы воды“ и тем самым годится как прототип слова *ποταμός* любого варианта значения. Ведь указанным составом египетского словосочетания, имевшего более древнее значение, еще не вполне утраченное греческим словом *ποταμός*, никак не затрагивается вопрос, имеется ли в виду русло реки и ее берега искусственные или естественные.

До сих пор мы останавливались на истории значения этого слова, прибегнув к предположению, что этимология и в остальном благополучна. Но в историко-звуковом отношении нет полноты соответствия между египетским словосочетанием и греческим словом. Наблюдаемую долю неточности звукового взаимоотношения следует приписать так называемой народной этимологии. При чисто фонетическом способе воспроизведения египетский согласный [t] в положении после гласного должен был быть отражен греческим придыхательным зубным. Тот факт, что слово *ποταμός* содержит зубной без придыхания [t], следует относить за счет народноэтимологического сближения греками египетского сочетания с греческим глаголом *πέτομαι* и *ποτέομαι*, неотъемлемой частью которого являлся зубной без придыхания. По этому поводу напоминаю о слове *τοξότης* „лучник“, в котором второй [t] (написание τ) мной объяснен под словом (*τοξότης*) путем предположения, что данная часть слова, восходящая к египетскому слову **sote* „стрела“, была приравнена греческому суффиксу *-ότης*, в результате чего далее возникло слово *τόξον* „лук“.¹

В том, что словом *ποταμός* не был воспроизведен начальный звук формы **σποδαμός*, сыграли свою роль стереотипные сочетания с такими именами, которые в одном, двух или трех падежах оканчивались на согласный [s]: я имею в виду сочетания *Αἴγυπτος* **σποδαμός* и *ἵππος* **σποδαμός*; первое отражено в виде *Αἴγυπτος* *ποταμός* (Одиссея 14, 258 = Одиссея 17, 428), второе — в виде *ἵππος* *ποτάμιος*.

В фонетическом прецеденте известного сочетания *ἵππος* *ποτάμιος* „гиппопотам“ соприкосновение двух [s] осуществлялось в падежных формах *ἵππος*, *ἵππος* и *ἵππους*. Слияние конечного и начального [s] было поводом к пересмотру начала второго слова, при содействии этому же народноэтимологического сближения с *πέτομαι*, *ποτέομαι*.

¹ П. В. Ернштедт, ук. соч., стр. 77 и сл.

При содействии этого же сближения с πέτομαι могли участвовать в устранении начального согласного [s-] также соединения с предлогом ἐνς (позднее — εἰς или ἐς) и ἐξ, ἐκ. В сочетании *ἐνς σποδαμόν, при неизбежности слияния двух [s], в сопоставлении с ποτέομαι получалась новая граница слов — ἐς ποταμόν. Сочетание ἐκ *σποδαμοῖο, при условии содействия того же сопоставления с ποτέομαι, исправляло неубедительное в синепии *ekspota'moio в том смысле, чтобы звукосочетание (eks-), как напрашивавшееся на восприятие в смысле одного из вариантов предлога ἐξ, ἐκ, было подменено вариантом ἐκ за счет того [s], который исторически принадлежал имени.

К числу таких сочетаний с предшествующим словом, которые могли серьезно содействовать утрате начального [s-], едва ли будет правильно присоединять сочетание διπτεῖς ποταμός, διπτεῖος ποταμοῖο, примеры которого даны в начале этого раздела статьи, и εὔρρεῖς ποταμός, εὔρρεῖος ποταμοῖο (Илиада, 6,508). Если эти сочетания, как таковые, и содействовали процессу отчуждения [s-], то только в такой мере, в какой язык поэзии способен влиять на повседневную речь.

Что касается сочетаний с теми формами будущего артикля, τόνς и τοῖς, которые в пору проникновения к грекам предполагаемого нами заимствования служили указательным местоимением, то следует отдать себе отчет в том, что упоминание рек во множественном числе при помощи слова, не сразу ставшего употребительным в отношении любых рек, не могло быть столь же древним, как только что упомянутые обозначения Нила и гиппопотамов, или „нильских лошадей“. Гиппопотамы первоначально связывались с определенной рекой — Нилом.¹ Осмысление слова „гиппопотам“ в смысле „речная лошадь“ было делом сравнительно позднего времени (того времени, когда слово ποταμός стало полноценным именем нарицательным, отвечавшим родовому понятию „река“, а первоначально под этим обозначением ἵππος ποτάμιος разумели не что иное, как „лошадь реки Нила“).

Что касается состава гласных после зубного согласного, то очевидно, что приписывать прототипу греческого слова тот краткий [u], на который оканчивается форма двойственного числа, застывшая в коптском слове спотоѳ „губа“, стоящем с артиклем либо единственного, либо множественного числа, не приходится, поскольку древняя форма двойственного числа гласила šp·tj, как выше уже упомянуто. Гласный, по-египетски предшествовавший второму компоненту и давший по-гречески [a], звучал так уже в египетском прототипе. Доказать это как фонетическую закономерность я не могу и считаю допустимой мысль, что соответствующая часть слова, если она отличалась от сочетания звуков -αμός, могла быть уподоблена таким словам на -αμός, кото-

¹ Ведь прочие реки Африки, в которых водился гиппопотам, древним известны не были.

рые нам известны в виде *χηρ-χμός* „щель“, *οὐλ-χμός* „толчая“. Но чисто фонетическое объяснение гласного [a] на основе прецедента *šp·tj* представляется непроверяемым. Во всяком случае нельзя приписывать, вопреки написанию *šp·tj*, новоегипетской эпохе коптский состав *spotu* (спотот), означающий морфологическую замену окончания двойственного числа женского рода его же окончанием мужского рода, в связи с чем в коптских источниках данное существительное частично имеет мужской род (песпотот).

Антропоморфический прием обозначения „берега“ при помощи слова, первичным значением которого было „губа“, „губы“, мы имеем в греческом существительном *χείλη* (τοῦ ποταμοῦ) „берега (реки)“ ← „губы“, а также в коптском существительном *spotu*, спотот или сфотот „губа(-ы)“ > „берег“ (как берег реки, так и берег моря), как явствует из соответствующих атрибутивных соединений.¹

Египетское обозначение Нила с помощью словосочетания, положенного нами в основу объяснения слова *ποταμός*, являлось чем-то средним между именем собственным и именем нарицательным. Применяемое к единственной реке Египта, это словосочетание было прежде всего именем собственным, пока им пользовались на территории самого Египта или же в беседе между египтянами. Но вместе с тем это слово стало именем, годным к применению к рекам любой страны, в качестве имени нарицательного. В этом отношении со словом *ποταμός*, возникшим у греков-ахейцев, современников Нового царства, бывавших и в Египте дело обстояло не иначе, чем у авторов среднегреческих текстов Египта, читавшихся как в самой этой стране, так и вне ее.

Я имею в виду такие тексты, как апофтегму 32-ю, об отце Арсении (Arophth. patrum²), где в устах уроженцев Египта, беседовавших на его территории, *ὁ ποταμός* — то же самое, что *ὁ Νεῖλος*,³ с той только раз-

¹ Житие святых Максима и Домития, стр. 290 (= *Annales du Musée Guimet*, t. 25, 1894, стр. 290): **μαρεμμοσι. . . εχεν παг сфотот нернс нте фюм. . . шатенρωл ераноф** „двинемся. . . по этому южному берегу моря. . . , пока не прибудем в Александрию“, и дальше там же: **еншбр са паг сфотот нернс нте фюм шатенρωл ераноф** „мы плывем под парусами вдоль этого южного берега моря“ и т. д. В обоих случаях „берег моря“ выражен словами, первое из которых обозначает первично только губу. Можно думать, что принцип обозначения „берега“ не только реки, но и моря, словом, первоначально обозначавшим „губы“, основан на еще древнеегипетской семантике слова *šp·t* „губы“. Ср. A. Erman u. H. Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Leipzig, 1926 и сл. под словом *šp·t*; W. Spiegelberg. *Koptisches Handwörterbuch*. Heidelberg, 1921, стр. 122, под словом **СПОТОТ**.

² *Patrologiae cursus completus*, ed. Migne, Series graeca, v. 65, 1864, стр. 97 и сл.

³ Там же, стр. 100, А: **Δεῦρο μετ' ἐμοῦ ἕως τοῦ ποταμοῦ καὶ ζήτησόν μοι πλοῖον ἐπὶ τὴν Ἀλεξάνδρειαν καταπλέον** „Пойдем вместе со мной до реки, и поищи для меня корабль, плывущий вниз по течению в направлении Александрии“; там же, стр. 100. В:

ницей, что употреблять подлинное имя собственное Νεῖλος никому в Египте, так сказать в домашних условиях, не приходило в голову.

Слово *ποταμός*, именно только потому не осталось при функции имени собственного, что оно сначала, попав в Грецию, стало нарицательным обозначением любых греческих рек, а затем всех рек, которые были известны людям, говорившим на греческом языке.

Экскурс о значении предлога ἐν

При обсуждении в Институте языкознания АН СССР моего доклада на эту тему было высказано соображение, что мое понимание двух мест Гомера может быть оспариваемо. Занявшись этим вопросом, я прежде всего должен был убедиться, что значения „на“, „у“ и „при“ в словарях указаны. Проверив, однако, все места, приводимые в словаре Лидделл и Скотт, как одном из наиболее подробных словарей, я, далее, убедился, что указанные значения числятся за предлогом ἐν необоснованно. Из них одно обусловлено тем, что лексикографы не проводят четкой грани между лексической семантикой и фразеологией, а другое — тем, что когда семантический облик слова в отношении части материала не выяснен и с основной передачей значения не согласуется, то лексикограф дает дословную передачу элементов той фразеологии, которая и подлежит передаче. Обычно такая рубрика учреждается не в сознании ее рабочего, временного, характера, а в том наивно-искреннем убеждении, что она адекватна соответствующей категории фактов.

В пределах сборной или гипотетической рубрики у лексикографов принято действовать в направлении межъязыкового соответствия слов порознь и установления значений в духе именно такого соответствия, без надлежащего учета семантической целостности фраз как таковых.

Когда Лидделл и Скотт в своем словаре дают другие значения предлога ἐν, то не только допустимо, но порой заслуживает предпочтения значение „в“ = „в пределах чего“: а) копье ломается в пределах дровка: *κίτεκλάσθη ἐνὶ κτυλῶ* (Илиада, 13, 608 и 17, 607), но никоим образом не на дровке и не у дровка; б) у лучника рвется тетива, находящаяся, как известно, в составе лука: *Τεῦκρον... ὅς οἱ εὐστρεφέα νευρὴν ἐν ἀμύμονι τόξῳ ῥῆξ' ἐπὶ τῷ ἐρούοντι* (Илиада, 15, 463); в) в мече блещут гвозди: *βάλετο ξίφος ἐν δέ οἱ ἦλοι χρύσειοι πάμφαινον* (Илиада, 11, 29); эти гвозди находятся в рукояти меча, следовательно, в самом мече, поэтому можно сказать, что они в нем блещут; разумеется, мыслимо сказать также, что они блещут на мече; но данных в пользу такого понимания в названном месте нет никаких; г) снег тает в горах, т. е. среди гор, хотя

Ἦντο; δὲ αὐτοῦ πλησίον τοῦ ποταμοῦ παιδίσκη τις Αἰθίοπισσα ἐλθοῦσα ἤψατο τῆς μηλωτῆς αὐτοῦ „В то время как он находился вблизи реки, девида эфиопка подошла и притронулась к его овчине.“

лежит он не только в горах (= среди гор), но и на горах (Одиссея, 19, 205): *ὡς δὲ χιῶν κατετήκετ' ἐν ἀκροπόλοισιν ὄρεσσιν* „подобно тому как таял снег среди высоких гор“ (перевод мой).

Все упомянутые случаи употребления предлога *ἐν* и его перевода иными предлогами, чем точно отвечающие по значению русскому предлогу „в“ с предложным падежом, при ближайшем их рассмотрении оказываются не отличающимися от тех, в которых предлог *ἐν* имеет свое нормальное значение.

* * *

Переходя к слову *τάφος* „ров“, укажем, что в этимологическом словаре Бузака при слове *τάφος* делается ссылка: *voy. s. v. θάπτω*; а под словом *θάπτω*, *асг. pass. ἐτάφην* „хоронить“ имеются слова *ἄθαπτος* „непохороненный“, *τάφος* „похороны“, „могильный памятник“, *ταφή* „захоронение“, „могильный холм“; оно сопоставлено с армянским *damban sépulcre*; дана ссылка на предложенное ван-Вийком (*N. van Wijk IF 24. 31 sq.*): др.-сев. *dammr*, ср.-верхне-нем. *tam* „ров“ (*digue*), обще-нем. **damma-z- < damb-ma-z*, *ie *dhomb-mo-s* „се qui semble préférable à l'étym. indiquée s. v. θαμά“.

Без всякого сомнения, слово *τάφος* напоминает формы глагола *θάπτω*. Но этимолог должен всегда помнить о том, что язык изобилует неожиданностями так называемой народной этимологии. У Гомера (Илиада, 12, 50, 52) слово *τάφος* встречается в следующей связи (соответствующие слова выделены и в оригинале и в переводе):

*ὡς Ἐκτωρ ἄν' ὄμιλον ἰὼν εἰλίσσεθ' ἐταίρων,
τάφρον ἐποτρύνων διαβαινέμεν. οὐδέ οἱ ἵπποι
τόλμων ὠκύποδες, μάλα δ' ἐχρημέτιζον ἐπ' ἄκρῳ
χείλει ἐφεσταίτες· ἀπὸ γὰρ δείδισσετο τάφος
εὐρεῖ, οὗτ' ἄρ' ὑπερθόρειεν σχεδὸν οὔτε περῆσαι
ρήϊδιη· κρημνοὶ γὰρ ἐπηρεφέες περὶ πᾶσαν
ἕστασαν ἀμφοτέρωθεν, ὑπερθεν δὲ σκολόπεσσιν
ὀξέσιν ἠρήρει, τοὺς ἕστασαν υἱὲς Ἀχαιῶν
πυκνοὺς καὶ μεγάλους, δῆϊων ἀνδρῶν ἀλεωρήν.*

„Так же и Гектор, толпы обходя конеборных троянцев,
Просьбами ров перейти побуждал их. Но даже и кони
Рва перейти не решались; вздымались и страшно храпели,
Стоя над самою кручею; пугал их тот ров, чрез который
И перейти было трудно и с края его перепрыгнуть.
Круты, обрывисты были с обеих сторон его стенки,
С той стороны частокол заостренный над ним поднимался, —
Крепкий, высокий, который воздвигли ахейские мужи,
Чтобы служил им надежной защитой против троянцев“.

(Перевод В. В. Вересаева).

В этих стихах Илиады край рта обозначен словом χεῖλος „губа“. Но этому краю противопоставляется ров, названный словом τάφρος женского рода.

В этой связи, поскольку собственным значением слова χεῖλος является „губа“, напрашивается мысль о возможности сопоставления слова τάφρος „ров“ с обозначением такой части тела, соотношение которой с губами сходно с соотношением между рвом и его краем: эта часть тела „зев“ или „пасть“ обозначается по-коптски словом тапро. Оно известно в свою очередь в переносном употреблении.

Что же касается ударения, то его нахождение не на конце — нормально, свидетельствуя при этом, что суффикс -ρός в обсуждаемом слове не усматривался. А тем самым отпадает и грамматическое основание к сближению с θάπτω.

Соответствие египетского [p] греческому [ph] нельзя назвать исключительным способом передачи египетского [p], и в связи с этим приходится оставлять открытым вопрос, не вызвано ли присутствие придыхания в ней народноэтимологическим сближением слова τάφρος со словами ἐτάφην и τάφος.

* * *

В заключение обратимся к слову ψέγω „порицать“, „хулить“.

При объяснении происхождения слова ἀφυσγέτος „ил“ (речь идет об иле, выносимом рекой из ее устья в море) выше указывалось, что это существительное образовано при помощи суффикса -έτος от глагола *ἀφύσγω „плевать“, „выплевывать“, получившегося из контаминации египетского заимствования, глагола *πύσγω „выплевывать“, с греческим глаголом ἀφύσσω „выбрасывать“, „вычерпывать“.

В работе „Египетские заимствования в греческом языке“ (стр. 164) обращено внимание на то, что египетские глаголы повторно попадали в греческий язык в форме сопряженного инфинитива (так называемого status constructus), получавшей при заимствовании то или иное греческое окончание.

При выяснении этимологии глагола σπείρω „сеять“, объясненного как сопряженная форма египетского инфинитива каусативного глагола šhr, мы видели,¹ что гласный [e] наличествовал только между третьим и четвертым согласным сопряженной формы инфинитива. При заимствовании сопряженной формы египетского трехслогового глагола pšg, абсолютная форма которого восстанавливается в составе звуков *pō:s^og,² можно ожидать сходное явление, следовательно, форму *pseg.

¹ П. В. Ернштедт, ук. соч., стр. 121 и сл.

² Как изложено в моем более пространном исследовании (ук. соч., стр. 157 и сл.), гласный [o:] подвергся замене гласным [u:], каковой в условиях закрытого слога подлежал замене краткостью.

В основе значения греческого глагола должно было лежать какое-то значение, ближе стоящее к материальному бытию, и мы полагаем, что значения „выплевывать“ или „оплевывать“ предшествовали значению „порицать“, „хулить“. При этом глагол прошел через стадию значения, которую проделал и глагол ἀποπτύω „выплевывать“ > „отвергать“ > „презирать“, „низко оценивать“; ср. аорист ἀπέπτυσα в значении нашего „тьфу!“, дословно „я сплюнул!“. Наличие именно этого отрицательно-оценочного оттенка значения, а именно оттенка в смысле „презрительности“, между прочим отмечено в Берлинском словаре египетского языка под словом pšg.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕГИПТА В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ГЕРАКЛЕОПОЛЯ

(IX—X династии)

Падение Древнего царства Египта около 2400 г. до н. э. сопровождалось внутренними смутами и вторжениями чужеземцев. Распад Египта на самостоятельные области и междоусобные войны между ними являются причиной того, что эта эпоха очень бедна как письменными памятниками, так и памятниками материальной культуры и искусства в особенности. Разделение Египта на номы повлекло за собой значительное ослабление сношений с соседними племенами. Между тем эти связи в Древнем царстве достигли уже большого развития. Как археологические раскопки, так и памятники письменности не дают сколько-нибудь значительного материала для выяснения взаимоотношений Египта с другими странами в это время. Важнейшим памятником, освещающим эти связи, является хранящийся в Эрмитаже папирус 1116-а,¹ в котором дается характеристика азиатских племен, кочующих в пограничных с Египтом областях. В дополнение к этому привлекаются некоторые надписи, современные гераклеопольской династии, и данные из „Повести Синухета“, относящейся к Среднему царству.²

Объединение Египта в конце III тысячелетия до н. э., возглавленное фараонами Гераклеопольской династии, проходило в обстановке чрезвычайно обостренной внутривосточной борьбы³ и непрерывных войн с соседними племенами, постоянно нарушавшими восточную границу в дельте Нила. Эти обстоятельства определяли взаимоотношения Египта с азиатскими кочевниками, бывшими непосредственными соседями Египта в Азии. Для характеристики этих отношений мы располагаем небольшим количеством памятников, главным образом письменных. Это прежде всего поучения гераклеопольского царя своему сыну

¹ Отрывки этого папируса хранятся в Государственном Музее изобразительных искусств (ГМИИ) им. А. С. Пушкина (папирус № 1-1-6.86).

² Б. А. Тураев. Рассказ египтянина Синухета. М., 1915.

³ Р. И. Рубинштейн. Внутренняя политика Ахтоя Уахкара. ВДИ, 1948, № 4, стр. 177 и сл.

(Эрмитажный папирус 1116-a verso), надписи гермопольских и сиутских номархов, надписи из гробниц эль-Берше и Шейх Саида. Упомянутая „Повесть Синухета“ хотя и относится к Среднему царству, но дает очень интересную картину жизни азиатских кочевых племен, находившихся в период Гераклеополя на том же уровне развития, что и несколько столетий позже.

На юг Египта, начиная от Тинисского нома, власть Гераклеополя вначале не распространялась. Дельта же была подчинена фараонам гераклеопольской династии. Об этом свидетельствует и гиря с именем Ахтоя I Небкаура, найденная в Питоме,¹ и данные „Поучения“ (папирус 1116-a), совершенно ясно указывающие на то, что Дельта была подчинена еще предшественниками Ахтоя III. Однако обстановка в Дельте продолжала оставаться очень напряженной. Это объяснялось не только причинами внутреннего порядка, но и постоянными вторжениями кочевых племен с запада и востока.

В первых же строках „Поучения“ имеется упоминание об азиатских племенах. Так, в строке 14 сохранилось только одно слово whjtt „племя“ — обычно „племя кочевников“. В строке 17 осталось несколько слов, почти фраза: „... его для племени (кочевников), берегись, чтобы не...“. Все первые строчки поучения (от 1-й по 24-ю) сохранились очень плохо, и о содержании можно судить лишь по незначительным отрывкам фраз и слов, из которых видно, чего больше всего должен опасаться фараон и что является наибольшей угрозой для спокойствия Египта. Оказывается, что таковыми являются: восстание бедноты, мятеж в номах против египетского царя и вторжения из Азии, как об этом говорит „Поучение“ фараона своему сыну.

Усмирение „мятежников“, поднявших борьбу за независимость своих номов, подавление восстаний бедноты и разгром кочевых племен, нарушавших границы Египта, — вот основные задачи, поставленные в „Поучении“, решению которых должна была быть подчинена вся внутренняя и внешняя политика Египта. В этом основная идея политического трактата, каким является „Поучение“, и все рассуждения о религии, морали, о правах и обязанностях фараона подчинены ей.

В свете этих задач следует проанализировать взаимоотношения Египта этого периода (IX—X династий) с азиатскими племенами, кочевавшими в непосредственной близости к его восточной границе, у Дельты. Интересно сопоставить и взаимоотношения гераклеопольских фараонов с южным Египтом, с которым в это время шла длительная и жестокая борьба за гегемонию. Укрепление восточной границы являлось для гераклеопольцев необходимым условием, создававшим возможность продолжения борьбы на юге государства.

¹ Petrie. Hyksos und Israelite cities, British School of Archaeology in Egypt. London, 1906, pl. XXXII A, стр. 32.

В текстах этого времени неоднократно встречаются термины, которыми названы племена кочевников в степях южной Палестины и на просторах Синайского полуострова. В самом „Поучении“ мы находим whjtt „племя“, ḥmw „азиат“, pdtj „лучник“. В современных гераклеопольской династии текстах, кроме вышеупомянутых названий, имеется и такое — hjstjw „жители пустыни“.¹

Если три последних термина можно отнести к азиатским кочевникам, то первый термин — whjtt — может вызвать сомнение, имеет ли он отношение к жителям южной Палестины и Синайского полуострова. Однако этим термином whjtt названы азиатские племена, упоминаемые в рассказе Синухета. К этому же выводу приходит М. Э. Матье в своей работе о терминах родства в древнем Египте² и Шпигельберг, подробно разбиравший этот термин в специальной работе.³

В „Поучении“ очень образно и ярко характеризуется жизнь этих племен (стр. 92 и сл.): „Не сидит он (т. е. „азиат“) на одном месте, бродит он из-за нужды, пересекает он пустыню ногами своими“. Эта фраза не оставляет сомнения в том, что это были кочевые племена, которые переходили с места на место в поисках воды и корма для скота. В условиях полупустынной местности, бедной водой, было возможно только кочевое скотоводство: „плохо место, в котором находится („азиат“), скудно оно водой“, — говорится в „Поучении“ (стр. 97 и сл.). Подтверждение того, что они были действительно скотоводами, мы находим на стр. 97, где Ахтой III говорит о добыче, захваченной им у „азиатов“ — это скот, главное богатство этих племен. Источник сообщает, что они кочевали со своими стадами по трудно проходимым горным дорогам и тропам, среди холмов и гор, покрытых кустарником (стр. 92), подходили к самым границам Египта и нередко вторгались в долину Нила, грабили города и поселения и возвращались обратно. Особенно частыми становились такие набеги, когда наблюдалось ослабление политической власти в Египте, и в силу этого не уделялось достаточного внимания охране границ. Тогда буквально все племена приходили в движение. Вооруженные главным образом луками и стрелами, а также частично секирами, кочевники неожиданно подкрадывались к границе страны и врвались в ее незащищенные поселения. Они никогда не объявляли войны, не объявляли дня битвы, но уподоблялись „грабителю“, который боится объединенного отряда („Поучение“, стр. 97). Именно этого положения больше всего опасались в Египте. „Азиат — это крокодил на его берегу, — говорится

¹ K. Anthes. Felsinschriften von Hatnub. Leipzig, 1928, Graffito 25, стр. 13.

² М. Э. Матье. Из истории семьи и рода в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 3, стр. 52—53.

³ W. Spiegelberg. Zu whjtt Stamm, Ansiedlung. Rec. de travaux relat. à la philol. et archéol. égypt. et assyr., t. XXVI, Paris, 1914.

далее в „Поучении“, — грабит он одинокого, не нападает он на округа с многочисленными поселениями“ (стр. 98).

Столкновения и войны с соседними азиатскими племенами происходили на всем протяжении истории древнего Египта и не являются специфической особенностью одной только эпохи гераклеопольской династии. Так об этом и сказано в „Поучении“: „Воюет он (т. е. „азиат“) со времен Гора,¹ но не побеждает он и сам не бывает побежден“ (стр. 93). Кроме указания на давность борьбы с азиатскими племенами, в этой фразе отмечается также характерная особенность этих войн. Здесь обнаруживается невозможность разбить окончательно племена кочевников, которые легко ориентируются в знакомых им местах и ускользают от преследующего их врага по горным тропинкам, скрытым непроходимыми зарослями кустарников.² Кочевникам удавалось избежать полного разгрома, и они вновь появлялись у египетских границ, но сами они не были в состоянии захватить Египет. Для этого они были слишком неорганизованны, малочисленны, примитивен был весь уровень их общественного строя и производительных сил.³ Единственно, на что могли отважиться „азиаты“, это совершать нападения на небольшие изолированные поселения, на одиноких путников-купцов (стр. 98). В период внутреннего ослабления Египта охрана границ обеспечивалась недостаточно, а в отдельных местах исчезала, набеги учащались и становились более дерзкими, разрушительными и начинали угрожать спокойствию всей страны. Когда произошло возвышение гераклеопольской династии, которая стремилась к гегемонии над всем Египтом, основной задачей для объединения севера и юга был разгром кочевников Азии, полная ликвидация угрозы их вторжения, восстановление торговых связей с Финикией и Палестиной.

Другим источником, описывающим Сирию и Палестину в наиболее близкий к гераклеопольской династии период, является „Повесть о Синухете“. События, описываемые в „Повести“, относятся к году смерти Аменемхета I (1970 г. до н. э.) и к началу царствования Сенусерта I (1970—1960 гг.). Таким образом, промежуток времени, отделяющий „Поучение“ от „Повести“, равен примерно полутораста столетиям. Однако описание жизни азиатских племен, кочевавших в непосредственной близости к Египту, настолько совпадает с описанием в „Поучении“, что это позволяет использовать текст Синухета для характеристики кочевых соседей Египта в гераклеопольский период.

¹ Намек на мифологический период, когда царем Египта был Гор, сын Осириса. Выражение имеет смысл: „с давних пор“.

² Сравнить с походом Дария на скифов.

³ Нельзя сравнивать эти кочевые племена с гиксосами. Гиксосы были многочисленны и у них была боевая колесница, т. е. более высокая военная техника, чем у египтян.

С самого начала описание пустынной местности, куда попадает Синухет после своего бегства из Египта, дает ту же картину, что и стр. 92—98 „Поучения“ гераклеопольского царя.

Синухет добирается до границы, где стоит укрепление, известное под именем „стена князя“, выстроенное для защиты от азиатских кочевников, для отражения „бродящих по пескам“. Синухет тайно бежит из Египта, и поэтому он старается перейти границу так, чтобы его не заметила охрана. Осторожно проскользнув, он оказывается в пустынном безводном месте, покрытом кустарником.

О том, что эти места безводны, свидетельствует и то, что Синухет шел, изнывая от невыносимой жажды. Когда он на рассвете добрался до области Кемуэр („Соленых озер“), он чувствовал себя совершенно обессиленным. „Напала на меня жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало и я сказал: «это — вкус смерти»“ („Повесть“, стр. 20—25). Только люди, попавшие в место, „скудное водой“, и путешествующие по безводной пустынной местности, могут испытывать такие невыносимые страдания от жажды, которые еще тяжелее, чем муки голода.

Спасение для Синухета пришло от кочевников, которые проходили по тем местам. Он рассказывает: „Я услышал голос мычащих стад, я заметил азиатов: узнал меня вождь (mṯn) их, который бывал в Египте. Он дал мне воды, вскипятил для меня молоко. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо“ (стр. 25 и сл.).

Из этих нескольких строк можно извлечь много материала для характеристики племени, с которым встретился Синухет. Это были кочевники, занимавшиеся скотоводством в условиях безводной пустынной местности. На кочевой образ жизни племени указывает неоднократно встречаемый термин — „бродящие по пескам“. В описываемый период это было мирное племя, имевшее, повидимому, достаточно близкую связь с Египтом, где его представители бывали неоднократно либо с приношением дани, либо с торговыми целями. Вождь племени, узнавший Синухета, имел, видимо, доступ ко двору фараона, где он мог встречать Синухета, бывшего придворным вельможей при царском гареме. На родовой строй указывает термин whjtt „племя“, во главе которого стоял вождь (mṯn). Напив и накормив путника, вождь не оставляет его у себя в доме, а ведет его к своему племени. Очевидно, такого дома, в котором вождь или любой член племени чувствовал бы себя полным хозяином, как рабовладелец в своей усадьбе, еще не было. Пришельца принимает не отдельный человек и не вождь, а все племя в целом. Синухету по законам гостеприимства оказали в племени хороший прием, тем более что его знал вождь племени. Кроме того, имеется одна мелкая, но очень характерная черта, лишняя раз доказывающая наличие родового строя в этом азиатском племени. „Азиат“, подобравший Синухета, был вождем, следовательно представителем

родоплеменной знати. Однако внутри племени отношения были просты и примитивны. У вождя не было своего слуги и, повидимому, он сам приготовил пищу Синухету („вскипятил молоко“), может быть даже сам его подал. Вождь сам же повел его к своему племени. Когда Синухет описывает свое возвращение в Египет, он не раз говорит о том, что „каждый слуга был при исполнении своих обязанностей“, слуги сопровождали его, готовили ему пищу, приготавливали его одежду и т. п. Сопоставление этих данных „Повести“ Синухета очень ярко показывает разницу в социальной структуре рабовладельческого Египта и родоплеменной примитивной организации азиатских кочевников, населявших южную Палестину.

В дальнейшем Синухет переходил от одного кочевого племени к другому, добрался до области к востоку от Библа и остался жить в Кедеме,¹ где он провел полтора года. В конце концов Синухет попал в Верхнее Ретену к правителю Энши, сыну Аму, у которого он и остался жить до возвращения в Египет.

Эта часть „Повести Синухета“, описывающая Палестину и Сирию, тоже очень интересна и имеет большое значение для истории этих стран времени начала Среднего царства, но выходит за хронологические рамки настоящей темы. Описываемые племена, обитатели Верхнего Ретену, находились на стадии разложения родового общества. Наряду со скотоводством они занимались и земледелием, вели полуседлый образ жизни, имели войско, у них уже был „царь“, вероятнее всего типа „басилевса“ гомеровской эпохи, имелись и „начальники“ племени. Повидимому, это был уже союз племен. Во всяком случае, все эти черты, характерные для племени или союза племен Верхнего Ретену, не могут служить параллелью к тем племенам „азиатов“, которые описаны в „Почуении“.

В этой части „Повести“ необходимо обратить внимание на одну сторону, имеющую значение для характеристики взаимоотношений Египта с Сирией и Палестиной.

При дворе Энши, сына Аму, царька Верхнего Ретену, жили египтяне и до появления Синухета; Б. А. Тураев² считал их политическими эмигрантами. К царю приходили из Египта послы. Это указывает на независимость Палестины от Египта в тот период и на наличие мирных отношений между этими странами. Подобные отношения, наступившие после ряда длительных войн и столкновений, стали возможными лишь благодаря политике, проводимой фараонами IX—X династий, которые укрепили восточную границу Египта и заставили азиатских кочевников прекратить свои систематические набеги на Дельту.

¹ Кедем — общее название для Востока.

² Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 18, прим. 2.

В этом отношении очень много было сделано фараоном IX династии Ахтоем III Уахкара, эта борьба была отражена и в „Поучении“, автором которого являлся сам фараон.¹

Главными противниками гераклеопольских фараонов на юге были фиванские номархи, от них шла угроза захвата севера и создания Египетского государства под владычеством Фив. Борьба шла на южной границе у Тинита. Чтобы развязать себе руки и укрепить положение на севере, необходимо было обеспечить Египет от возможности вторжения азиатских племен. Поэтому Ахтой III обратил серьезное внимание на борьбу с кочевниками и на укрепление восточной границы. Ему удалось в этом отношении добиться очень больших результатов. Были мобилизованы все военные силы у дельты Нила. Опираясь главным образом на северные войска, Ахтой мог нанести „азиатам“ решающий удар. В то же время под командованием Сиутского номарха Тефьеба другие войска были сосредоточены у южной границы. Египтяне на севере дошли до стоянок бедуинов, разбили их, разрушили их поселения и угнали скот в Египет. „Я дал разбить их Дельте, я разграбил их поселения, захватил их стада, чтобы отвратить азиатов от Египта“, — говорит фараон („Поучение“, стр. 96—97). После этого Ахтой укрепил границу, построил вдоль нее целый ряд городов, точнее укрепленных поселений, и оставил там как охрану гарнизоны воинов. „Смотри, вбит кол азиатов мною. Я сделал на востоке границу от Хебену до дороги Гора... населенной городами, полными людьми (может быть „призванными“) на земле до границы ее, чтобы отражать нападение тех, кто находится там в ней“ (стр. 88—90). После этого царь с полным правом мог сказать своему сыну, что ему больше не надо беспокоиться о восточной границе, ему следует только продолжать то, что начато было его отцом. Дважды повторяется эта мысль в строках 38—39 „Поучения“: „смотри за границами твоими“, „укрепляй границу твою“, „округа твои“, и в строках 62—63: „Смотри за границами твоими, укрепляй памятники твои, полезны отряды для владыки их“.

Ахтой добился полного успеха: на севере „укреплены были границы в Дельте и сильны ее крепости“ (стр. 102). Он с гордостью заявляет, что никому еще до него не удалось сделать больше, чем он. „Я посмотрел бы на сильного (т. е. героя, богатыря), который прошел бы мимо этого и сделал бы больше, чем я“ (стр. 90). Сын не должен пренебрегать советами отца, данными им на основании собственного опыта: „пренебрегающий моим наследством, плох он“ (стр. 90—91).

Результатом этой политики был мир на восточной границе Египта и возобновление торговли с Финикией, которая поставляла лес.

¹ Эрмитажный папирус, 1116-а и папирус ГМИИ, I, 16, 86.

Военные походы египтян вначале были оборонительными, чтобы „отвратить азиатов от Египта“. Однако и тогда они носили грабительский характер. Это — типичные войны рабовладельческого государства, нападавшего на соседние земли, в погоне за добычей, за недостающим сырьем и за людьми. Характерные для периода Древнего царства, эти черты еще больше усиливаются в период Среднего царства, когда земли не только грабят и разоряют, но их захватывают и облагают данью население.

Выше мы видели описание жизни кочевых племен, которые жили в примитивных условиях, находились на более низкой ступени культуры, чем египтяне.

Возвратясь из своего путешествия по пустыням, Синухет пишет: „Слуга, находясь при исполнении своих обязанностей, скидывал годы с моего тела“, т. е. благодаря омоновениям и косметике сбросил следы многих лет некультурного образа жизни. „Я отдал тяжесть пустыне“, т. е. омылся от пыли и грязи, „одежды свои — обитателям песков“ (пестрые одежды бедуинов). „Я был одет и в тонкую ткань, умащен лучшим маслом, а ночь я спал на постели. Я отдал песок живущим на нем, деревянное масло тем, кто им умащается“.¹

Иной характер взаимоотношений имеет место на юге, между Гераклеополем и Фивами.

Пограничным номом между ними считался Тинис, область, на которую одинаково претендовали и гераклеопольские династии IX—X и XI династия фиванских фараонов, к тому времени уже самостоятельных.

Цари XI династии склонны были рассматривать область от 1-го до 10-го нома Верхнего Египта как свои наследственные владения, которые, согласно фиванской традиции, сохранялись в их роду по женской линии. Нофрукаит, жена одного из преемников номарха Антефа, может быть, Антефа II Уаханха,² говорит о том, что она наследовала от своей матери людей от Элефантины до Афродитополя³ (10-й ном Верхнего Египта).

Неоднократные упоминания Тиниса в „Поучении“ совершенно четко показывают, что гераклеопольские правители рассматривали эту область как подвластную им территорию.

Если основной причиной войны между Гераклеополем и Фивами является борьба за власть над всем Египтом, то постоянным поводом к непрекращающейся вражде был спорный Тинисский ном.

Эта область попала под власть Гераклеополя сравнительно поздно, так как еще при Ахтосе II Мериибра Абидос, расположенный в Тинисе,

¹ Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 43.

² E. Meyer. Geschichte des Altertums, 5-te Aufl. Stuttgart, 1925, Bd, I, § 276.

³ Lange und Schäfer. Grab und Denksteine des Mitleren Reichs, N 20543, стр. 10.

еще не принадлежал Ахтою II. Лишь Ахтой III Уахкара (автор знаменитого „Поучения“) мог с гордостью заявить, что он закрепил за собой Тинисский ном: „Я прославляю себя из-за Тиниса, Маки и границы юга до Таут, я схватил их подобно потоку, не делал этого Мерибра правоголосый“ (стр. 72—73). Однако власть Гераклеополя в Тинисе была непрочной. В пользу этого предположения говорит тот факт, что гераклеопольские цари не попали в царский Абидосский список, как не имевшие отношения к Абидосскому храму. И хотя в „Поучении“ уделяется много внимания строительству храмов и культу Осириса, тот факт, что они не принимали участия в постройке и украшении Абидосского храма, можно объяснить только тем, что период их господства в Тинисе был очень кратковременным. Начавшаяся вскоре война Фив под руководством Антефа II Уаханка¹ за Тинис против Ахтоя III сделала положение Гераклеополя еще более неустойчивым.

Эта непрочность господства над южными номами, пограничными с Фивами, где росло и усиливалось могущество фиванских правителей XI династии, вызывала по отношению к Тинису, да и ко всему югу в целом со стороны гераклеопольских царей, очень осторожную и мягкую политику: „не поступай плохо с югом; ты знаешь сказанное столпцей относительно этого“ (стр. 71). Более того, Ахтой III, подобно своим предшественникам, заботился о снабжении южных номов хлебом: „вот я делал подобное тому, что было сделано предками: не было у них (т. е. у южных номов) зерна, дали ему его“ (стр. 77). Гераклеопольские фараоны прекрасно понимали значение юга для объединения всего Египта и всеми силами стремились закрепить за собой Тинис, удобный плацдарм для нападения на Фивы и для дальнейшего продвижения вверх по Нилу.

Это же стратегическое и экономическое значение Тиниса прекрасно учитывали и фиванцы.

В конце царствования Ахтоя III началась война, причем сильно пострадал Тинисский ном. „Смотри, дурные дела произошли в мое время. Разрушена область Тиниса. Случилось это из-за того, что было сделано мною. Узнал я это после того, как это было сделано. Смотри, необходимо это. Плохо это. Неполезно это для меня. Остерегайся возмездия за удар подобным (ударом)“ (стр. 119—120).

Это единственное место в „Поучении“, где прямо говорится о войне. Очевидно, произошло внезапное нападение на Тинис со стороны Фив, и отдельные военные действия со стороны Гераклеополя развернулись до того, как об этом узнал сам фараон. Ситуация, повидимому, была такова, что действовать пришлось быстро и решительно. В результате область Тиниса сильно пострадала, и Ахтой чувствует себя ответственным за это.

¹ Lange und Schäfer, ук. соч., Каирская стела № 20, 512.

Памятники фиванского круга, прежде всего стела номарха Джари,¹ раскрывают смысл этих строк „Поучения“ гераклеопольского царя, так же как и Каирская стела (20512) Антефа II. Характер обоих памятников позволяет сделать вывод, что разгром Тиниса произошел по вине фиванцев, переступивших границу, что и вызвало ответные действия со стороны Гераклеополя. Впрочем, Ахтой III не снимает с себя полностью вины за события в Тинисе и оправдывается только тем, что его репрессии были вызваны обстоятельствами.

Нигде нет прямых указаний на характер этих обстоятельств. Можно только предположить, что Тинис в борьбе Фив с Гераклеополем, вероятно, оказал поддержку первым, за что и понес наказание. И хотя Ахтой III подчеркивает, что эти жестокие меры были „необходимы“ („Поучение“, стр. 120), он прекрасно отдавал себе отчет в том, что такая политика не привлечет Тинис на его сторону, а скорее вызовет отпор. Недаром он пишет, как было указано выше, „плохо это, не полезно это для меня, остерегайся возмездия за удар подобным“ (стр. 120).

Для того чтобы ослабить напряженное положение, создавшееся на юге, Ахтой стал проводить очень мягкую и осторожную политику. „Будь милостив с ними (т. е. с жителями юга)“. „Восстанавливай крепости. Будь хорош со стороны юга, и придут к тебе носители даров с дарами“. „Будь снисходителен к усталости их ради тебя, придет к тебе гранит (из Ассуана) без помехи“ (стр. 74—77).

Чем же можно объяснить такую мягкую политику Ахтоя III по отношению к Тинису и к югу вообще, требование снисходительности и заботы о людях, даже снабжение их зерном в случае недостатка у них хлеба. Эта осторожная политика в отношении юга, и особенно Тиниса, объясняется тем, что Ахтой III был не уверен в прочности мира с фиванцами. Установление „status quo ante bellum“ и после войны несколько не решало спорных вопросов владения Тинисским номом, не уничтожало опасности войны с обеих сторон.

Превосходство гераклеопольцев, позволившее им закрепить границу в Тинисском номе, было, однако, не слишком велико. Ясно, что фиванцы, не отказавшиеся от своих притязаний на этот ном, готовили дальнейшее наступление. События,² развернувшиеся после смерти Ахтоя III, оправдывают его предположение. Новой войны с фиванцами должен был опасаться Ахтой III, и ради этого он стремился упрочить за собой юг. Единственным оплотом Гераклеополя на юге был Сиут, прежний ном, где сидели номархи, тесно связанные с домом Ахтоя, возможно даже родственными узами, о чем свидетельствует надпись

¹ F. Petrie. Qurneh I. School of Archaeology of Egypt, London, 1909, pl. II.

² Последующая война между Фивами и Гераклеополем при Мерикара и окончательная победа фиванского царя Ментухотепа III.

сиутского номарха Ахтоя I.¹ Своей мягкой и осторожной политикой Ахтой III хотел создать себе подобный же оплот и в Тинисе, ставшем при нем пограничным номом. Тинисский ном, фактически мало связанный с Гераклеополем, мог при новой войне легко перейти опять на сторону Фив.

Эту политику по отношению к Тинису Ахтой распространял и на весь юг, т. е. от 1-го до 10-го номов, население которых тоже состояло из египтян, возможных подданных Гераклеополя в будущем, при условии разгрома фиванской династии. Поэтому их необходимо было привлечь на свою сторону мягкой политикой, снисходительностью к невыполненным обязательствам и предоставлением им хлеба.

Разница между характером внешней политики Гераклеопольской династии на востоке и ее политикой на юге Египта выступает очень ярко в „Поучении“ Ахтоя, где четко видна мысль, что войны рабовладельческих государств являются грабительским способом добычи рабов и имущества.²

По отношению к югу Ахтой предостерегает в своем „Поучении“ от грабежа и разрушения городов, он требует мягкости и по отношению к людям и установления спокойствия во всей стране (стр. 80—81).

В известный момент пришлось отступить от этого правила и в войне с югом, где были допущены акты насилия и репрессий. Царь находит оправдание своим поступкам, он объясняет их необходимостью. Поведение Тиниса вызвало применение оружия: „смотри, необходимость была в том, что я совершил“ (стр. 121).

Идеи Ахтоя III напоминают в зародыше те идеи, которые были впоследствии развиты греками, в частности Платоном.³

Таким образом, в период, когда в Египте шла борьба за укрепление рабовладельческой собственности, борьба за создание объединенного могущественного государства, отношения к соседним пограничным племенам носили чисто военный характер. Египтяне не только укрепляли границу, чтобы оградить себя от внешних вторжений, но и сами неоднократно совершали набеги с захватом добычи и военнопленных, что тоже должно было способствовать утверждению рабовладельческой собственности в период укрепления египетского государства.

¹ Griffith. The inscriptions of Siut and Dêr Riteh. Гробница V.

² Мишулин. Идея права в международных отношениях греков. ВДИ, 1946, № 2, стр. 61.

³ П л а т о н. Республика, 475а.

ИЗ ИСТОРИИ АРАВИИ В НАЧАЛЕ VI в. н. э.

При недостатке сведений о доисламской Аравии особенно важное значение приобретает всякий новый источник, проливающий свет на этот период. Поэтому несомненный интерес представляет надпись хымьяритского царя Ма'дикариба Йа'фура, датированная 631 г. хымьяритской эры¹ (516 г. н. э.). Она найдена в оазисе Ма'сил Джумх в центре Аравии, на автомобильной дороге из Мекки в ар-Рийад, несколько южнее Давадами. Эта надпись особенно интересна тем, что она дает сведения по истории центральной Аравии в неразрывной связи с историей лахмидского и хымьяритского государств.

Исследуемая нами надпись была обнаружена английским ученым Фильби (Philby) и издана по снятой им копии проф. Рикмансом.² Однако качество имевшейся копии не позволяло прочесть текст целиком, а оставшиеся лакуны обесценивали содержащиеся в надписи сведения. Новая копия, сделанная Г. Рикмансом, послужила основой для повторного издания, сопровождающегося подробным филологическим комментарием.³ Исторический комментарий к надписи составлен Ж. Рикмансом.⁴ Новый вариант перевода был дан в статье Смита.⁵ Ниже приводится русский перевод текста надписи и возможно полный филологический и исторический комментарий.

Надпись сообщает нам о том, что хымьяритский царь Ма'дикариб Йа'фур по просьбе подчиненных ему арабов-бедуинов, подвергшихся

¹ Вопрос о начале хымьяритской эры в последнее время был затронут в работах Бистона [A. Beeston. Problems of Sabaeen Chronology. Bull. of the School of Orient. and Afric. Stud. (BSOAS), v. 16, 1954, стр. 1] и Смита (S. Smith. Events in Arabia in the 6th century A. D. BSOAS, v. 16, 1954, стр. 3) и является сейчас дискуссионным. Рассмотрению его автор надеется посвятить отдельную работу; в настоящей статье используется традиционная дата начала хымьяритской эры — 115 г. до н. э.

² G. Ruskman's. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, v. LXIV, 1951, № 446.

³ G. Ruskman's, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, 1953, стр. 307—310

⁴ J. Ruskman's. Inscriptions historiques sabeennes de l'Arabie centrale. Le Muséon, v. LXVI, 1953, стр. 326—330.

⁵ S. Smith, ук. соч. 460—461. Работа Каскеля (W. Caskeel. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Heft 30) стала мне известна лишь тогда, когда настоящая статья была уже набрана, и только по краткой рецензии Г. Рикманса (G. Ruskman's, ук. соч. Le Muséon, v. LXIII, № 3—4, 1955, стр. 413—414).

нападению хирского правителя ал-Мунзира III, совершил поход в область, названную в надписи „равнина Ката“ и расположенную, очевидно, недалеко от вадии Ма'сил. Его сопровождало в этом походе войско, состоявшее как из хымьяритов, так и из различных бедуинских племен центральной Аравии. Поход, повидимому, был не вполне удачен, так как о сражении с войском ал-Мунзира, захвате пленных и т. п. не говорится ничего. Результатом похода был мир, заключенный между Ма'дикарибом и ал-Мунзиром, об условиях которого в надписи ничего не сказано.

Интересен прежде всего самый факт находки хымьяритской надписи на расстоянии почти в тысячу километров к северу от Мариба, в самом сердце Аравии. Надпись, высеченная на скале, предназначалась для того, чтобы сообщать окрестному населению о подвигах царя Ма'дикариба; следовательно, можно сделать вывод, что хымьяритский шрифт был в это время известен в центральной Аравии и надпись могла быть прочтена. Мы не говорим здесь о языке, так как сходство южноарабских языков с северноарабским настолько велико, что перевода не требовалось. Следует отметить, что и другие хымьяритские надписи, найденные в центральной Аравии, не сопровождаются параллельным текстом. Это является веским доказательством распространения хымьяритского влияния в Аравии.

Царь Ма'дикариб Йа'фур известен только по данной надписи. Его следует отождествлять с упомянутым в „Книге Хымьяритов“ царем Ма'адкаримом, предшественником Йусуфа зу-Нуваса.¹ Однако северноарабские мусульманские источники такого царя не знают, что позволяет сделать вывод о непродолжительности его царствования.

Причина похода названа в надписи — это просьба подвластных Хымьяру арабов. Однако нам кажется, что действительная причина лежит глубже. Известно, что на рубеж V—VI вв. падает расцвет киндитского государства, подчинившего себе значительную часть центральной и северной Аравии и даже захватившего на короткий период столицу лахмидского государства — Хиру, где в 503—504 гг. правил 'Абу Йа'фур ибн 'Алкама.² С 504 г., со времени вступления на престол лахмида ал-Мунзира III, наиболее выдающегося правителя из этой династии, начинается быстрое ослабление непрочного киндитского государства. Киндиты же, как показывает частое упоминание их в хымьяритских надписях V—VI вв., были тесно связаны с хымьяритским государством; они находились в такой же зависимости от Хымьяра, как лахмиды от Ирана или гассаниды от Византии. Поэтому наступление ал-Мунзира на киндитов непосредственно затрагивало интересы хымьяритского государства, что и вызвало поход, о котором сообщает исследуемая надпись. Целью похода было — остановить дальнейшее наступ-

¹ A. Moberg. The book of the Himyarites. Lund, 1924, стр. 43b.

² S. Smith, ук. соч., стр. 464.

ление ал-Мунзира на подвластные Хымьяру племена и тем самым укрепить распадающееся киндитское государство.

Как показывает перечисление отрядов, принявших участие в походе, Ма'дикариб, повидимому, сконцентрировал все силы южноарабского государства против опасного противника. Об этом говорит упоминание таких имен, как Саба', Хымьяр, Рухабатан и Хадрамаут, всех основных областей, на которые делилось хымьяритское государство. Помимо этого упоминаются „арабы их, Киддат и Мазхидж“, подчиненные Хымьяру бедуинские племена, достаточно хорошо известные нам по различным источникам. Бану Са'лабат — племя, упоминаемое отдельно, — не было подчинено хымьяритскому государству и выступает здесь как союзник Ма'дикариба. Несмотря на то что имя племени встречается в южноарабских надписях впервые, его легко идентифицировать с бану Са'лаба ибн 'Укаба, ветвью племени Бекр, которая хорошо известна по североарабским источникам. Из бану Са'лаба происходила мать известного киндитского правителя ал-Хариса ибн 'Амра ибн Худжра.¹ Это имя известно также по сирийской хронике Йешу Стилита, которая сообщает, что в 502/03 г., когда лахмидский правитель Ну'ман II находился вместе со своей армией в составе персидского войска вдалеке от своей столицы, „арабы из дома Са'лаба“ совершили нападение на Хиру и разграбили ее.² Таким образом, все источники свидетельствуют, что племя Са'лаба находилось в союзе с племенем Кинда и во враждебных отношениях с лахмидами. Поэтому вполне естественно, что это племя, хотя и не подчиненное хымьяритскому государству, участвовало в походе Ма'дикариба на царя Хиры.

О результатах похода говорится в конце строки 8 исследуемой надписи. Это место читается с большим трудом; не соглашаясь с предшествующими переводами, я предлагаю переводить текст следующим образом: „И Муззир заключил мир с (уплатой) дани(?)“.³ Последнее слово читается нетвердо. Ход событий можно представить себе так: генерального сражения, повидимому, не произошло, так как надпись о нем не упоминает. Правда, это молчание можно объяснить и тем, что Ма'дикариб потерпел поражение, однако в этом случае он никак не смог бы установить в Ма'сил Джумх надпись, повествующую о походе. Следовательно, наиболее вероятным остается первое предположение. Очевидно, появление войск Ма'дикариба, к которым присоединились и враждебные Хире бедуинские племена, застало ал-Мунзира врасплох и побудило его заключить мир. По этому миру ал-Мунзир, повидимому, отказался от

¹ Ibn Wadih qui dicitur al-Ja'qubi. *Historiae*, editit M. Th. Houtsma. *Ludgini Batavorum*, v. 1, 1883, стр. 274.

² Н. Пигулевская. 1) Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, стр. 153, русский перевод Хроники Йешу Стилита, § 57; 2) Арабы VI в. по сирийским источникам. Тр. II сессии арабистов, Л., 1941, стр. 60.

³ Обоснование перевода см. в примечаниях к надписи.

дальнейшего наступления на племена, подчинившиеся хымьяритскому государству, и, возможно, выплатил дань. Граница „сфер влияния“ обоих государств проходила, вероятно, несколько севернее Ма'сил Джумх, где была высечена надпись о походе.

Следует сказать также несколько слов о состоянии самой южной Аравии в этот период. Смит, базируясь на упоминаемом в „Книге Хымьяритов“ вторжении абиссинцев в южную Аравию до 525 г. н. э. и на том, что надписи Йусуфа зу-Нуваса, написанные двумя годами позже исследуемой, говорят о борьбе царя с абиссинцами в Зафаре и других местностях южной Аравии, считает, что в 631 г. хымьяритской эры южная Аравия находилась под властью Эфиопии. Греческие источники сообщают о посылке императором Анастасием (491—518 гг.) епископа в южную Аравию и о двукратном посольстве Авраама, отца Нонна, византийского посла в Аравию и Эфиопию при Юстиниане I, к киндитскому правителю Кайсу.¹ На основании этих данных Смит проводит параллель между походом Ма'дикариба и походом Абрахи в 662 г. хымьяритской эры, предпринятым под давлением Юстиниана.²

Все это построение совершенно неубедительно. Несомненно, что и до эфиопско-хымьяритских войн южная Аравия имела с Византией и торговые, и религиозные, и политические связи; об этих связях и говорят приведенные Смитом сведения. Данные же, свидетельствующие о подчинении Аравии эфиопской власти, отсутствуют. Самый факт крупного похода почти на тысячу километров от границ южной Аравии несомненно указывает на полное внутреннее спокойствие в стране и на прочность положения Ма'дикариба, невозможную в том случае, если страна незадолго перед этим подверглась иноземному вторжению. Значительно более вероятно, что проникновение абиссинцев в южную Аравию и захват ими Зафара и некоторых других пунктов следует отнести к моменту внутренних смут, возникших после свержения Ма'дикариба Йусуфом зу-Нувасом, т. е. к 632 г. хымьяритской эры.

Подводя итоги сведениям, содержащимся в надписи, следует еще раз подчеркнуть главное: из надписи ясно, что в начале VI в. н. э. отдельные области Аравии были связаны множеством нитей, экономических, религиозных, политических и т. д. Лахмидское государство, которое ранее рассматривалось почти исключительно в связи с историей Ирана и Византии, играло немаловажную роль и в истории центральной и даже южной Аравии. Хымьяритское государство также не было изолировано от других стран Ближнего Востока: оно вело борьбу с лахмидами за власть над племенами центральной Аравии, активно участвовало в современной мировой торговле и политике. Наконец, такие

¹ О нем см.: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М. — Л., 1951, стр. 223—224, 228, 239—240.

² S. Smith, ук. соч., стр. 461.

племена центральной Аравии, как Кинда, Мазхидж, Са'лаба и несомненно целый ряд других, все более выходили из замкнутого круга прежней родоплеменной жизни, втягиваясь в оживленные связи с лахмидским и хымьаритским государствами, принимая участие в караванной торговле, заимствуя у своих соседей более высокую культуру. Создание в самой Аравии киндитского государства свидетельствует, что в VI в. процесс разложения родоплеменного строя зашел уже очень далеко; развившиеся классовые отношения неизбежно привели к возникновению государства.

Ниже приводим текст надписи и русский перевод.

Надпись Ма'дикариба (Ry 510)

Текст	Перевод
1. معدكرب / يعفر / ملك / سبأ / ونزیدن / وحض	Ма'дикариб Йа'фур, царь Саба' и зу-Райдана, и Хад-
2. رمث / ويمنت / وأعر بهمو / طودم / وتلمت /	рамаута, и Йаманата, и их арабов в горах и на равнине,
3. هوزو / ووتف / زن / مسندن / بمأسل / جمعن	обнародовал и установил эту надпись в Ма'сил Джумх
4. علي / مهنسبأتم / بعرق / كناً / لهم / زن	о том, что (было) в походе на равнину Ката', (предпринятом) Ими, когда призывали Их арабы, подданные (Их), ибо сражался с ними Муз-
5. دينهمو / عربن / قسمم / وحربهو / مذ	зир. И они совершили поход с племенами Их, Саба' и Хымьар и Рухабатан и Хадрамаут и Йаханн (?) и с арабами Их, Киддат и Маз —
6. رم / وسبأ / بأشعبهمو / سبأ / وحميرم / ورحب	хидж и с бану Са'лабат. И Муззир заключил мир [с уплатой] дани (?)
7. تن / وحضرمث / ويعن / وبعم / أعر بهمو / كدت / ومذ	9. [بور] خن / ذقيظن / لأحدوثا ثيوست / مأتم
8. حجم / وبعم / بني / ثعلبت / ومذر / وسع / ء[زل]	

Примечания¹

Строка 1. معدكرب / يعفر „Ма'дикариб Йа'фур“. Имя этого царя встречается только в исследуемой надписи. Ма'дикариб Йа'фур, сын Сумайфа' Ашва', известный по надписи СIН 621, — несомненно другое лицо. Данная надпись относится к концу его правления, так как надписи Ry

¹ Привлекаемые издания южноарабских надписей цитируются следующим образом: СIН — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens. Paris, 1889—1931, v.v. I—III.; RES — Répertoire d'Épigraphie Sémitique. Tomes V—VII, rédigés par G. Ryckmans. Paris, 1929—1950; Ry — G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, v.v. XL—LXVI, 1927—1953.

507 и Ry 508, датированные 633 г. хымьяритской эры, называют царем южной Аравии уже Йусуфа 'Ас'ара. „Книга Хымьяритов“ называет царя Ма'адкарима,¹ предшественника Йусуфа зу-Нуваса, несомненно, идентичного с Ма'дикаримом Йа'фуром. О нем сообщается, что он взял в долг у знатной жительницы Наджрана Румы 12 000 динаров,² возможно — для организации похода, описываемого в исследуемой надписи.

Строки 1—2. *حضرمت* — „Хадрамаут“ краткое написание, встречающееся в данной надписи дважды. Следует отметить, что в надписях IV—VI вв. довольно часто встречаются стянутые написания различных слов.³

Строка 3. *هوروا* *وتف* „обнародовал и установил“. Оба термина даются здесь в несколько неожиданных значениях. Первый термин — *هورو* — впервые встречается в IV породе, а I порода, известная по надписям, имеет значение „совершать нападение, набег“, совершенно не соответствующее контексту. Подходящее значение дают северноарабские словари для VI породы от глагола *ورى* „показывать“, „указывать“, „обнаруживать“.⁴ Корень *وتف* в южноарабских надписях имеет значение „уступить“, „давать во владение“ (см., например: RES 4646,5), которое здесь совершенно не подходит. Северноарабские словари этого корня не дают. В контексте глагол связан с предыдущим *هورو* и является, повидимому, синонимом к нему, почему я и перевожу „установить (надпись)“. *مسنل* „надпись“. Обычное написание — через самех, *مسنل*. Ср., например: СИН 541, 4 и Ry 507, 11. В этом написании упоминается в надписях Ry 507, 9, 11 и Ry 508, 2, 11; интересно, что в строке 11 надписи Ry 507 встречаются рядом два различных написания. Смещение сина и самеха наблюдается в надписях VI в. еще на целом ряде примеров.⁵ В северноарабском языке термином *مسنل* обозначался южноарабский шрифт.⁶

مأسل/جحن — „Ма'сил Джумх“. Вади, в котором найдена эта надпись, еще и сейчас носит это же имя и неоднократно упоминается арабскими географами.⁷ В состав хымьяритского государства вади Ма'сил Джумх

¹ А. Moberg, ук. соч., стр. 43b.

² Там же, стр. 43b—44a. Русский перевод этого места см.: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 345.

³ См., например: СИН 541, 64.

⁴ См.: Landberg. Glossaire datinoias, v. III. Leide, 1942, стр. 2920; A. Biberstein-Kazimirski. Dictionnaire arabe-francais, I—II. Paris, 1860, стр. 1526.

⁵ См. надписи: Ry 507 и Ry 508, а также: G. Ruckmans, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, стр. 294—295.

⁶ См., например: A. Biberstein-Kazimirski, ук. соч., I, стр. 1151.

⁷ См.: A. Sprenger. Die alte Geographie Arabiens. Bern, 1875, стр. 241.

вошло при 'Абукарибе 'Ас'аде (380—415 гг. н. э.), недатированная надпись которого найдена в этом [вади (Ru 509). Для характеристики размаха походов Ма'дикариба Йа'фура следует отметить, что вади Ма'сил Джумх находится в 1000 км севернее Мариба и в 500 км южнее Хиры, на древней караванной дороге, соединявшей южную Аравию с Двуречьем.

Строка 4. على / مهنسباتم „о том, что было в походе“. Строка читается с трудом, так как содержит большое количество служебных слов, что, при их многозначности и внешнем сходстве (так как и в надписях не отмечаются даже долгие гласные), весьма затрудняет перевод. Термин مهنسباتم толкуется учеными, переводившими надпись, различно. Так, Г. Рикманс¹ разделяет его на термины من + هن + سباتم , Смит² — на термины م. + هن + سباتم . Более правильно, кажется, толковать его как م. + هن + سباتم . Местоимение م , равное североарабскому ما „что“, „то, что“, так же как предлог هن „из“, „от“, „с“, известно нам по южноарабским надписям. Термин سبأ (мн. ч. سبآت) „набег, поход“ также часто встречается в надписях; см.: Ru 508, 2—3; RES 4140, 10; RES 4157, 6; СИН 321, 2 и т. д. Ср. также глагол سبأ „совершать набег, поход“ в строке 6 исследуемой надписи и в надписи Ru 509, 5.

بعرق / كتأ — „на равнине Ката“. Термин عرق „земля“, „область, находящаяся внизу“, „равнина“ известен достаточно хорошо (ср., например: СИН 67). Перевод „утес“, „скала“, предлагаемый Смитом,³ не находит себе подтверждения в имеющемся материале. Выдвинутое Ж. Рикмансом⁴ в качестве возможного варианта отождествление عرق „Ирак“ не является приемлемым, так как далее идет имя местности. Возможное палеографически чтение عرف „источник“ менее подходяще. كتأ — без сомнения название местности, которую можно, повидимому, отождествить с равниной, на которой расположено вади Ма'сил Джумх.

لهم „(предпринятом) Ими“. Термин относится очевидно к слову سبآت — „поход, (предпринятый) Ими“.

¹ G. Ruskman, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, стр. 309.

² S. Smith, ук. соч., стр. 460, прим. 4.

³ Там же, стр. 469, прим. 5.

⁴ J. Ruskman, ук. соч., стр. 329.

Строки 4—5. ذنبن „когда призвали“. Здесь ذ — временная частица, соответствующая северноарабскому اذ „когда“, „вот“. ندين — мужской род 3-го л. мн. ч. III породы от корня ندى, хорошо известного в северноарабском языке. Словари дают следующие значения корня: III порода — „звать“, „призывать“, „провозглашать“; VI порода — „звать“, „призывать друг друга“; نداء — „зов“, „призыв“; مُنادٍ „зовущий“, „призывающий, глашатай“.¹

Строка 5. عربن / قسدم „арабы, подданные (Их)“. Г. Рикманс переводит это место „арабы, военные поселенцы“, причем военные колонии хымьяритов он сравнивает с современными поселениями „ихван'ов“ ибн Сауда.² Основой перевода является подробный разбор термина, сделанный Родоканакисом.³ Следует указать, однако, что хымьяриты-поселенцы не могут быть названы термином عربن, так как этот термин всегда применяется в надписях исключительно к бедуинам.⁴ Говорить же о колониях бедуинов в центральной Аравии совершенно бессмысленно. Нужно также отметить, что анализ, проделанный Родоканакисом, относится только к упоминанию термина в древнесабейских текстах; подводя итог своему исследованию, он указывает, что „значение, встреченное в много более позднем тексте Gl 618 ((СН 541—А. Л.), может совершенно отличаться от имеющегося в ранних надписях“.⁵ Ж. Рикманс считает термин именем племени Касид,⁶ известным по упоминанию у арабского географа ал-Хамдани.⁷ Однако ал-Хамдани указывает, что племя Касид обитало в Сарв Хымьяр, на территории южной Аравии; переносить место его жительства к вади Ма'сил Джумх нет никаких оснований. Смит⁸ переводит это место „арабы, подданные“, но не приводит обоснования такого перевода. В надписях VI в. термин قسدم встречается еще дважды: в Ру 506, 3 в значении „восстать“, „возмутиться“ и в надписи СН 541, 13 в значении „власть вождя, правителя, наместника“. Если рассматривать существительное от этого корня в СН 541 как маздар и предположить, что в исследуемом тексте имеется страдательное причастие „қасйд“, то перевод „подданный“, „находящийся под властью“ становится очевидным. Речь идет о подвластных Ма'дика-

¹ См.: A. Biberstein-Kazimirski, ук. соч. II, стр. 1229—1231.

² G. Ruckmans, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, стр. 310.

³ N. Rhodokanakis. Altsabäische Texte, v. II. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes (WZKM), Bd. 39, 1932, стр. 220—222.

⁴ А. Лундин. Южноарабская историческая надпись VI в. н. э. из Мариба. Эпиграфика Востока, IX, 1954, стр. 14.

⁵ N. Rhodokanakis, ук. соч., стр. 222.

⁶ J. Ruckmans, ук. соч., стр. 329.

⁷ Al-Hamdani's Geographie der arabischen Halbinsel, hrsg. von D. H. Müller. Leiden, 1884, стр. 89.

⁸ S. Smith, ук. соч., стр. 460.

рибу бедуинских племен центральной Аравии, вероятно, упомянутых далее в надписи.

Строки 5—6. **مذرم** — „Музвир“. Несомненно, царь Хиры ал-Мунзир III, правивший с 505 по 554 г. Он неоднократно упоминается в южно-арабских надписях, обычно в написании **مذرن**, более правильном, так как в северноарабском языке это имя всегда пишется с определенным членом. При ал-Мунзире III взаимоотношения между Хирой и хымьяритским государством носили то враждебный, то дружественный характер. Греческие и сирийские источники сообщают о посольстве хымьяритского царя Иусуфа зу-Нуваса в Хиру в начале 524 г. н. э.¹ Южно-арабские надписи говорят о посольстве ал-Мунзира к Абрахе в 658 г. хымьяритской эры (543 г. н. э.) и о войне между Абрахой и бедуинами, подвластными Хире, в 662 г. хымьяритской эры (547 г. н. э.).

Строка 6. **بأشعبيهمو** — „с племенами Их“. Термин **شعب** в исследуемой надписи имеет значение, отличное от его значения в надписи СИН 541, на материале которой он был разобран нами.² Здесь **شعب / سبأ** или **شعب / حمير** означает войска, набранные в области Саба', Хымьяр и т. д. Однако вряд ли можно предположить, что в VI в. еще существовало племя Саба'. Эти области к VI в. уже давно утратили свой племенной характер и превратились в провинции хымьяритского государства, хотя их ополчение называлось еще по-старому **شعب**. Как мы увидим ниже, в некоторых случаях эти „племена“ назывались по главному городу области.

Строки 6—7. **رحبتن** — „Рухабатан“. Имя неоднократно упоминается в южноарабских надписях различных периодов (см.: СИН 314, 13; СИН 621, 9; RES 3951, 2 и т. д.). Это имя носили две различные местности: Рахабатан, расположенная в районе Мариба,³ и Рухабатан, находившаяся неподалеку от Сана'а и известная также и ал-Хамдани.⁴ Первая местность входила несомненно в упомянутую выше область Саба'; следовательно, в тексте речь идет о второй местности. Наиболее ранние упоминания имени не оставляют сомнения в том, что оно первоначально обозначало не племя, а город; в данном случае область была названа не по племенному имени, а по названию главного города.

Строка 7. **ويحن** „и Йаханн“. Г. Рикманс⁵ понимал это слово, как имя племени Йаханн, хотя это племя совершенно неизвестно. Текст надписи

¹ Разбор этих источников см.: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 240—241.

² А. Лундин, ук. соч., стр. 19.

³ Н. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabien. Wiesbaden, 1952, стр. 23.

⁴ N. A. Faris. The Antiquities of south Arabia. Princeton, 1938, стр. 53.

⁵ G. Ruckmans, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, стр. 308, 310.

в этом месте поврежден и само чтение слова нетвердо. Смит¹ считает, что здесь — несовершенное время от глагола **وَحَنَ**, известного по северно-арабским словарям со значением „быть взбешенным, разгневанным“;² по контексту и это значение плохо подходит.

كرت — „Киддат“. Известное кельбитское племя Кинда, неоднократно упоминающееся в южноарабских надписях V—VI вв. (см.: СИН 541, 12, 22; Ру 508, 7; Ру 506, 4—5; Ру 509, 10). Племя Кинда в конце V—начале VI в. подчинило себе ряд других племен центральной Аравии и образовало там сильное государство, царей которого арабская мусульманская традиция связывает с хымьяритским тубба' Хассаном.³ Последнего можно идентифицировать с Хасаном Йуха'мином, сыном 'Абукариба| Ас'ада, первого хымьяритского правителя, в надписи которого упоминается племя Кинда. Все это позволяет утверждать, что государство племени Кинда было очень тесно связано с Хымьяром.

Строки 7—8. **مزحج** „Мазхидж“. Известное кельбитское племя, происходившее из Катабана;⁴ упоминается в южноарабских надписях Ру 508, 7 и, повидимому, RES 4688, 2.⁵ Племя состояло из оседлой и кочевой частей.

Строка 8. **[زل]ع/ومذر/وسبع** „И Муззир заключил мир с [уплатой] дани (?)“. Конец строки загнут вниз и читается очень плохо. Г. Рикманс дает следующее чтение: **ومذر/وسبع** „И Мунзир и Суба“, считая, что здесь продолжается перечисление племен, принявших участие в походе.⁶ К нему присоединяется и Смит.⁷ Однако ни племя Мунзир, ни племя Суба' не встречаются ни в одном из известных нам источников. Чтение **مضر** „Мудар“, предложенное Каскелем,⁸ не подтверждается фотографией текста, приложенной к изданию Г. Рикманса.

Изучение фотографии текста показало, что издателя при чтении ввели в заблуждение лигатуры. Новое чтение, предлагаемое нами, подтверждает предположение, высказанное Ж. Рикмансом,⁹ что в конце строки сообщается реакция ал-Мунзира на поход, направленный против него, вернее — коротко подводятся итоги похода.

Термин **وسبع** известен нам по южноарабским надписям; так, неодно-

¹ S. Smith, ук. соч., стр. 461, прим. 1.

² A. Biberstein-Kazimirski, ук. соч., II, стр. 1502.

³ Сводку данных арабской традиции о племени Кинда см.: O l i n d e r. The Kings of Kinda. Lund, 1927.

⁴ См.: H. Wissmann und M. Höfner, ук. соч., стр. 59.

⁵ M. Höfner, Bibliotheca Orientalis, X, 1953, стр. 150.

⁶ G. Ruckmans, ук. соч., Le Muséon, v. LXVI, стр. 310.

⁷ S. Smith, ук. соч., стр. 461.

⁸ См.: G. Ruckmans, ук. соч., Le Muséon, v. LXVIII, стр. 413.

⁹ J. Ruckmans, ук. соч., стр. 330.

кратно встречается существительное **وسع**, мн. ч. **أوسع**, „богатство“. В надписи Ry 507,7, отделенной от исследуемой лишь двумя годами, в контексте, где речь идет о заключении соглашения между двумя воюющими сторонами, встречается и глагол. То же значение имеет несомненно и корень **وسع** в Ry 506,7 и RES 4324,2. Возможность двойного написания, через син и через самех, подтверждается большим количеством примеров (см. примечания к строке 4). Наиболее ясное значение дает надпись Ry 506: **ورهنوا/وبعدن/وسعهو/عمرم/بن/مذرن** „и они дали заложников и после этого дал гарантии ‘Амр ибн ал-Мунзир“ (перевод Г. Рикманса). Я перевожу термин „заключить соглашение, мир“. Следующее слово читается очень плохо. Ясно виден лишь первый знак **ع**. Далее следует **ز** или **ت**; третий знак различить невозможно. Предположительно можно читать **عزل** — термин, известный в надписях в форме IV породы со значением „платить подать, дань“.

Строка 9. **ذقيظن** „зу-кайзан“, название месяца. См. СИН 323,9; СИН 448,6; СИН 541,26—27; Ry 508,9.

АРАБСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К 24-й ГЛАВЕ Ш КНИГИ СИРИЙСКОЙ ВЕРСИИ РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Роман об Александре — один из самых интересных литературных памятников средневекового Востока. Изучение его версий, его переводов на многие языки проливает свет на сложную картину тесного сплетения литературных и исторических традиций различных народов. Этому памятнику посвящено много исследований, среди которых видное место занимает работа чл.-корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельса.¹

Полуисторическими, а иногда и фантастическими легендами о деяниях ал-Искандера изобилуют и памятники на арабском языке. Однако еще в 1901 г. К. Вейманн в своей докторской диссертации, придя после анализа ряда источников к выводу, что арабская версия Псевдокалисфена должна была существовать в средние века на Ближнем Востоке, с сожалением заметил, что „прямые свидетельства наличия перевода Псевдокалисфена на арабский язык отсутствуют до сих пор“.² До настоящего времени это замечание Вейманна не встретило серьезных возражений.

В 1935 г. Институт востоковедения АН СССР получил в дар от Министерства просвещения Ирана фотокопию ценного памятника — Мешхедской рукописи, содержащей четыре арабских географических сочинения: „Книгу сведений о странах“ Ибн ал-Факиха (начала X в.), две „Записки“ Абу Дулефа (середины и второй половины X в.) и „Книгу“ Ахмеда ибн [Фадлана (первой половины X в.)].³ Большую часть этого памятника [занимает вторая часть сочинения Ибн ал-Факиха, начинающаяся с главы о Куфе. До открытия Мешхедской рукописи „Книга сведений о странах“ была известна только в „Сокращении“ аш-Шейзари (XI в.), опубликованном де Гуге,⁴ и в отдельных цитатах географического словаря Йакута.

¹ Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. АН СССР, М.—Л., 1948.

² К. F. Weumann. Die aethiopische und arabische Übersetzung des Pseudocalisthenes. Kirchhain, 1901, стр. 64.

³ Фотокопия Института востоковедения АН СССР № Ф-В202. (В дальнейшем сокращенно: Рук.).

⁴ Compendium libri Kitab al-Boldan auctore ibn al-Fakih al-Hamadani, ed. M. de Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum (BGA), V, Lugduni Batavorum, 1885.

Полная редакция сочинения Ибн ал-Факиха, сохраненная Мешхедской рукописью, содержит много отрывков, отсутствующих в сокращении аш-Шейзари; один из таких отрывков имеет место в разделе книги Ибн ал-Факиха, посвященном городу Балху. Основное его содержание составляет легенда об основании Александром тринадцати Александрий.¹ Античные авторы, как показывает специальная литература,² не содержат параллели к данной легенде; однако, если обратиться к сирийской версии Псевдокалсифена,³ станет очевидным, что перед нами арабский перевод 24-й главы III книги сирийской версии романа об Александре.

Арабская редакция
(Рук., л. 1616)⁴

Говорят, что ал-Искандер построил Балх, прежде чем он умер.

Он сражался со многими царями, одолевал их и одерживал блестящие победы. Он обращал в бегство войска, обладающие силой и попирал (своей ногой) много стран.

Продолжительность его жизни — тридцать два года и семь месяцев, в течение которых он нисколько не отдохнул. Говорят, что он — царь всей земли и что покорились ему остальные ее цари.

Он построил тринадцать городов и назвал каждый из них ал-Искандерийей. Часть их стоит по сей день, а другие изменили (162а) свои названия. В числе их: [1] ал-Искандерийа, которую он построил (и назвал) по имени своей лошади Букифалийус, а значение этого (слова) — „голова быка“. [2] Ал-Искандерийа, которая в (стране?), Бауранкус (باورنقوس). [3] Ал-Искандерийа, которая называется „Укрепленный...“. [4] Ал-Искандерийа, которую он построил в стране Хинд (Индии).

Сирийская редакция
(W. A. Budge, ук. соч., текст,
стр. 252—254)⁵

Итак Александр совершил множество войн и великих сражений, осилил, обратил вспять и принудил к бегству царей сильных и мощных.

Он прожил в этом мире тридцать два года и семь месяцев. И в спокойствии был он всего восемь лет в этом мире. Он покорил из варваров двадцать два царя, а из греков тринадцать царей.

Он построил тринадцать городов, из которых и теперь одни процветают, другие опустели.

Первая: Александрия, которая построена по имени своей лошади Букефалос, что значит в переводе „голова быка“.

Вторая: Александрия, называемая укрепленная у Руфуса (= Рофоса).

Третья: Александрия — великая.

Четвертая: Александрия во владениях царя Пора.

¹ Рук., л. 1616. Данные сведения с некоторыми сокращениями цитирует Якут (Jacut's geographisches Wörterbuch, herausg. von F. Wüstenfeld, I. Leipzig, 1866, стр. 255).

² Имеются в виду работы: Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaften. Neue Bearbeitung... herausg. von G. Wissowa, I, Stuttgart, 1893, s. v. Alexandria, стр. 1376—1397; — V. Tschirikover. Die Helenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Philol. Zeitschr. für das Klassische Altertum, Supplementband, XIX, Leipzig, 1927; — W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938.

³ The History of Alexander the Great, being the Syriac version of the Pseudo-Callisthenes, edited... by W. A. Budge. Cambridge, 1889.

⁴ Перевод наш.

⁵ Перевод с сирийского чл.-корр. АН СССР проф. Н. В. Пигулевской.

[5] Ал-Искандерийа, которая в (стране?) Джалиникус. [6] Ал-Искандерийа, которая в стране ас-Сикуйасис.¹ [7] Ал-Искандерийа, которая на берегу Величайшей реки. [8] Ал-Искандерийа, которая в земле Бабил (Вавилона)... [9] Ал-Искандерийа, которая в стране ас-Согад, а это — Самарканд. [10] Ал-Искандерийа, которая называется Маргибулус,² а это — Мерв. [11] Ал-Искандерийа, которая на месте слияния рек в Хинде (Индии). [12] Ал-Искандерийа Великая, которая в стране Миср (Египта). [13] Ал-Искандерия, которая называется Куш,⁴ а это — Балх. И это — города, которые он построил, а умер он в Бабиле (Вавилоне) отравленным.

Пятая: Александрия в земле Гланикос. Шестая: Александрия в земле скифов. Седьмая: Александрия у берега великого моря. Восьмая: Александрия у Вавилона. Девятая: Александрия земли Сод, т. е. Самарканд. Десятая: Александрия Куша, т. е. называемая Бабель.³ Одиннадцатая: Александрия, называемая Марганикос, т. е. Мару (=Мерв.) Двенадцатая: Александрия на берегу рек в земле Индов. Тринадцатая: Александрия среди Египта. После того как умер Александр среди Вавилона от смертельного яда, был назван этот день „убийца юношей“, потому что Александр был молод.

Как видно, содержание обеих версий тождественно; некоторые фразы совпадают дословно. Тождественны и перечни городов, отдельные Александрии только переставлены местами:

1-я Александрия в сирийской версии соответствует	1-й в арабской
2-я " " " "	3-й "
3-я " " " "	12-й "
4-я " " " "	4-й "
5-я " " " "	5-й "
6-я " " " "	6-й "
7-я " " " "	7-й "
8-я " " " "	8-й "
9-я " " " "	9-й "
10-я " " " "	13-й "
11-я " " " "	10-й "
12-я " " " "	11-й "
13-я " " " "	12-й "

Вместе с тем сличение версий показывает, что тексты как арабский, так и сирийский местами испорчены: так, в сирийской версии дважды приводится один и тот же город (3-я и 13-я Александрии), соответствующий 12-му городу арабской версии, тогда как для 2-го города арабской версии нет соответствия в сирийской. Арабская версия дает неполное написание названия 3-го города („Укрепленный...“ вместо „укрепленный Руфус“). 10-я Александрия ошибочно названа в сирийской версии Бабель вместо Балх.

¹ Принято чтение Йакута, в Рук.: السفو ياسين.

² Принято чтение Йакута, в Рук.: مرغيلوس.

³ В сирийском тексте **حده** „то есть Бабель“; Бёдж исправляет чтение на „Балх“ — **دحل** (W. A. Budge, ук. соч., стр. 142—143; текст, стр. 253, прим. 5).

⁴ Принято чтение Йакута, в Рук.: كوشى.

Вряд ли арабский перевод принадлежал самому Ибн ал-Факиху.

Родиной Ибн ал-Факиха и, повидимому, постоянным местожительством был персидский город Хамадан. Можно предполагать, что Ибн ал-Факих был персом; во всяком случае встречающиеся в его сочинении персидские обороты, не вошедшие в арабский язык персидские слова, персидские этимологии отдельных слов, ссылки на персидских ученых, как на источник тех или иных сведений¹ — все это позволяет предполагать, что Ибн ал-Факих был знаком с персидским языком. Между тем мы не располагаем никакими данными, свидетельствующими о его близости к сирийским литературным кругам или о его знакомстве с сирийским языком.

Книга Ибн ал-Факиха, представляющая обширную компиляцию, содержит много свидетельств тому, что последний списывал данные своих источников без всякой их обработки. Так, широко используя в своей книге сведения Ибн Хордадбега, он приводит их без каких-либо существенных поправок, дополнений и комментариев; напротив Ибн ал-Факих повторяет ошибки Ибн Хордадбега² и порою, произвольно сокращая его текст, искажает содержание.³ Между тем в анализируемом переводе чувствуется рука не только переводчика, но и комментатора, глубоко понимавшего материал: согласно сирийской версии, 12-я Александрия находилась „на берегу рек в земле Индов“; в арабской параллели (11-я Александрия) ее местоположение несколько уточняется: „на месте слияния рек в Индии“. 4-я Александрия по сирийской версии находилась „во владениях царя Пора“, согласно арабской — „в стране Хинд“; здесь переводчик фактически комментирует понятие „владения царя Пора“. 7-я Александрия, согласно сирийской версии, находилась „на берегу моря“, в арабской — „на берегу Величайшей реки“, под которой обычно понимали Аму-Дарью.⁴

Маловероятно, чтобы перевод с такого рода изменениями, отражающими факт вмешательства переводчика в переводимый им текст, его попытки разъяснить и порою уточнить смысл текста, принадлежал Ибн

¹ См., например: Рук., лл. 160б, 11; 163б, 8; ВСА, V, 205, 18, стр. 208, 5—6, и многие другие.

² Так, Ибн ал-Факих повторяет искаженное в сочинении Ибн Хордадбега название местности в Средней Азии „Нушаджан“ вместо „Барсхан“ (Рук., л. 166а), ошибочно дважды повторяет название одной и той же станции при описании маршрута „Шаш — Верхний Барсхан“: Джул Шуб и Гул Шуб (Рук., л. 166 а).

³ Например, в описании маршрута „Шаш — Верхний Барсхан“ (Рук., л. 166 а) Ибн ал-Факих опускает 4 станции (Джул, Сариг, город хакана и Невакет), нарушая последовательность станций и искажая расстояния на данном маршруте.

⁴ См. в арабском толковом словаре Тадж ал-‘Арус, III, стр. 276 تاج العروس), (1308—1307 'بولاق' 1—10 'تاج محمد الزبيدي'), где в перечне 16 Александрий, восходящем к неизвестному источнику, об одной из них сказано: „и ал-Искандерийа на берегу Величайшей реки, я имею в виду Джейхун“. Здесь, повидимому, речь идет о птолемеевской Александрии на Оксе.

ал-Факиху, подходившему к своим источникам крайне поверхностно. Скорее всего, Ибн ал-Факих пользовался уже существовавшим в его время арабским переводом сирийской версии, тем самым, который, как основательно полагает Вейманн, должен был существовать в X в.¹

Тексту из 24-й книги романа об Александре в арабской версии, приводимой Ибн ал-Факихом, предшествует фраза: „говорят, что ал-Искандер построил Балх, прежде чем он умер“. Ее источником мог быть тот же арабский перевод сирийской версии, в которой приводится рассказ об основании Балха Александром.² Ибн ал-Факих сократил его до одной общей фразы, что весьма характерно для подхода этого автора к своим источникам,³ и поместил вместе с переводом 24-й главы в разделе своего сочинения, посвященном Балху. По своему содержанию эта фраза здесь совершенно излишня, поскольку в 24-й главе говорится о постройке Александром Балха (13-я Александрия арабской версии), однако приведение материалов, повторяющих друг друга, также свойственно Ибн ал-Факиху.⁴ Для нас эта фраза представляет большой интерес, поскольку показывает, что Ибн ал-Факих имел перед собой больший текст, чем тот, что он использовал.

Итак, несмотря на скромные размеры сохранившейся арабской параллели, опираясь на нее, можно прийти к следующим выводам.

1. Мешхедская рукопись сочинения Ибн ал-Факиха сохранила фрагмент из уже существовавшего в его время (IX—начало X в.) арабского перевода хотя бы части сирийской версии романа об Александре, чем опровергается высказывание Вейманна об отсутствии прямых указаний на наличие такого перевода.

2. Сохранившийся фрагмент показывает, что арабский перевод был весьма близок к сирийскому, был сделан опытным переводчиком, хорошо знавшим материал.

3. Арабская параллель показывает, что дошедшие до нас как арабский, так и сирийский тексты местами испорчены.

4. Наличие арабского перевода главы сирийской версии романа об Александре в памятнике арабской географической литературы первых годов X в. является еще одним свидетельством тесной связи арабской и сирийской исторических и литературных традиций.

¹ K. F. Weumann, ук. соч., стр. 70.

² W. Budge, ук. соч., стр. 116 английского перевода.

³ Так, заимствуя у Ибн Хордадбега сведения о маршрутах „Нишапур — Мерв“, „Мерв—Балх“, Ибн ал-Факих сокращает их до одной фразы, заключающей в себе итоговое число фарсахов между крайними пунктами маршрутов (Рук., лл. 159 б, 161 б).

⁴ Например, Ибн ал-Факих дважды приводит рассказ о путешествии Темима ибн Бахра в страну тогуз-гузов, один раз — как услышанный им лично от Темима (Рук., л. 169 а и сл.), другой — заимствованный из сочинения Ибн Хордадбега (Рук., л. 168 б), хотя последняя редакция ничего не добавляет к первой.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ „ИОСИППОН“ В „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“

Книга „Иосиппон“ представляет собой своеобразную средневековую хронографию, написанную на древнееврейском языке в довольно позднее время, как предполагают обычно, не ранее второй половины X в. и, вероятно, жившими в Италии евреями.¹ Изложением охватываются события мировой истории и, в первую очередь, еврейского народа, начиная от Адама и разделения языков при „Вавилонском столпотворении“ до взятия Иерусалима — полного разгрома Иудейского государства Титом в 70—73 гг. н. э.

Это произведение называется книгой „Иосиппон“ или Книгой Иосифа бен Гориона (Горионида), так как основным ее источником, повидимому, послужили произведения Иосифа Флавия в их латинской христианской переработке конца IV в., приписываемой Егезиппу.² Еврейский текст „Иосиппона“ сохранился во многих списках XII—XV вв., из которых наиболее хорошо изучены две редакции: так называемая Константинопольская, положенная в основу издания Брейтхаупта (1710 г.),³ и так называемая Мантуанская, изданная Д. Гинцбургом в 1908 г. в Житомире на древнееврейском языке.

Ценность книги „Иосиппон“ как источника для истории иудейского народа обычно расценивается не высоко. Освещение событий окрашено в легендарные тона и отличается сказочными чертами. Известный историк И. Велльгаузен в свое время следующим образом охарактеризовал содержание „Иосиппона“: „На каждой странице выявляется отсутствие какой бы то ни было исторической ценности даже в зерне «Иосиппона».

¹ Как считают, книга „Иосиппон“ написана не ранее 962 г., так как в некоторых ее списках содержится указание на дату коронации императора Оттона II (См.: П. К. Кок о в ц о в, Еврейско-хазарская переписка в X веке. Изд. АН СССР, 1932, стр. XXII и сл.).

² Очевидно, по причине ненависти к автору „Иудейской войны“ как к отступнику от народных традиций евреи последующих эпох не упоминали его имени, не признавали его произведений. Поэтому и книга была ими надписана именем другого Иосифа, сына Гориона, тоже участника событий 66—70 гг., одного из иерусалимских первосвященников, членов синедриона, упоминаемого во II книге „Иудейской войны“. Считают также, что имя Иосиппон является искажением греческого имени Hegasippus.

³ יוסִיפּוֹן בֶּן גּוֹרִיּוֹן sive Josephus Hebraicus ed. a Jo. Friderico Breithaupto, Gothae et Lipsiae, 1710.

Римские известия свидетельствуют, насколько свободно относится автор к исторической традиции. У него самого невероятные представления о «Селевкидском царстве Македонии» и об его правителях, о «Римском царстве» и его «трехстах двадцати владетелях», о царе римском, об Августе, «царе царей», и об его полководце Антонии. Не менее чудесны и его известия, касающиеся иудейских отношений. Он не имеет о них вообще никакого представления и поэтому не смущается противоречиями. Будучи достаточно охарактеризован такими данными, автор совершенно чужд эпохе, о которой он рассказывает, он творит в стиле библейских хронистов. Поэтому было бы чрезвычайно неосторожным извлекать ту или иную частность из столь нелепого произведения и объявлять ее достойной доверия, если нельзя ее обосновать ссылкой на другой источник¹.

Несмотря на свою историческую недостоверность, а, может быть, именно благодаря ей и благодаря своим фольклорным подробностям, книга „Иосиппон“ чрезвычайно широко распространилась среди евреев, живших в различных странах Востока и Запада. Это произведение обильно цитируется в памятниках еврейско-хазарской переписки, особенно часто в так называемом „Кембриджском документе“.² „Иосиппоном“ в средние века интересовались и не только евреи. Сохранился перевод этой книги на арабский язык, изданный в 1897 г. Веллгаузенем.³ Имеются сведения о древних чешском и польском переводах этой книги.⁴

„Иосиппон“ был уже в древнюю эпоху переведен и на русский язык. Среди текстов древнерусских хронографических сказаний находятся довольно обширные фрагменты отдельных книг этого произведения. Однако они еще не собраны, не отождествлены и не признаны частями единого целого и в большинстве своем не изданы. Богатой событиями литературной судьбе древнерусского „Иосиппона“ посвящается другая специальная работа автора настоящей статьи.

Излагая историю иудейского народа в послебиблейский период, автор „Иосиппона“ вводит в ткань своего повествования также еврейскую версию всемирно распространенного романа об Александре Македонском, так называемой „Александрии“ Псевдокаллисфена. Она занимает большую часть второй книги „Иосиппона“. Роман об Александре возник, по всей видимости, в Египте в эллинистическую эпоху среди греков, населявших эту страну, и был неправильно приписан одному из современников Александра Македонского — Каллисфену.⁵ Существуют десятки

¹ J. Wellhausen. Der arabische Josippon. Abhandl. der K. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen, Phil. Hist. Klasse, neue Serie, Bd. I, № 4, 1897, стр. 47.

² См. П. К. Коковцов, ук. соч., стр. XXVII и сл.

³ J. Wellhausen, ук. соч.

⁴ Estreicher. Bibliographia polska, t. XVIII. Krakow, 1901, стр. 640—642.

⁵ В. В. Струве. У истоков романа об Александре. Сб. „Язык и литература“, т. II, вып. 2, 1927, стр. 131—146. — А. Ausfeld. Der griechische Alexanderroman. Leipzig, 1908.

версий этого популярного произведения у многих народов Европы и Азии, в том числе достаточно широко представлена и еврейская версия. Эта последняя имеется и в отдельном виде (так называемая книга „Александр Македон“) и в составе „Иосиппона“.¹ Еврейская версия в основном базируется на известной латинской переработке Псевдокаллисфна — книге „О битвах“ (De proeliis) Луитпранда. Однако одним из центральных эпизодов еврейской версии является посещение Александром Македонским Иерусалима во время его похода против Дария. Этот эпизод, отсутствующий в большинстве списков греческого Псевдокаллисфена, восходит к известному месту главы VIII одиннадцатой книги „Древностей иудейских“ Иосифа Флавия, впервые пустившего в литературный оборот передаваемую им легенду.² Последняя лишена, вероятно, каких-либо исторических оснований и возникла в эпоху асамонейской династии, когда иудеи стремились освободиться от эллинистических культурных влияний. Как обычно устанавливается, источники, которыми пользовался Иосиф Флавий в данном случае, в точности не известны. В свое время А. Бюхлер³ доказал, что рассказ Иосифа Флавия скомпилирован по различным источникам, иудейским и самарянским, к которым присоединены также и некоторые греческие, что он состоит из первоначально самостоятельных частей, впоследствии тенденциозно сопоставленных и объединенных, что порядок изложения умышленно нарушен. Однако, повидимому, Иосиф Флавий сам не является искажителем приводимых им текстов, он, вероятно, лишь воспользовался уже готовым, ныне не найденным, тенденциозно переработанным произведением. Сам по себе факт милостивого отношения Александра Македонского к иерусалимскому первосвященнику и к жителям этого города является исторически не оправданным. Сообщения об этом по существу дублируют рассказы Иосифа Флавия об отношении к иудеям со стороны Юлия Цезаря, о котором рассказывается в XIV книге того же произведения (глава X, 6—8).

В рассказе Иосифа Флавия передается на основании устных народных легенд о том, что якобы иерусалимский первосвященник Иаддуй, с тревогой ожидавший приближения к своей столице знаменитого завоевателя с его войском, увидел во сне самого „предвечного“, который велел ему с почетом встретить Александра Македонского, выйдя для этого в пышных одеждах на дорогу, ведущую к городу, и обещал ему благополучный исход этой встречи. Александр, как передает Иосиф Флавий, действительно при виде торжественной религиозной процессии, шедшей к нему навстречу, слезает с коня и благоговейно преклоняется

¹ А. Я. Гаркави. Неизданная версия романа об Александре. СПб., 1892.

² Иосиф Флавий. Древности, кн. XI и XIII. Русский перевод Г. Генкеля. СПб., 1900.

³ A. Büchler. La relation de Joseph concernant Alexandre le Grand. Rév. des études juives, 1898, № 1, стр. 30—50.

перед первосвященником. На вопрос своих приближенных, почему он это делает, царь отвечает, что ему уже раз пришлось видеть в таких одеждах, как у встречавшего его первосвященника, человека, который предрек ему овладение Азией еще тогда, когда он, царь, был еще в македонском городе Дие и обдумывал про себя поход против Дария. После этого Иосиф Флавий говорит о том, что в беседе с царем первосвященник, ссылаясь на пророчество Даниила, предрек ему окончательное поражение Дария и завладение Персидской державой.

Изложенное повествование вошло в некоторые наиболее поздние списки греческого Псевдокаллисфена и отсюда с христианскими толкованиями перешло и в русские версии „Александрии“.

Однако еврейская версия романа об Александре, наиболее подробно представленная текстом 2-й книги „Иосиппона“, коренным образом перерабатывает сказание, переложенное у Иосифа Флавия. В легенде сообщается с большей художественностью и драматизмом, что ангел явился во сне не иудейскому священнику, а самому Александру Македонскому, и не в Македонии, до его переправы через Геллеспонт, а в Сирии, непосредственно перед посещением Иерусалима. Встреча передается в форме динамического, эмоционально насыщенного диалога между царем и ангелом.

Приведем для сравнения полностью еврейский текст данного эпизода по изданию Брейтхаупта с параллельным подстрочным его переводом на современный русский язык.

ויצא אלכסנדרום ממקדוניה
בחיל כבוד מאד ויבא על דרוש
למלחמה ויך את כל הגוי אשר
היו בכרית דרוש ויך את ארץ
מצרי' ואת ארץ אדום ויבא בחוף
הים ויך את עכו ואת אשקלון ואת
עזה ושם פניו לעלות לירושל'
להכותה תחת אשר היתה בכרית
עם דרוש ויסע מעזה עם כל מחנהו
הלוך ובוא עד אשר בא בדרך
כמלון ויחן שם הוא ומחנהו.
ויהי כלילה ההוא והנה הוא שוכב
על מטתו בתוך האהל וירא והנה
איש עומד על ראשו לבוש הבדים
וחרבו שלופה בידו ובידו החרב

И вышел Александр из Македонии с войском сильным весьма и пошел на Дария войною. И побил он все народы, которые были в союзе с Дарием. И побил он землю Египетскую и землю Эдом и вышел на побережье моря, и покорил Акко и Аскалон, и Газу. И вознамерился он (букв.: положил лицо свое) пойти на Иерусалим, чтобы покорить его, так как он был в союзе с Дарием. И он вышел из Газы со всем воинством своим и был на пути в становище своем, и он расположился там сам и воинство его. И было ночью той, и вот он почил на ложе своем посреди шатра. И увидел он, и вот муж стоит у изголовья его, облеченный в льняную одежду. И меч

כמראה הברק אשר יבריק ביום
הגשם וירם חרבו על ראש המלך
ויירא המלך מאד ויאמר לו למה
אדני יבה את עבדו ויאמר אליו כי
שלחני אלהי לכבוש לפניך מלכים
גדולים ואדירים ולהכנע תחתך
גוים עצומים ואני הוא המלאך
ההולך לפניך לעזור אותך ועתה
דע כי מות תמות על אשר מלאך
לבך לעלות לירושלם להרע
לכהני יי' ולעמו ויאמר המלך אנא
שא נא פשע עבדך כי אדוני ואם
רע בעיניך אשוב לי ויאמר אליו
האיש אל תירא כי נשאתי פניך לך
לך לדרכך ירושלימה והיה בכואך
מול ירושלם וראית איש לבוש
בדים כמוני כתארי וכדמותי
וכראותך אותו מהר נפול על פניך
ארצה והשתחוה לו וכל אשר יאמ'
אליך עשה ואל תעבור את פיו כי
מות תמות ביום עבדך את פיו.

обнаженный в руке его. И в руке
его меч, как сияние молнии, кото-
рая блистает в день дождя. И за-
нес он меч свой над головою царя.
И испугался царь весьма и сказал
ему: „Зачем господин мой бьет раба
своего?“. И ответил он ему: „По-
слал меня бог, чтобы сломить пред
лицом твоим царей великих и мо-
гучих и покорить под тебя народы
многочисленные. И вот я, ангел,
идуший пред лицом твоим, чтобы
помогать тебе. А теперь знай, что
непреренно умрешь ты за то, что
замыслил ты идти против Иеруса-
лима и причинить зло священникам
Иахве и народу его“. И сказал
царь: „Прости грех рабу своему.
И если зло это в глазах твоих, то
я поверну (назад)“. И сказал ему
муж: „Не бойся! Ибо оставляю
тебе грех твой. Быстро иди путем
твоим к Иерусалиму и будет, когда
ты приблизишься к Иерусалиму,
увидишь ты мужа, одетого в льня-
ные одежды, каким ты видишь
меня. И когда встретишь его,
быстро пади на лицо свое на землю
перед ним и окажи ему почтение,
и все, что он скажет тебе, сотвори.
И не преступай повеления его.
Ибо умрешь в день, когда нару-
шишь речь его...“.

Гл. VII, стр. 88

ויאמר הכהן למלך על פי יי' לך
רכב וצלח כי נתון ינתן בידך ויבא
לפניו את ספר דניאל הנביא ויקרא
בו ויראהו את הכתב אשר כתוב בו
על דבר האיל בעל הקרנים המנגח
לכל רוח ועל דבר צפיר העזים
אשר רץ על האיל וירמסהו ארצה

И сказал священник царю: „По
слову Иахве иди и сокруши его.
Ибо предаст он его (Дария) в руки
твой“. И принес он ему книгу
Даниила пророка и прочитал в ней,
и показал ему писание, которое
было написано в ней о баране
с выдающимися рогами и о козле,
который устремился на барана и

וַיֹּאמֶר הֲכֵן אֵל הַמֶּלֶךְ אַתָּה הוּא
צִפִּיר הַעֲזִים וּדְרִיּוֹשׁ הוּא הַאֵיל אַתָּה
תִּרְמַסְהוּ אֶרֶצָה וּלְקַחַת אֶת מַמְלַכְתּוֹ
מִיָּדוֹ וַיְחַזֵּק הֲכֵן אֶת לֵב הַמֶּלֶךְ.

повергнул его на землю. И сказал священник царю: „Ты — это козел а Дарий — баран. Ты низвергнешь его на землю и возьмешь царство его из руки его“.

И укрепил он сердце царя.

Процитированный рассказ в его древнерусском переводе был использован составителем или переписчиком древнерусской „Начальной летописи“.

В той редакции „Повести временных лет“, которая представлена Ипатьевской и сходными с ней списками летописей под 6618 (1110) г., мы читаем известное рассуждение летописца о том, что ангелы могут быть и у язычников; это рассуждение подтверждается рассказом из жизни Александра Македонского, повествующем о его походе на Иерусалим. Приводим этот рассказ полностью по списку Ипатьевской летописи с разночтениями Хлебниковского списка.

Аще ли кто речеть, яко аньела (ангела Хл.) нѣсть у поганыхъ, да слышитъ, яко Олександрѹ Макидоньскому ополчившю на Дарья и шедшю ему и побѣдившю (повинувшю Хл.) землю всю отъ вѣстокъ и до западъ, и поби землю Егупетьскую, и поби Арама, и приде въ острова морьскыя, и врати лице свое взити въ Ерлѣимъ, побѣдити (побити Хл.) жида, зане же бяху мирни со Дарьемъ. И поиде со всеми вой его, и ста на товарищи и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща надъ нимъ, и мечъ нагъ в руцѣ его, и обличенье (обличие Хл.) меча его яко молонии. И запряже мечемъ (своимъ Хл.) на главу древу. И ужасеся дрѣвельми и рече: Не бии мене. И рече ему ангель: Посла мя бгъ уимати дрѣвельми великии предъ тобою и люди многи. Азъ же хожю предъ тобою помагая ти (помагати Хл.). А нынѣ вѣдаи, яко умьреши, понеже помыслилъ еси взити въ Ерлѣимъ, зло створити ерѣмъ б[о]жьимъ и к людемъ его.

И рече ему дрѣвельми: „Молю тя, о гѣи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего, аче не любо ти, а ворочюся дому моему“.

И рече ангель: „Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши въ Иерусалими мужа въ обличеньи моемъ. Борзо пади на лицѣ своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тебѣ, створи. Не преступи речи ему; въ онъ жь днь преступиши рѣчь его, и умреши“.

И вѣставъ дрѣвельми иде въ Ерлѣимъ. И пришедъ въпроси ерѣвельми: „Иду ли на Дарья?“ И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему: „Ты еси козель, а онъ овенъ и потолчеши и воз-

меша царство его“. Се убо не ангель ли вожаше Олександра?
Не погань ли побѣжаше?

Рассказ летописи, без сомнения, не может быть признан плодом творчества самого летописца. Мы имеем в его лице бесспорную поддержку именно из еврейской версии романа об Александре.

Как видим, летописный рассказ представляет собой несколько сокращенное, но весьма близкое к тексту изложение иерусалимского эпизода в еврейской версии. В рассказе летописца мы находим многочисленные следы использования непосредственного еврейского оригинала.

Очевидно, летописец имел перед собою довольно точный древнерусский перевод еврейского подлинника. Даже в летописной передаче явно проступают следы оригинала. Это проявляется в использовании особых значений слов, свойственных именно древнееврейскому языку. Так, в летописном рассказе древнерусский глагол „взйти“ употреблен для обозначения движения к Иерусалиму, что полностью соответствует семантике еврейского глагола **עָלָה** — „идти вверх“, „подниматься“, затем специально „идти по направлению к Иерусалиму“. Во-вторых, текст летописного повествования насыщен буквальными передачами древнееврейских фразеологических сочетаний. Сюда относятся сочетания со словом „лице“ (евр. **פָּנִים**), например, „вратити лице“, а также сочетание „не преступити рѣчи“ и др. Подобного рода семантические и фразеологические гебраизмы могли бы считаться „библейзмами“, поскольку они встречаются в древнееврейских текстах библейских книг и оттуда перешли и в греческий перевод LXX и в старославянские переводы, однако в нашем тексте их следует признать следом непосредственного пользования еврейским подлинником со стороны древнерусского переводчика.

Наряду с семантическими и фразеологическими гебраизмами доказательством непосредственного использования переводчиком еврейского оригинала служат и отдельные черты буквализма в передаче синтаксических конструкций. Так, например: „Зло створити ереемъ божимъ и къ людямъ его“. Русский предлог „къ“ в точности соответствует по своей синтаксической функции еврейскому предлогу **לְ** в значении датива: **לְעָמוֹ**. Явлением такого же порядка нужно считать и смешение в русском тексте личных (указательных) и возвратно-притяжательных местоимений, например: „со всеми вои его“, вместо „со всеми вои своими“. Как известно, древнееврейский притяжательный суффикс третьего лица **וֹ** соответствует обоим русским значениям.

Наряду с отмеченными буквализмами перевода следует отметить ряд свободных переводов еврейского оригинала древнерусским переводчиком по смыслу. Так, европейскому фразеологическому сочетанию: **בְּעֵינַיִךְ** **עָרָא** „зло в очах твоих“ — соответствует в русском тексте: „аче не

любо ти“, что совершенно правильно и тонко передает смысловой оттенок еврейской идиомы. Тавтологическое сочетание, дважды встречающееся в еврейском: מוֹת תָּמוּת „смертью умрешь“ — переведено простым древнерусским глаголом: „умьреши“. Любопытно, что сочетание הַיָּם הַיָּבֵשׁ „берег моря“ переведено как „острови морские“.

Отдельные подробности перевода указывают на то, что перед глазами переводчика находилась рукопись, отличная от той рукописи еврейского текста, которая легла в основу издания Брейтхаупта. Так, если в издании Брейтхаупта мы читаем: אֶרֶץ אֲדוֹם „земля Эдом“, то переводчик, по всей видимости, читал: אֶרֶץ אֲרָם „земля Арам“, т. е. Сирия. В еврейском письме начертания букв ר (реш) и ד (далет) настолько близки, что переводчики легко могли их смешать. Повидимому, в оригинале у переводчика имелось это слово в scriptio defectiva. Подобное же смешение мы встречаем и в соответствии еврейского שָׁם פָּנָיו „положил, направил лицо свое“ (т. е. „вознамерился“) и русского „врати лице свое“. По всей вероятности, переводчик мог прочесть שָׁם פָּנָיו, т. е. вместо буквы מ (мем) в его первосписке стояла буква ב (бет); что же касается диакритических знаков над буквой ש, то, как известно, средневековые еврейские рукописи их не употребляли.

Таким образом, приведенные разночтения легко объясняются палеографически.

Итак, летописный рассказ является несомненно цитатой из древнерусского перевода еврейской книги „Иосиппон“.

Языковой анализ летописного отрывка показывает, что перевод, без всякого сомнения, был сделан на Руси и на древнерусский литературный язык. На это указывают многочисленные восточные славянизмы как фонетического, так и грамматического и особенно лексического характера.

Характерны такие слова, как „шатер“, „товарище“ (в смысле „становище“, „лагерь“). Отмечаем такие слова с исконнорусскими фонетическими особенностями: „аче“, „ночь“, „хочю“, „молонии“, „хожю“, „умьреши“, „ворочюся“ и т. д.

Типично восточнославянской следует признать флексию „ѣ“ в форме вин. п. мн. ч. существительного с основой на „jo“: „царѣ“. Синтаксис отрывка поражает своим непринужденным простонародным характером. Для него показательно объединение в одном и том же сложном предложении средств как подчинительной, так и сочинительной связи; например: „аче не любо ти, а ворочюся дому моему“, „въ онъ же днь преступиши рѣчь его, и умреши“. По особенностям языка отрывок резко отличается от других смежных частей летописи, содержащих известия церковного характера.

Таким образом, мы можем на основании приведенного отрывка доказать, что перевод книги „Иосиппон“ на русский язык, притом сделанный непосредственно с еврейского подлинника, существовал уже в пер-

вые годы XII в., т. е. был сделан во всяком случае не позже конца XI в.

Выше мы упомянули, что перевод книги „Иосиппон“ в виде его отдельных частей встречается довольно часто в русских хронографических памятниках XIII—XVI вв. Перевод VI книги заключен в особом сказании так называемого „Еллинского и Римского летописца“ 2-й редакции „О взятии Иерусалима, третье, Титово“. Это последнее произведение сохранилось в трех редакциях, в нескольких десятках списков, цитаты из „Пленения“ прослеживаются в оригинальных русских исторических памятниках вплоть до XVII в. Части III книги „Иосиппона“ обнаруживаются в особом сказании „Плены Иерусалимли“, именно во „Втором пленении Иерусалима“ Антиохом. Это компилятивное произведение сохранилось в так называемом Академическом хронографе.¹ В. М. Истрин, издавший в своей статье об Академическом хронографе² тексты сказаний „О мучении Елеазара и 7 братьев“ и „О восстании Мататиага иерея“, принял их за относящиеся к новозаветной эпохе на том основании, что в них часто говорится о воскресении мертвых и они по стилю напоминают рассказы о христианских мучениках. На самом деле в тексте этих сказаний мы находим точное совпадение с еврейским текстом „Иосиппона“, встречаем оставленные без перевода еврейские слова. Стилистические особенности всех частей перевода „Иосиппона“ совпадают с теми, которые нами отмечены при разборе отрывка из летописи. Это не оставляет сомнения в том, что одновременно были переведены на русский язык все книги „Иосиппона“.

Перевод мог быть сделан в самом Киеве, однако, возможно, пришел на Русь через посредство хазар, в среде которых, как сказано выше, в XI в. был широко распространен еврейский текст „Иосиппона“. На это же указывают и некоторые лексические особенности переводов.

Перевод „Иосиппона“ по содержанию, языку и стилю тесно связан с другими переводными произведениями, современными ему. С одной стороны, это переводы с еврейского таких произведений, как „Есфирь“, возможно, книги Даниила, ряда апокрифических сказаний о Моисее, о Соломоне, о царе Дариане. К этому же циклу, по всей вероятности, относилась и притча „О хромце и слепце“, истолкованная в слове Кирилла Туровского. С другой стороны, это древнерусский перевод „Истории иудейской войны“, сделанный с греческого языка с многими дополнениями против существующих греческих изводов.

Все названные произведения характеризуются известной близостью языка и стиля, что могло бы быть объяснимо, если признать все эти переводы произведениями единой литературно-переводческой школы.

¹ Рукопись Библиотеки Академии Наук СССР № 45-13.4 (XV в.), а также идентичные с нею рукописи: Уваровская № 3(18) и Троице-Сергиевская 3(27) (XVI в.).

² В. М. Истрин. Хронограф Академии Наук № 45.13.4. Одесса, 1905.

Может навести на некоторые мысли по поводу территориального приурочения всех названных переводов следующее наблюдение над специфическими значениями слов. Так, словом „бѣбрь“ в книге „Есфирь“ передано еврейское слово חֲרָט (hur), греческое βύσσον — виссон, со значением „белая драгоценная ткань, шелковая или хлопчатобумажная“.¹

В тексте древнерусской „Истории иудейской войны“ Иосифа Флавия прилагательное „бѣбриянь“ соответствует по значению греческому στρικός „шелковый“. Такое совпадение значений бобрового меха и шелка ведет нас именно в Хазарию, так как в арабских и иранских источниках указывается, что в Хазарии словом خاز (хаз) обозначались одновременно как бобровый мех, так и шелк (шелк-сырец).²

Возможно, что именно через хазар и древнерусские переводчики в XI в. получили возможность употреблять слово „бобр“ и производные от него в указанном значении.

Наличие разобранным нами отрывка в „Повести временных лет“ под 1110 г. дает возможность установить *terminus ante quem* для всех указанных древнерусских переводов с еврейского языка. Они несомненно должны восходить к эпохе до XII в.

Все это служит новым ярким доказательством высокого уровня переводческой культуры в древней Руси; переводчики свободно отваживались переводить такие трудные для перевода тексты, как средневековые еврейские, написанные без огласовки и светские по своему содержанию.

До сих пор исследователи, занимавшиеся „Повестью временных лет“, указывали лишь на те источники этого важнейшего памятника культуры и литературы великого русского народа, которые были переведены с греческого языка и пришли к нам через посредство Болгарии. Сюда относятся такие произведения, как хроника Георгия Амартола, Хронограф особого состава, включавший в себя наряду с хроникой Амартола также и хронику Иоанна Малалы, „Летописец вскоре“ Никифора патриарха Константинопольского и др.

Что же касается источников, которые выходили бы за пределы византийско-болгарского культурного круга и были переведены с какого-либо другого языка, кроме греческого, то вопрос о них даже и не ставился в литературе о летописях.

Обнаруженный нами отрывок из „Иосиппона“ помогает расширить список источников, использованных в своей работе составителями летописи. Это подтверждает еще раз, насколько широк был круг их интересов, насколько свободными от религиозной и национальной узости.

¹ Кн. „Есфирь“, I, 6.

² См. об этом: Ch. Fr äh n. Veteres memoriae chasarorum ex Jbn Fozzlano, Jbn Naukale ets. Petropoli, 1822, стр. 604, прим. 89.

были их взгляды, насколько передовым по своему времени было их историческое мировоззрение. Они сумели обогатить мощную и полную жизненных сил культуру нашего народа на первых порах ее развития достижениями многих народов, не уничтожая тем самым ее самобытности и исконно-народного характера.

„НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АРМЕНИИ“ МАР-АБАСА

(К вопросу об источниках себеоса, Моисея Хоренского и Прокопия Кесарийского)¹

Несмотря на наличие значительной литературы о „Начальной истории Армении“, вопрос о времени и авторе этого труда до сих пор еще остается спорным и неясным. Объясняется это тем, что мы имеем сведения об этом памятнике только из позднейших трудов Себеоса и Моисея Хоренского, которые дают о нем или путанные или даже до неузнаваемости искаженные сообщения. Именно недостаточность и сбивчивость этих сведений и послужила причиной тому, что в оценке труда „Начальная история Армении“, условно приписанного Мар-Абасу Мцурнийскому, критика доходила очень часто до крайности и превращалась в гиперкритику.

Особенно ярко видно такое ошибочное направление критики в работах известного немецкого ученого А. Гутшмида и французского армениста А. Карриера.² Если критика их в отношении „Истории“ Моисея Хоренского являлась прогрессивным моментом в ее изучении, то крайний скептицизм их в отношении Мар-Абаса и их утверждение, будто автором „Начальной истории Армении“ был сам Моисей Хоренский, как увидим, были явно ошибочны.

Более обоснованными и плодотворными были по вопросу о Мар-Абасе работы Н. Марра и Н. Адонца.³

Задача настоящего исследования — пересмотреть вопрос о Мар-Абасе и дать этой проблеме в целом новое освещение.

¹ Статья покойного акад. Я. А. Манандяна (1873—1952) печатается по рукописно-автографу. В текст внесены только необходимые уточнения, главным образом, библиографических данных. (Ред.).

² A. Gutschmid. Ueber die Glaubwürdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Berichte de kön. Sächsischen Gesellsch. der Wissensch. zu Leipzig, phil.-hist. Klasse, Bd. XXIII, 1876. — A. Carrière. Moïse de Khoren et les genealogies patriarcales. Paris, 1891.

³ Н. Я. Марр. О начальной истории Армении Анонима. Виз. временник, т. I, вып. 2, 1894. — Н. Адонц. „Начальная история Армении“ у Себеоса в отношениях к трудам Моисея Хоренского и Фавста Византийского. Виз. временник, 1901, т. VIII, вып. 1 и 2. [Следует указать на неупомянутую автором статью того же Н. Адонца и возникшую в связи с ней полемику. (N. Adontz. Sur la date de l' Histoire de l' Arménie de Moïse de Chorène. Byzantion, v. XI, Bruxelles, 1936). Ред.]

* * *

Ознакомимся прежде всего с содержанием „Начальной истории Армении“.

В начале первой главы „Истории“ Себеоса, как известно, упоминается греческая надпись о первых аршакидских царях Армении и Парфии. Согласно рассказу Себеоса, об этой надписи имелось сообщение в книге философа Мар-Абаса Мдурнийского, свидетельствовавшего, что надпись была обнаружена в городе Мдбине, т. е. Низибине, на столбе, находившемся среди развалин дворца царя Санатрука, против ворот дворца, где ее нашел сам Мар-Абас. Когда колонны этого дворца были вытребованы ко двору персидского царя, были раскопаны развалины, и именно тогда наткнулись на означенную надпись на греческом языке.

Заглавие ее, как указано у Себеоса, было следующее: „Я, писец Агафангел, по повелению храброго Трдата, начертал на этом камне своею рукою годы первых царей армянских, взяв (их) из царского архива“. Затем у Себеоса подробно приведены окрашенные в легендарные тона повествования армян о своих родоначальниках.

После столпотворения и смешения языков, сообщает „Начальная история“, воцарился в Вавилоне охотник-исполин Бэл-Титанид, который требовал, чтобы ему подчинился весь человеческий род. Однако родоначальник армян, „могучий силой и статный Хайк из рода Яфета, не захотел признать его богом и не подчинился ему. Бэл пошел войной на него, но был убит Хайком, и войско его обратилось в бегство“.

После одержанной победы Хайк поселился со своим родом на юге Армении. Сын и преемник Хайка, Арменак, жил после смерти отца сначала в Харке, а затем отправился на северо-восток и занял там Айратскую равнину. Потомки его расселились постепенно в этой равнине и в близлежащих областях.

Сын и преемник Арменака, Арамаис, построил себе поселение на берегу Аракса и назвал его по своему имени Армавир. После него властвовали сын его — Амасия, сын Амасии — Гегам, сын Гегамы — Хармай, сын Хармаи — Арам и сын Арама — Арай Прекрасный.

О последнем автор „Начальной истории Армении“ приводит легенду, в которой рассказывалось, что жена ассирийского царя Шамирам (Семирамида) была страстно влюблена в Арая и, когда Арай отказался поехать к ней в Ниневию, она вторглась во главе многочисленного войска в Армению, разбила войско Арая и его самого убила в сражении. После поражения Арая Арменией владели ассирийские цари до смерти ассирийского царя Сенекерима (= Синахериб, 705—688 гг.). Именно тогда восставшие армяне вышли из-под власти ассирийцев и стали владеть в Армении Зарех Хайкид, род которого господствовал до Навуходоносора. После этого армяне покорились вавилонянам и мидянам, а затем наступило македонское владычество, длившееся до Аршакидов.

Потомками Зареха Хайкида были, как сообщается у Себеоса, „Армог за ним Сарханг, за ним Шаваш, за ним Фарнаvas“. Здесь же мимоходом, в небольшом отрывке, упоминается о происхождении Багратидов.

Во второй главе „Истории“ Себеоса, главным источником которой была также „Начальная история Армении“ Мар-Абаса, описывается восстание парфян и освобождение их из-под власти македонян при Аршаке Великом. Этот последний подчинил своей власти ассирийцев, вавилонян, персов, мидян и Армянскую страну.

Далее в этой же главе дается сведение, что на 129-м году своей жизни и за год до своей смерти Аршак Великий назначил царем Армении своего сына, Аршака Младшего. Навстречу последнему вышел в Армении „Багарат Фаразян, который надел ему на голову отцовскую корону и выдал за него замуж свою дочь“. Так как Багарат добровольно передал ему свое царство, Аршак назначил его аспетом Армянской земли, т. е. верховным правителем царства.

В заключительной части второй главы приведены списки парфянских царей до Артавана (224 г. н. э.) и аршакидских армянских царей до Папа (374 г. н. э.).

Следует отметить, что „История“ Себеоса, содержащая выдержки из книги Мар-Абаса, дошла до нас в списке только одной рукописи крайне плохой сохранности. Поэтому интересующий нас памятник сильно искажен и имеет пропуски и непонятные места, объясняющиеся главным образом тем, что переписчик дефектной рукописи, перепутав листы, списал ее как попало.

Последняя часть памятника, как правильно указывает Марр, сильно пострадала также и от позднейшего влияния „Истории“ Хоренского, откуда в нее были внесены даже отдельные фразы.¹

Труд Мар-Абаса использован в качестве источника в древнейшей истории Армении не только в первых двух главах „Истории“ Себеоса (в „отделе I“ по изданию Патканяна), но также во многих главах первых двух книг „Истории“ Моисея Хоренского. Извлечения у Хоренского, как не раз указывалось, представляют пространную, но основательно переработанную версию труда Мар-Абаса. У Себеоса мы имеем хотя и начальную и более верную, но значительно сокращенную версию и притом в искаженном состоянии и с большими дефектами.

В пространной „Начальной истории Армении“ Мар-Абаса, как видно из свидетельств Хоренского, имелись не только приведенные у Себеоса сказания о Хайке и Арменаке, но, кроме того, и эпические предания об Араме, в которых были олицетворены военные подвиги армян в древнюю эпоху.

Из потомков Арменака, как подробно сообщалось в книге Мар-Абаса, особенно прославился сын Хармайя, Арам, расширивший пределы Арме-

¹ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 282.

нии во все стороны. Он напал на востоке на мидийца Ньюкар-Мадеса, державшего Армению в продолжение двух лет под игом, и, схватив его, привел в Армавир и приказал пригвоздить к вершине башенной стены. Он прославился также и на юге, на границах Ассирии, где убил опустошителя своей страны из поколения исполинов, Баршама. После этого он со всем войском устремился на запад и разбил там Титанида Папайиса Каагья, владевшего землями между Понтийским и Средиземным морями. В новопокоренной стране он оставил править своего родственника Мшака, основавшего там город Малак, впоследствии названный Кесарией.

Даже при беглом ознакомлении с отрывками „Начальной истории Армении“ ясно, что труд Мар-Абаса не фикция, а наиболее древний письменный памятник по истории Армении. Труд этот, как видно из вышеприведенных отрывков, заключал в себе легендарные сказания о судьбах армянского народа, но был, кроме того, основан частью на сообщениях библейских и других источников, частью же на данных открытой при раскопках царского дворца Санатрука греческой надписи, в которой имелись сведения о первых аршакидских царях Парфии и Армении.

Автор этой „Начальной истории Армении“ желал выяснить, как возник армянский народ и как он расселился на территории древней Армении. Руководясь схемой древних хроник, он, как и современные ему древние книжники, полагал, что все народы на земле произошли из потомства трех сыновей Ноя. Поэтому родоначальника армян, Хайка, он считает потомком сына Ноя, Иафета.

Крайне любопытно, что на „Начальную историю Армении“, как и следовало ожидать, наибольшее влияние оказали легендарные предания самих армян. Ценность этих преданий заключается в том, что они имеют историческое основание и находятся в согласии с документальными данными хеттских, ассирийских и урартийских клинообразных надписей и помогают выяснению этногенеза современных хайв-армян.

* * *

В арменоведческой литературе долгое время прочно держалось мнение, что „Начальная история Армении“ не имеет никакой связи с „Историей“ Себеоса и попала в последнюю случайно. Большинство ученых полагало поэтому, что первые два отдела „Истории“ Себеоса являются компиляцией неизвестного автора, анонима.

Это мнение, высказанное впервые проф. К. П. Патканяном в предисловии к его русскому переводу „Истории“ Себеоса,¹ было принято на веру немецким ученым А. Гутшмидом, Н. Я. Марром и другими исследователями. Гутшмид считал даже возможным утверждать, что автором

¹ К. П. Патканян. История Себеоса. СПб., 1862, стр. VI—X.

„Начальной истории Армении“ был не аноним, а Моисей Хоренский. По его мнению, отрывок у Себеоса был первым наброском (Entwurf), который Хоренский переработал затем в „Историю Армении“.¹

Баумгартнер, который придерживался также мнения Патканяна, в своем исследовании „Книга о Хриях“ пытался доказать — мне кажется без достаточного основания, — что в X в., при жизни историка Иоанна Католикоса, в рукописи Себеоса еще не было „Начальной истории анонима“.²

Приведенные предположения об анониме в настоящее время считаются ошибочными и неприемлемыми.

Еще первый издатель древнеармянского текста „Истории“ Себеоса, Т. Михрдатян, приняв во внимание, что в использованных им рукописях „Начальная история“ составляла неотъемлемую часть исторического труда Себеоса, считал ее компиляцией, составленной самим Себеосом.³ К тому же выводу пришел А. Тер-Микаелян в своем издании древнеармянского текста „Хроники“ Самуила Анийского. Он основывался на анализе содержания некоторых отрывков первых четырех глав Себеоса („отдела I“ и „отдела II“ по изданию Патканяна), так и на сходстве слога и языка этих глав со слогом и языком подлинных частей Себеосовой истории.⁴

По мнению Халатьянца, „сходство это, доходящее иногда до тождественности, замечается в слоге и изложении обоих произведений, их складе речи и некоторых приемах — не только в отношении грамматики, синтаксиса и лексики, но и встречающейся только у них у обоих оригинальной географической и этнографической номенклатуры“.⁵ Следует, однако, указать, что Халатьянц, считая „Начальную историю Армении“ поздним апокрифом VIII—IX вв., подмеченные им сходства объяснял не тождеством анонима с Себеосом, а влиянием Себеоса на анонима.

В противоположность мнению Халатьянца, Малхасянц⁶ соглашается с точкой зрения Тер-Микаеляна и убедительно доказывает, что вступительная часть „Истории“ Себеоса, заключающая в себе краткую историю Армении, начиная с легендарных времен, написана самим Себеосом. Уже в самом введении к „Истории“, в ее начальных строках, как правильно отмечают Тер-Микаелян и Малхасянц, имеется указание Себеоса, что его „История“ заключает в себе три эпохи армянской истории: ге-

¹ А. Gutschmid, ук. соч., стр. 38.

² А. Baumgartner. Ueber das Buch „Die Chrie“. Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Gesellsch., Bd. XL, 1886, стр. 466—467, прим. 1.

³ История епископа Себеоса об Иракле. Изд. Т. Михрдатян. Константинополь, 1851, Предисловие.

⁴ Самуил Анийский. Хроника. Изд. А. Тер-Микаеляна. Вагаршапат, 1893, стр. 253—254, прим. 11.

⁵ Г. Халатьянц. Армянский эпос в Истории Армении Моисея Хоренского. М., 1896, стр. 68 и сл.

⁶ С. С. Малхасянц. История Себеоса и Моисей Хоренский. Тбилиси, 1899.

роическое или мифическое время, последовавшее за ним историческое время и современное автору „бедственное время“.

„Не в силу добровольной надобности сведущего исследователя, — говорит автор введения, — приходится мне приступить к написанию неопisanного времени и сказаний о древних героях и упомянуть некоторые мифы; продолжая это повествование, я расскажу и то, что произошло позже, а затем изложу вкратце постигшие нас бедствия нынешних времен и упомяну годы и дни пяти царей“.

И действительно, согласно этому обещанию, героическое время изложено Себеосом в I главе, историческое прошлое — в главах II—VII, а бедствия, современные автору, — в VIII—L главах.

Как мы видим, предположение Малхасянца о тождественности анонима с Себеосом можно считать обоснованным и убедительным. Доводы в подтверждение такого решения вопроса, как указано в более поздних по времени работах Адонца и Акиняна, стоят на вполне твердой почве и могут быть даже усилены новыми доказательствами.¹

Можно, следовательно, с уверенностью заключить, что никакого анонима вовсе и не существовало, а аноним — это сам Себеос. Совершенно очевидно также, что автором „Начальной истории Армении“ был не сам Себеос, а сириец Мар-Абас Мцурнийский, труд которого служил одним из основных источников как „Истории“ Себеоса, так и „Истории“ Хоренского.

* * *

О времени и происхождении „Начальной истории Армении“ Хоренский и Себеос дают совершенно различные сведения.

Хоренский сообщает, что основатель аршакидской династии в Армении, Вагаршак, желая знать прошлое этой страны, отыскал ученого сирийца Мар-Абаса Катину, человека мудрого и сведущего в письменности халдейской и греческой, и, поручив ему собрать верные сведения касательно истории Армении, послал его к своему брату, парфянскому царю Аршаку Великому, с просьбой открыть ему царский архив в Ниневии.

Мар-Абас, рассмотрев там рукописи, нашел между ними книгу неизвестного автора, переведенную с халдейского на греческий язык по приказанию Александра Великого. Из этой книги, пишет Хоренский, извлек Мар-Абас достоверную историю армянского народа и принес ее царю Вагаршаку, который, получив ее, тщательно хранил в своем дворце, приказав отрывок из нее начертать на столбе.²

Приведенный рассказ об открытии Мар-Абасом халдейской книги в столице парфянских Аршакидов, в Ниневии, во II в. до н. э., как уже

¹ Н. Адонц, ук. соч., стр. 6 (отд. оттиск). — Н. Акинян. Себеос епископ Багратунийский и его история об Ираклии. Вена, 1924, стр. 48 и 64 (на арм. яз.).

² Моисей Хоренский. История Армении, кн. I, гл. 8 и 9. Тбилиси 1913 (арм. текст).

выяснено, не выдерживает никакой критики и, по мнению ученых, является вымыслом самого Хоренского.

Совершенно иные, более правдоподобные сведения об авторе „Начальной истории“ сообщает Себеос. Он называет его не Мар-Абас „Катина“ (=λεπτός, „задах“, арм. ušim „сметливый“), а Мар-Абас „философ Мцурнийский“ и указывает, что этот ученый сириец, находясь случайно при раскопках дворца царя Санатрука в Низибине, нашел в развалинах царской резиденции греческую надпись о первых аршакидских царях Армении и Парфии, начертанную по повелению царя Тиридата Агафангелом.

Вплоть до последнего времени почти все ученые считали вышеприведенное сообщение о найденной в Низибине греческой надписи тенденциозным измышлением. Однако Н. Акинян очень убедительно показал, что это сообщение отнюдь не тенденциозный апокриф, а достоверное историческое свидетельство. Он полагает, что дворец, в развалинах которого был найден столб с греческой надписью, находился конечно не в Низибине, как ошибочно указано у Себеоса и Хоренского, а в городе Мцурне, построенном царем Санатруком. Заблуждение упомянутых историков, не знавших о существовании в древней Армении города Мцурна, легко объяснимо, так как графически вполне допустимо чтение „Мцуин“ (=Низибин) вместо „Мцурн“.¹

Об основании города Мцурна Санатруком, царствовавшим в Армении в конце I и начале II в. н. э., как указано в одной из моих работ,² имеется лишь случайная заметка в „Истории“ Фавста. Князь Мардпет, рассказывает Фавст, посетив святые места в Аштишате, отправился оттуда к реке Евфрату — Арацанию, к месту, где сливается с ней другая река, и был там убит Шаваспом Арцруни. На этом месте, — пишет Фавст, — издавна построен был город царем Санатруком, в местности под названием Мцурк“.³

Исходя из вышеприведенного сообщения себеосовского Мар-Абаса о найденной в „Мцуине“, т. е. в Мцурне, греческой надписи, можно предположить, что Мцурн был одним из городских центров древней Армении еще в начале IV в. н. э., в нем, во дворце Санатрука, была начертана на столбе греческая надпись „по повелению храброго Тиридата“, повидимому Тиридата III. Город этот, по свидетельству Фавста, был разрушен еще до V столетия, вероятно во второй половине IV в. В первой главе своей „Истории“ Себеос, как мы видели, называет философа Мар-Абаса „Мцурнаци“, т. е. Мцурнийским, и свидетель-

¹ Н. Акинян, ук. соч., стр. 80 и сл.

² Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван, 1930, стр. 89—91; 2-е изд., Ереван, 1954, стр. 112—113.

³ Фавстос Бузанд. История Армении, гл. XIV. Перевод под редакцией С. Т. Еремяна. Ереван, 1953, стр. 90.

ствует этим, что составитель „Начальной истории Армении“ был родом из города Мдурна.

Приведенные сведения дают возможность предположить, что уроженец города Мдурна Мар-Абас, присутствовавший при раскопках дворца Санатрука и описавший начертанную при Тиридате III, т. е. в начале IV в., греческую надпись, жил не во II в. до н. э., как утверждает Хоренский, а в IV в. н. э. И действительно, еще Катрмер обратил внимание на то, что имя Мар-Абас могло явиться у сирийцев только в эпоху христианства, когда к началу имени духовного лица прибавляли титул Мар, означающий „владыка“, „господин“.¹

Ученые указывают также, что в приведенной у Себеоса самой „Начальной истории“ имеются данные, определяющие время ее составления, так как в ней, в списке армянских Аршакидов, преемников Аршака Младшего, последним значится сын Аршака II, царь Пап (368—374).² Основываясь именно на этом последнем хронологическом указании и относя труд Мар-Абаса к концу IV или началу V в., Н. Я. Марр считал несомненным, что автору „Начальной истории“ были известны библейские предания и что его „История“ была продуктом господства сирийско-христианской культуры в Армении.³

Следует отметить, что как Марр, так и Феттер, указывая на сирийское происхождение книги Мар-Абаса, склонны были думать, что первоначальный текст „Начальной истории Армении“ был написан на сирийском языке.⁴ Однако внимательное ознакомление с использованными Себеосом и Хоренским древнеармянскими текстами этого памятника, в котором имена Мар-Абас, Кадмос, Кардос имеют грецизованную форму, а греческие имена Κρόνος καὶ Τίτάν Ἰαπετός τε ошибочно переведены „Зрван и Титан, Иапетосте“⁵ (вместо „Зрван и Титан и Иапетос“), дает основание предположить, что перевод „Начальной истории“ на древнеармянский язык был сделан с греческого оригинала.

Можно считать вероятным поэтому, что Прокопий Кесарийский пользовался, непосредственно или опосредственно (его источником могла быть первая книга „Истории“ Фавста),⁶ не древнеармянским текстом

¹ Quatremere. Observations sur la ville de Ninive, troizieme article. Journ. des Savants, 1850, стр. 365.

² История епископа Себеоса. Русский перевод С. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 18 (гл. II).

³ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 293—294.

⁴ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 299, 302 и др. — P. Vetter. Das Buch der Mar Abas von Nisibis, Festgruss. Dr. Prof. Rud. v. Röth zum 50 jährigen Doktorjubiläum, Stuttgart, 1893, стр. 88.

⁵ Моисей Хоренский. История Армении, кн. I, гл. 9, стр. 31—32 (арм. текст).

⁶ Н. Адонц, ук. соч., стр. 3 (отд. оттиск).

Марабасовской „Начальной истории“, как некоторые полагают,¹ а греческим.

Привожу соответствующий отрывок из книги Прокопия „О постройках“:

Некогда во главе Армении стоял царь того же племени, как об этом передают древнейшие историки, писавшие ее историю. Когда же Александр низложил персидского царя, то персы, покрывшись ему, оставались спокойными, но парфяне восстали против македонян и, победив их на войне, изгнали их оттуда и захватили область вплоть до реки Тигра, в дальнейшем, в продолжение пятисот лет, персидская держава находилась под властью до тех пор, пока императором у римлян не стал Александр, сын Мамен. И тогда кто-то из парфянских царей поставил царем над Арменией брата своего по имени Аршака, как передает нам об этом история Армении. Пусть же никто не думает, что Аршакиды родом армяне. Ввиду родственных отношений они лет пятьсот сохраняли между собой мир.²

Приведенное сообщение Прокопия, как совершенно правильно отмечает Адонц, взято почти целиком из „Начальной истории Армении“, ибо только в этой истории сумма годов царствования парфянских царей равна 500 и только в ней родоначальником армянских Аршакидов считается Аршак.³

Резюмируя все сказанное, мы можем с уверенностью заключить, что труд Мар-Абаса был древнейшим памятником армянской историографии, написанным на греческом языке в конце IV в. н. э.

В указанной работе⁴ мною было отмечено, что в культурно-экономической жизни Аршакидской Армении играли крупную роль эллинизованные городские поселенцы сирийцы и евреи. Там же было указано, что еще в III в. н. э. в городе Арташате жил эллинизованный писатель сирийского происхождения Иамблих, написавший роман „Babyloniaka“ в 35 книгах.⁵ По всей видимости, таким же эллинизованным сирийцем был и философ Мар-Абас, родившийся в городе Мцурне незадолго до его разрушения.

Город Мцурн, как выяснено Марквартом, лежал около реки Арацания и его левого притока Карасу и имел очень удобное в торговом отношении расположение: он находился в богатой и плодородной рав-

¹ М. А бе г я н. История армянской литературы, I. Ереван, 1944, стр. 168 (на арм. яз.).

² Procopii Caesariensis. De Aedificiis, III, 1, 4—7. Русский перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 241—242.

³ Н. Адонц, ук. соч., стр. 20 и 31 (отд. оттиск).

⁴ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 69, 2-е изд., стр. 84—85.

⁵ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 40; 2-е изд., стр. 51.

нине Тарона, на выгодном месте пересечения торговых путей.¹ Это местонахождение родины Мар-Абаса представляет несомненный интерес, так как тем самым устанавливается, что „Начальная история Армении“, основанная главным образом на народных сказаниях о древней судьбе армянского народа, сформировалась не в верховьях Ефрата и областях Дараналии и Акилисене, как ошибочно полагал Адонц,² а на северо-восточной окраине Тарона, примыкавшей с севера к Харку.

Выясняется таким образом, что Мар-Абас Мцурнийский жил в том районе древней Армении, который находился у самой границы упомянутой в приведенном им народном эпосе „горной равнины Харк“. Эта равнина, являвшаяся основной территорией Хайкидов, как сообщает Хоренский,³ была названа „Харком“ („отцы“) по имени поселившихся там родоначальников хайев — армян. Следовательно, можно предположить, что труд Мар-Абаса в своей существенной части представляет обрывки таронских и харкских народных преданий о древнейшем прошлом своей страны.

* * *

Вопрос о зависимости „Истории“ Моисея Хоренского от „Начальной истории Армении“ у Себеоса имеет несомненно важное значение, как для уяснения сравнительной древности Себеосовского извлечения из Мар-Абаса, так и для определения времени и места исторического труда Хоренского в ряду памятников древнеармянской литературы.

Еще в 1894 г. в вышеупомянутой статье Н. Я. Марра⁴ было убедительно показано, что Моисей Хоренский был знаком с трудом упомянутого Себеосом Мар-Абаса и при составлении хронологии Аршакидов непосредственно пользовался начальными главами „Истории“ Себеоса. В противоположность этому мнению, С. Малхасянц в своем исследовании „История Себеоса и Моисей Хоренский“ (Тбилиси, 1899) пытался доказать, что Себеос пользовался „Историей“ Хоренского, а не наоборот.⁵ Малхасянц считал возможным сделать отсюда вывод, что „История“ Хоренского существовала и была известна до Себеосовской „Истории“, написанной в 661 г.

В доказательство своего предположения Малхасянц приводит указание самого Себеоса и ссылается на III главу его „Истории“, которая имеет следующее начало:

„Теперь, если угодно тебе, любознательный читатель, я повторю согласно историкам Моисею Хоренскому и Степаносу Таронскому,

¹ J. Markwart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Philol. Supplementband, X, H. 1, стр. 236 и сл.

² Н. Адонц, ук. соч., стр. 33 (отд. оттиск).

³ Моисей Хоренский. История Армении, кн. I, гл. 10 (арм. текст).

⁴ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 282, 294 и 300.

⁵ С. С. Малхасянц. Историк Себеос. Виз. современник, М., 1949, т. II (XXVII), стр. 99 и сл.

достоверным и правдивым писателям, чтобы ты знал (родословную царей) от отца к сыну.

В этой главе приводится далее, по Хоренскому и Степаносу Таронскому, список парфянских Аршакидов до Артавана и упоминаются Арташир Сасанид и его преемники, а затем, после рассказа о происхождении Мамиконидов, следует синхронистическая таблица царей армянских, персидских и византийских, начиная с Хосрова Великого до Врамшапуха и прекращения династии армянских Аршакидов.

Следует отметить, что относительно начала III главы Себеоса в арменоведческой литературе имеются серьезные разногласия. Еще Н. Я. Марр совершенно верно отмечал, что в конце II главы Себеоса список армянских Аршакидов „в дошедшем до нас виде оказывается сильно пострадавшим от позднейшего влияния Хоренского, откуда внесены в нее помимо хронологии и отдельные фразы“.¹ После Моисея Хоренского, сказавшего с точки зрения армянской историографии последнее слово по хронологии Аршакидов, армянские писатели занимаются лишь повторением авторитетного учителя.²

К мнению Н. Я. Марра очень близко примыкают Адонц и Халатьянц. Они оспаривают подлинность начальной части главы III „Истории“ Себеоса, содержащей выдержки из исторических трудов Моисея Хоренского и Степаноса Таронского, и полагают, что эта часть III главы является интерполяцией и делом писца позднего времени.³ По мнению Адонца, переписчик „Истории“ Себеоса счел нужным привести список аршакидских царей по „правдивым и достоверным авторам“ ввиду отступлений в предшествующих списках царей второй главы.

Мнение Малхасянца, относившего к числу более древних авторов Степаноса Таронского, Адонц считал несостоятельным. Степанос Таронский, по мнению Адонца, был историком XI в., по прозванию Асогик, так как помещенный в начале III главы список персидских Аршакидов „слово в слово, буква в букву взят из Асогика“. „Да логично ли допустить, — возражает Адонц, — чтобы человек, собирающийся «описать неописанное время и подвиги древних героев», знал Хоренского? Зачем ему в таком случае обойти несравненно лучшую обработку того же материала у Хоренского“.⁴ Мнение Малхасянца о знакомстве Себеоса с „Историей“ Хоренского едва ли правильно и по другим соображениям. Как известно, именно Адонцем путем сравнительного изучения хронологических данных „Истории“ Хоренского и первых четырех глав „Истории“ Себеоса, убедительно было выяснено, что не

¹ Н. Я. Марр, ук. соч., стр. 282.

² Там же, стр. 283—284.

³ Н. Адонц, ук. соч., стр. 5—6 (отд. оттиск). — Г. Халатьянц, ук. соч., стр. 58 и др.

⁴ Н. Адонц, ук. соч., стр. 6 (отд. оттиск).

труд Хоренского служил источником Себеоса, а, напротив, Моисей Хоренский пользовался начальными главами Себеоса при составлении хронологии Аршакидов и Сасанидов.¹

Положение это верно, как правильно указывает Адонц, и по отношению к рассказу о происхождении Мамиконидов, так как „более сложный и явно производный характер его у Хоренского не затруднит любого филолога“ поставить его в зависимость от третьей главы Себеоса.²

Как мы видим, в вопросе о зависимости Хоренского от Себеоса не может быть никаких колебаний. Однако Малхасянц счел возможным отстаивать свою прежнюю точку зрения и пытался обосновать свое мнение новой аргументацией, а именно — интерпретацией имен „Титанид“, „Бэл“ и „Зрван“. Он полагает, что ввел эти слова Хоренский, и пытается доказать поэтому, что исторический труд Хоренского послужил источником не только для Себеоса, но также и для упоминаемого Себеосом Мар-Абаса, у которого имеются вышеприведенные имена, названные Хоренским.³

Эпитеты „Бэл Титанид“, „царь Титанид“, „Титан“, указывает он, приводятся у известного Себеосу Мар-Абаса как готовые прозвища, без всяких объяснений, тогда как у Хоренского „они вполне объяснены и обоснованы“. По мнению Малхасянца, свидетельство Сивиллы Бера — „Властвовали на земле Зрван и Титан и Иапетосте“ — Хоренский толкует как аллегорию, полагая, что под этими терминами подразумевались сыновья Ноя, т. е. Сим, Хам и Иафет. Малхасянц заключает из этого, что аллегорический термин „Титанид“ равнозначен у Хоренского библейскому слову „Хамид“, а под аллегорическим термином „Бэл Титанид“ подразумевается библейский „Нимфод Хамид“. Заканчивает он свою аргументацию утверждением, что создателем терминов „Титанид“ и „Бэл“ является сам Моисей Хоренский.

Приведенные соображения Малхасянца, однако, несостоятельны. „Бэл Титанид“, господин „царь Титанид“ имеются у Хоренского лишь в тех отрывках его „Истории“, которые взяты им, как он сам указывает, из книги Мар-Абаса Катины.

Так, в самом начале одиннадцатой главы I книги его „Истории“ мы читаем:

Продолжая далее свой рассказ (Мар-Абас Катина, — Я. М.), говорит: „Утвердив власть свою над всеми, Бэл Титанид отправляет в северную страну одного из сыновей своих, в сопровождении преданных мужей, с предложением Хайку — покориться и жить в мире.“⁴

¹ Н. Адонц, ук. соч., стр. 6—26.

² Там же, стр. 26.

³ С. С. Малхасянц, ук. соч., стр. 102—105.

⁴ Моисей Хоренский. История Армении. Русский перевод Н. О. Эмица. М., 1893, стр. 17.

Именно в этой главе о сражении Хайка с Бѐлом, непосредственным источником которой был труд Мар-Абаса Катины, упоминается еще несколько раз Бѐл как „Бѐл Титанид“, „царь Титанид“ или „гордый Титанид“.¹

Нетрудно конечно видеть, что „Бѐл“, „Бѐл Титанид“ вовсе не являются аллегориями, созданными Хоренским. Совершенно ясно, что эти имена упоминались в использованной Хоренским книге Мар-Абаса Катины. Они имелись независимо от Хоренского также и в тексте Мар-Абаса, у Себеоса.

Вторым доводом в пользу своего мнения о зависимости Мар-Абаса от Хоренского Малхасянц считал имя „Зрван“. Это слово встречается в следующем свидетельстве Мар-Абаса у Себеоса:

Ибо Хайк ушел из Вавилона вместе с женой и детьми и со всеми домочадцами, отправился и поселился в Арарадской земле, в доме у подножья горы, который впервые построил Зрван-отец вместе с братьями.²

Малхасянц сравнивает этот текст с „Историей“ Моисея Хоренского, в котором приведен рассказ философа Олимпиодора об устных сказаниях о Ксисутре.³

После того, как Ксисутр отплыл в Армению и встретил сушу, один из его сыновей, названный Симом, идет на северо-запад разведать землю, приходит на большую поляну у подошвы горы с продольным основанием, прорезываемую реками, текущими к пределам Ассирии. Он останавливается у реки в продолжении двух лунных месяцев, называет гору по своему имени Симом и возвращается на юго-восток, откуда он отправился. А один из младших его сыновей, по имени Тарбан, с тридцатью сыновьями и пятнадцатью дочерьми вместе с их мужьями, расставшись с отцом своим, поселился на берегу той реки. По его имени эту область Сим назвал Тароном, место же, где он сам поселился, именовал Цронком: так как тут впервые началось отделение его сыновей от него самого. Говорили, что некоторое время он жил также близ пределов Бактрии и что один из его сыновей там и остался. Ибо в восточных странах Сима называют Зруаном, и область его до сих пор именуется Зруандом.⁴

Из этого рассказа Хоренского, пишет Малхасянц, все вышеприведенные загадки относительно Мар-Абаса, упоминаемого Себеосом, ста-

¹ Моисей Хоренский. История Армении. Русский перевод Н. О. Эмина, стр. 17—19.

² История епископа Себеоса, стр. 12.

³ С. С. Малхасянц, ук. соч., стр. 104.

⁴ Моисей Хоренский. История Армении. Русский перевод Н. О. Эмина, стр. 12 (1, 6).

новятся ясными. „Зрван, — указывает Малхасянц, — это языческое название сына Ноя, Сима, гора, которую встретили, — это Сим (или Тавр), река, протекающая по полю, — Евфрат, дом, построенный Тарбаном вместе с братьями, — первое поселение армян при реке, носящее древнейшее название провинции Тарон“.¹

Приведенные наблюдения и заключения Малхасянца недостаточно убедительны.

Как известно, еще в самое недавнее время по данному вопросу Марквартом было высказано совершенно противоположное мнение. Им убедительно было показано, что свидетельство Мар-Абаса о Зрване в „Истории“ Хоренского.² И действительно, это свидетельство, как не трудно видеть, находится в явном противоречии с сообщением Хоренского.

В подобном повествовании Хоренского, основанном на рассказе философа Олимпиодора, сказано, что поселение сына Ксисутра (т. е. Ноя), Сима или Зрвана, находилось около горы „Сим“, т. е. в районе армянских Тавров, а в свидетельстве себеосовского Мар-Абаса поселение Зрвана указано „в доме у подножья горы“, лежавшей в „Арарадской земле“. Малхасянц упустил из виду, что под „Арарадской землей“, соответствовавшей стране Уруатри ассирийских надписей, как твердо установлено в исторических трудах,³ следует понимать не горную область „Сим“, т. е. Сасун и Хойт, а страну Кордуену, в которой „на горах Арарата“ (кн. Бытия, VIII, 4) остановился ковчег Ноя. Поэтому совершенно очевидно, что источником Мар-Абаса о Зрване в „Истории“ Себеоса не могло быть вышеприведенное сообщение о Зрване в „Истории“ Хоренского, как это утверждает Малхасянц. В свидетельствах этих двух источников сохранились совершенно различные известия о месте поселения сына Ксисутра — Ноя Зрвана. Сообщение Мар-Абаса у Себеоса связывает легенду о всемирном потопе с горами Кордуены, с нынешним Джуди, а рассказ Хоренского — с районом армянских Тавров, т. е. с горной областью Сасуна и Хойта.

Как мы видим, Хоренский не мог придумать имена Титанид, Бэл и Зрван. Из сообщения самого же Хоренского нам известно (кн. I гл. 9), что имя Зрван имелось в книге Мар-Абаса. В вступительной части книги Мар-Абаса упоминались теогонические сказания об „Зрване, Титане и Иапетосте“, причем „Зрван“ или „время“ соответствовал в них греческому „Хроносу“.

Следует отметить, что Зрвана как „современника Титанов“ упоминает также древнеармянский писатель Езник, труд которого⁴ написан

¹ С. С. Малхасянц, ук. соч., стр. 105.

² J. Markwart. Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, стр. 213—220.

³ К. Патканов. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. Журн. Мин. нар. просв., 1874—1881, стр. 96—104. — *Inglia sian. Armenien in der Bibel.* Wien, стр. 23—33 и др.

⁴ Езник Кохбский. Опровержение ересей. Венеция, 1826, стр. 122 (на арм. яз.).

раньше „Истории“ Моисея Хоренского. Таким образом, как не трудно видеть, источником сообщения о Зрване как Езника, так и упоминаемого Себеосом Мар-Абаса была не „История“ Моисея Хоренского, а, повидимому, труд не известного нам сирийского гностика.

* * *

Следующий вопрос, относящийся к нашей теме, — это вопрос об имеющихся в книге Мар-Абаса Мцурнийского сведениях о происхождении Багратидов и их исключительной роли при первом аршакидском царе Армении, Аршаке Младшем.

Как известно, именно эта часть „Начальной истории Армении“ дала повод целому ряду ученых считать труд Мар-Абаса Мцурнийского псевдоэпиграфом, составленным в VII—IX вв.

С особенной решительностью отстаивали эту точку зрения Халатьянц и Маркварт.¹

Ввиду важности этого вопроса считаю нужным привести отрывки из „Начальной истории Армении“ о Багратидах полностью.

После восстания армян и освобождения их из-под власти ассирийцев, — говорится в „Начальной истории“, —

Стал властвовать над ними (армянами) Зарех, сын сыновей Арменака, муж храбрый, с мощным луком. После него Армог, за ним Сарханг, за ним Шаваш, за ним Фарнаваз. Этот (Фарнаваз) родил Багама и Багарата, и Багарат родил Бюрата, и Бюрат родил Аспата. Сыновья Багарата унаследовали свои владения на западной стороне, т. е. до Ангех ибо Багарат назывался также Ангехом и его в то время племя варваров называло богом. Этот Фарнаваз покорился царю Навуходоносору в Вавилоне. И с тех пор (Арменией) владели цари вавилонян и мидян до Александра Македонского, который всю вселенную покорил под свою власть.²

Необходимо также привести и упоминаемое в „Начальной истории“ сообщение о женитбе первого аршакидского царя Армении, Аршака Младшего, на дочери Багратида „Багарата Фаразьяна“.

Он (Аршак Великий) отправляет его (Аршака Младшего) из Мрдана на запад с большим войском из 70 000 вооруженных и со знатными вельможами, с тысяченачальниками и темниками, которому никто не мог противостоять в войне. Ему выходит навстречу Багарад Фаразьян, из сыновей Арменака, великий нахарар, с войском. Он подносит ему дары — золото и серебро, одевает его в сндр (?) и нарамник, венчает его отечественной короной, усажи-

¹ См.: Г. Халатьянц, ук. соч., стр. 83—85 и 97—102; J. Markwart. Die Genealogie der Bagratiden und das Zeitalter der Mar-Abas und Ps. Moses Xorenaci. Caucasia, Fasc. 6, 2 Teil, Leipzig, стр. 10—77.

² История епископа Себеоса, стр. 15 (гл. I).

вает его на покрытый золотом и украшенный драгоценными камнями престол и выдает за него замуж свою дочь. Царь Аршак сделал его аспетом Армянской земли, т. е. начальником и повелителем, главой повелений всего царства, отцом и братом царя, дав ему власть того царства.¹

Основываясь на приведенных отрывках, Халатьянц делает заключение, что автор „Начальной истории Армении“, желая возвеличить Багрятидов, указывает на древность происхождения этого княжеского рода, восходящего будто ко времени Навуходоносора, и особо отмечает то исключительное положение, которым пользовалось это княжество якобы еще при Хайкидах и Аршакидах.

Халатьянц обращает внимание на то, что высший почет воздается Багрятидам в такую эпоху, когда нет еще и помину ни об одном княжеском роде. „Это ли, — восклицает он, — не тенденциозное произведение“.

По его же мнению, в свидетельстве Мар-Абаса у Себеоса на родство Баграта Фаразьяна с Аршаком Младшим имеется намек на преимущество перед другими княжествами право Багрятидов наследовать армянский престол после Аршакидов, к чему они действительно и стремились в поздние века и достигли своей цели в 887 г.² Время составления отрывка себеосовского Мар-Абаса следует искать, как полагает Халатьянц, в промежутке между серединой VIII и концом IX в.³

Еще определеннее высказывается о времени автора „Начальной истории Армении“ Маркварт. По его мнению, приведенные выше имена предков Багрятидов — Зарех, Багам, Шаваш и Ангех — основаны не на народных преданиях, а искусственно образованы из топографических названий Зарехаван, Багаван, Шаваршан и Англ, находившихся в древнеармянских областях Багреванде, Целкеотне и Артазе. Эта искусственная генеалогия багрятидских родоначальников, связанная с названиями мест, занятых ими в поздние века, служит, как полагает Маркварт, указанием, что „Начальная история“ Мар-Абаса не могла быть составлена ранее господства Багрятидов в Коговите. Она написана, как утверждает Маркварт, в начале IX в. в области Тарон, во дворце князей Баграта Багратуни.⁴

Мы привели подробно мнения Халатьянца и Маркварта о времени Мар-Абаса, так как их выводы находятся в полном противоречии с вышеизложенным мнением Марра, Адонца и других ученых о подлинности и древности труда Мар-Абаса.

Нужно сказать, что аргументы, выдвигаемые Халатьянцем и Марквартом в доказательство возникновения приведенной генеалогии Багра-

¹ История епископа Себеоса, стр. 9—10 (гл. II).

² Г. Халатьянц, ук. соч., стр. 97—98.

³ Там же, стр. 102.

⁴ J. M. Markwart. Die Genealogie der Bagratiden. . . , стр. 14, 18 и сл.

тидов в VII—IX вв., за отдельными исключениями, являются вполне убедительными. Однако проблема в целом ими вовсе не разрешена.

В 1913 г. вышла в Вене монография А. Матикяна „Аноним или Лжесебеос“. В этом исследовании автор очень убедительно показал, что генеалогия Багратидов отнюдь не является подлинной частью „Начальной истории“ Мар-Абаса. Это видно, как полагает он, из внимательного изучения языка и изложения этого отрывка, который к тому же почти не связан с подлинным текстом Мар-Абаса.¹ Этот отрывок, возвеличивающий Багратидов и производящий их род от Хайка, является, по мнению Матикяна, вставкой редактора труда Мар-Абаса, жившего в дни могущества и первенства этого нахарарства.²

Второй вышеприведенный отрывок, в котором упоминается Багарат Фаразян и брак его дочери с Аршаком Младшим, как нетрудно видеть, должны также считаться интерполяцией позднего времени. Рассказ этот, как полагают Халатьянц и Маркварт,³ является реминисценцией действительного события — женитьбы аршакидского царя конца IV в. Вагаршака на дочери Аспета Багратуни.

Таким образом, вышеприведенные доводы Халатьянца и Маркварта о времени отрывков Мар-Абаса у Себеоса о Багратидах, поскольку они направлены по существу против исторической достоверности самой „Начальной истории армении“, шатки и не убедительны по своим конечным выводам. Критики Мар-Абаса несомненно правы, когда дело касается интерполированной тенденциозной части „Начальной истории“ относительно Багратидов. Однако, их аргументация совершенно не состоятельна по отношению к основной части исторического труда Мар-Абаса, подлинность которого устанавливается с достаточной определенностью.

* * *

Итак, изучение спорной проблемы „Начальной истории Армении“ Мар-Абаса позволяет прийти к следующим выводам.

1. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что еще в конце IV в. н. э. философ Мар-Абас Мцурнийский, названный у Хоренского Мар-Абасом Катина (= λεπτός, *sáгах*, арм. *ušim* „сметливый“) написал „Начальную историю Армении“ на греческом языке, которая была переведена на древнеармянский язык.

2. Труд Мар-Абаса в своей существенной части представляет обрывки народных воспоминаний о прошлом своей страны.

3. Труд Мар-Абаса служил одним из основных источников как „Истории“ Себеоса, так и „Истории“ Хоренского.

¹ А. Матикян. Аноним или Лжесебеос. Вена, 1913, стр. 48—49 (на арм. яз.).

² Там же, стр. 48.

³ Г. Халатьянц, ук. соч., стр. 97—98. — J. Markwart. Die Genealogie der Bagratiden. . . , стр. 148.

4. Ни Себеос, ни тем более упоминаемый в труде Себеоса Мар-Абас не знали Хоренского и не пользовались его „Историей“, а, напротив, как правильно указывает Марр и Адонц, источником Моисея Хоренского была „История“ Себеоса.

5. Сообщения отрывков „Истории“ Себеоса о предках Багратидов являются позднейшими интерполяциями и не могут служить доказательством недостоверности самой „Начальной истории Армении“.

ИЗ ОБЛАСТИ СЕМИТСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В 30-х годах по инициативе и под руководством акад. И. Ю. Крачковского было начато систематическое изучение арабского населения Средней Азии. В результате ряда экспедиций, проведенных в 1936, 1938, 1943 и 1944 гг., советским арабистам удалось установить: 1) что среднеазиатские арабы местами сохранили свой родной язык; 2) что сохранившие свой родной язык арабы проживают в Бухарской и Кашкадарьинской областях Узбекской ССР; 3) что бухарские и кашкадарьинские арабы говорят на диалектах, резко отличающихся друг от друга; 4) что эти диалекты (бухарский и кашкадарьинский) являются самостоятельными арабскими диалектами и, вследствие особых условий бытования, сохранили много архаичных черт; 5) что наряду с родным языком среднеазиатские арабы сохранили также образцы своего самобытного народного творчества и следы очень древних обычаев. Вновь открытые арабские диалекты имеют значение не только для арабской диалектологии и истории арабского языка. Они не менее важны и для разрешения некоторых, до сих пор еще не выясненных вопросов общесемитского языкознания и особенно для сравнительной грамматики семитских языков и семитской лексикографии. В настоящей работе делается попытка при помощи собранных у среднеазиатских арабов материалов объяснить ряд древнесемитских слов и выражений, смысл которых все еще продолжает оставаться неясным.

1. 'aqrabbīm (I Regum, 12: 11, 14)

В 12-й главе Первой книги царей повествуется, что, когда израильтяне пришли в Сихем, чтобы возвести на царство сына почившего царя Соломона — Ровоама, они обратились к последнему со следующими словами: „Отец твой наложил на нас тяжкое иго; ты же облегчи ныне жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе“. Ровоам же, посоветовавшись с молодыми людьми, которые росли вместе с ним и которые окружали его, так ответил народу: „Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами (šōṭīm), а я буду

наказывать вас скорпионами ('aqrabbīm)". По преданию, это послужило поводом к распадению израильского царства.

Приведенное в тексте слово 'aqrabbīm не имеет до сих пор сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. В сирийском переводе Библии, Pēšittā, это слово передается через , в западноарамейском переводе, Targūm Jōnātān,— через , что происходит от греч. μάρτυνα' „бич“, „плеть“. Но при таком переводе, слова šōfīm и 'aqrabbīm в ответе Ровоама оказываются равнозначными.

Ефрем Сирий также переводит 'aqrabbīm через , но дает при этом следующее объяснение, которое в латинском переводе гласит: „Verberis genus est. Corium nempe intestini speciem referens, arena fartum, & aculeis armatum“.¹ Гезениус толкует это слово так: flagelli genus globulis plumbeis cum aculeis incurvis munitum, a scōrpii similitudine dictum“.² Тениус отдает предпочтение объяснению Ефрема Сирина, считая, что оно определенно указывает на „Sachkenntniss“.³

Ни Гезениус, ни другие авторы никаких оснований для своих объяснений не приводят. И совершенно прав по этому Ценпфунд, который писал в этой связи: „До сих пор еще нет ясного представления о том орудии, которым Ровоам угрожал. Объяснение — «узловатые, покрытые шипами дубинки» или рассказ Ефрема о кишкообразных, кожаных, набитых песком и снабженных острьями орудиях пытки... способствуют лишь тому, чтобы вопрос о природе того орудия окончательно запутать“.⁴

Однако и толкование, которое предлагает Ценпфунд на основании сопоставления библейского 'aqrabbīm с ассиро-вавилонским zuqaqīru, встречающимся в надписи на одной печати,— „плеть с крючками на конце“,⁵ не является убедительным, так как абсолютно нет никаких данных о том, что в библейский период применялось подобное орудие для наказания.

Думаю, что мне удалось увидеть у арабов кишлака Джейнау Бешкентского района Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР во время пребывания у них в 1943 г. тот самый предмет, который следует подразумевать под библейским 'aqrab в приведенном выше тексте. Это — деталь недоуздки для верблюда, служащая для посылы животного и носящая название „'aqrab“.⁶

¹ Ephraem Syri Opera omnia. Romae, I, 1737, стр. 471.

² W. Gesenius. Thesaurus philologicus criticus linguae hebraeae et chaldaeae. Lipsiae, II, 1840, стр. 1062.

³ O. Thénius. Die Bücher der Könige. Leipzig, 1849, стр. 180.

⁴ R. Zehnпfund. Zuqaqīru, das Schröpfinstrument der Babylonier. Beitr. zur Assyriol., IV, 1902, стр. 222.

⁵ Там же. См. также: W. Gesenius — F. Buhl. Handwörterbuch über das Alte Testament. Leipzig, 17 Aufl., 1921, s. v.: „Geisseln mit Widerhaken“.

⁶ Любопытно отметить, что для обозначения скорпиона кашкадарьинские арабы употребляют другое слово — 'agīrba (ср. сир.).

Сами арабы говорят об этой детали недоуздка так:

‘aqrab i_núhtat ib‘ir ja‘abrūna.
fi_hálagat ‘aqrab hábil jšiddūn.
il_hábil jğirrūna, ‘aqrab júlduğ,
‘ógub ib‘ir jisir. lájkun, kisir má_
jisir.

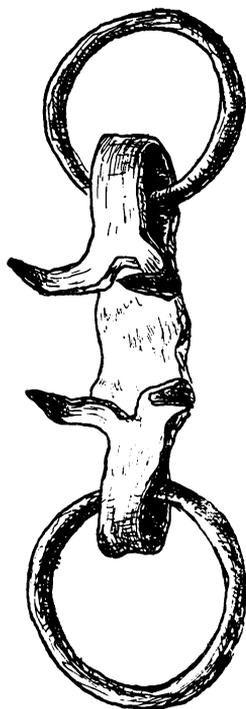
‘aqrab в недоуздок верблюда вдевают. К одному из колец ‘aqrab веревку привязывают. За веревку потянут, ‘aqrab впивается (в тело) — верблюд идет. Без ‘aqrab верблюд долго итти не будет.

Такую же деталь имеет недоуздок для верблюда и у бедуинов gwala в северной Аравии; у них она тоже носит такое же название — aźāreb.¹

В пользу моего предположения могут быть приведены некоторые, как мне кажется, очень веские доказательства.

Приходится удивляться тому, что ученые, пытавшиеся истолковать значение ‘aqrabbīm в приведенном тексте, оставили совершенно без внимания то слово, которому ‘aqrabbīm противопоставляется, а именно šōṭīm — „бичи“. Никто из них, повидимому, не сомневался в том, что бич (šōṭ) являлся орудием для наказания людей. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит далеко не так. Слово šōṭ встречается в Библии 11 раз. В пяти местах (Jes., 10, 26; 28: 15, 18; Job, 5, 21; 9, 23) оно употреблено метафорически. Четыре раза оно встречается в нашем тексте (I Regum, 12: 11, 14; II Chron., 10: 11, 14). Остальные два места следующие: Prov., 26, 3: „Бич (šōṭ) для коня, узда для осла и палка для спины безумных“; Nahum, 3,2: „(Только и слышишь) хлопанье бича (šōṭ) и стук колес; ржет конь и колесница скачет“. Таким образом мы видим, что там, где слово šōṭ употреблено в своем основном смысле, оно обозначает не орудие для наказания людей, а орудие для посылы животных.²

Но если šōṭ не является орудием для наказания людей, то совершенно естественно, что и ‘aqrab таковым не может являться.

‘aqrab (ок. 2/3 натур. вел.).

¹ Alois Musil. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. New York, 1928, стр. 354, рисунок на стр. 356. Мусил только ничего не говорит о назначении этой детали. См. также: G. Dalman. Arbeit und Sitte in Palästina. Gütersloh. VI, 1939, стр. 376. Последней ссылкой я обязан акад. И. Ю. Крачковскому.

² Когда речь идет о наказании людей, в Библии обычно употребляется слово šēbet (Prov., 10, 13; 13, 24; 22, 8; 26, 3; Job, 9, 34; 21, 9; Threni, 3, 1; Jes., 10, 5; Ps., 2, 9; II Sam., 7, 14), реже — слово matte (Jes., 9, 3; 10: 5, 24).

Далее, и в первой половине стиха („отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше“) употреблено слово 'ōl, которое собственно означает „ярмо — согнутый ствол дерева, который прикрепляется к дышлу и накладывается на шею животных для их запряжки“.¹

Наконец, в Мишне (памятнике, который был закончен составлением во II в. н. э.) сохранилось слово 'aqrab, как я полагаю, в том же значении, что и у современных арабов.

В трактате Kelim 11, 5 встречается выражение: 'aqrab šel rēgūmbējā. Значение слова rēgūmbējā ясно. Это — греч. φορβεία, что значит „недоуздок“. 'aqrab, таким образом, может здесь означать не что иное, как деталь недоуздки. Но какая именно деталь и каково ее назначение? Леви переводит 'aqrab как „изогнутое железо, имеющее форму скорпиона“, а все выражение: „скорпион (σχορπιονειδής) недоуздка (φορβεία) рабочего скота“.² Ястров дает перевод „удила“.³ Дальман переводит: „часть уздечки у лошади“.⁴ Совершенно очевидно, что и Леви, и Ястров, и Дальман переводят здесь 'aqrab только по смыслу, без каких-либо оснований. Трудно допустить, чтобы животному в рот в качестве удила вкладывалось „изогнутое железо, имеющее форму скорпиона“, как это утверждают чисто умозрительно комментаторы (Обадия ди Бертиноро, Маймонид и др.) и лексикографы. Вероятнее всего, что 'aqrab помещали на щеках животного, чтобы, вонзая его при дерганьи а повод в тело, понуждать животное к более быстрому ходу, точно так же, как это делают и по сей день арабы.

Тот, кто видел покрытые ранами и окровавленные из-за применения 'aqrab щеки верблюда и слышал его рев, когда при дерганьи за повод 'aqrab вонзается ему в тело, легко может себе представить то впечатление, которое должна была произвести на израильтян угроза Ровоама.

2. minḥat pittim (Leviticus, 6, 14)

„Мучная жертва“, которую должны были приносить священники, названа в книге Левита (6, 14) minḥat pittim, что означает „приношение мелких кусков“. Повидимому, сдобная лепешка, которую священники приносили в жертву, прежде чем быть сожженной, разламывалась на мелкие куски (см. также там же 2, 6).

Мне кажется, что обычаи арабов Кашка-Дарьинской области подсказывают, где именно надо искать ключ к пониманию приведенной здесь одной из не выясненных до сих пор деталей ритуала жертвопри-

¹ W. Gesenius — F. Buhl. Handwörterbuch, s. v.

² J. Levy. Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch, s. v. ברב.

³ M. Jastrow. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature, s. v.

⁴ G. Dalman. Aramäisch-neuhebräisches Wörterbuch, 2 Aufl., 1922, s. v.

ношения у древних евреев. У кашкадарьинских арабов существует обычай, носящий название *hádiija*.¹

Сущность этого обычая заключается в следующем:

ādami kasal agar_jiṣṣōr—jō mórta, jō bīnta, jō úmma hádiija issíwi. fat húbuz, jō isnēn húbuz i_mazōr itwúdda. i_fug_astána čirōg iššá“ el. zijōra issíwi. rōsa túzruba fi_astána. min_ḥawóli salas_nūb titfárr, ṭawōf issíwi. ‘ógub húbuz i_fug_astána gilil-gilil tiksira, i_adamijāt tiḥṭi. i_mínⁱⁿ giddām agar_jiṭla’—tiḥṭi.

Когда человек заболит, то либо его жена, либо его дочь, либо его мать приношение делает. Одну или две лепешки на кладбище относит. На могиле святого светильник зажигает. Руками могилы касается, по лицу проводит. Головой о могилу ударяется. Три раза вокруг могилы ходит, обход совершает. Потом она лепешку на могиле на мелкие куски разламывает, людям раздает: тому, кто встретится, отдает.²

„Мучная жертва“, которую арабская женщина приносила на могиле святого, когда несчастье постигало ее семью, с полным правом могла бы быть названа по библейской терминологии *minḥat pittim* — „приношение мелких кусков“. Но в данном случае смысл разламывания лепешки на мелкие куски представляется совершенно ясным. Арабская женщина воспроизводит у могилы святого обычный при угощении ритуал. Согласно существующему у арабов, равно как и у других народов Востока, обычаю, глава семьи, когда гости или члены семьи усаживаются у скатерти (*dastarḥōn*), берет одну, две или более лепешек (в зависимости от количества людей), разламывает на мелкие куски, которые раскладывает на скатерти перед присутствующими. Не принято, чтобы гость или член семьи сам отламывал себе кусок лепешки. Такой же обычай, повидимому, существовал и у древних евреев. Об этом свидетельствует встречающееся в Библии, когда речь идет об угощении гостей, выражение *pat leḥem* „кусочек лепешки“ (см.: Gen., 18, 5; Jud., 19, 5; I Sam., 28, 22; I Regum, 17, 11).

Первоначально, как можно судить по рассказам стариков, в тех случаях, когда семью или общину постигало несчастье, на могиле того или иного святого устраивалось угощение; лепешки разламывались

¹ Любопытно, что арабск. *hádiija* (в классическ. арабск. هدية) „дар“, „дароприношение“, „жертва“ и евр. *minḥa* „дар“, „дароприношение“, „жертва“, „мучное приношение“— слова, этимологически равнозначные: как арабск. *hadija* происходит от глагола *هدى* „вести“, так и евр. *minḥa* происходит от глагола *נחם* „вести“ (см.: F. Perles. *Analekten zur Textkritik des Alten Testaments*. München, 1895, стр. 78).

² Подобный обычай засвидетельствован также и у народов, среди которых арабы живут.

на куски и поедались присутствующими, и лишь несколько кусков оставались на могиле. Впоследствии, когда угощения на могиле перестали устраиваться, лепешки все же разламывали на могиле на куски, которые затем раздавали первым встречным.

3. **rēah niḥōaḥ lējahwe** (Exodus, 29: 18, 25, 41; Leviticus, passim; Numeri, passim)

При описании ритуала жертвоприношения в Библии 37 раз встречается в разных комбинациях выражение **rēaḥ niḥōaḥ lējahwe** „запах, приятный господу“. Так, например, в книге Чисел, 28, 1—2: „И сказал господь Моисею, говоря: Поведи сынам Израилевым и скажи им: наблюдайте, чтобы приношение мое, хлеб мой, в огненную жертву мне, в приятный запах мне, приносить мне в свое время“.¹

В трех случаях это выражение встречается по отношению к идолам: Ez., 6, 13; 16, 19; 20, 28.

Для более полного выяснения отразившейся в приведенном выражении анимистической психологии, можно указать на существующий у кашкадарьинских арабов поминальный обычай, который носит у них название **rīḥa** (букв. „запах“).

ādami agar_jimūt — lējltⁱⁿ ḡúm'a
i_zōka rīḥa jisuwūn: izlēbi fi_dīhin
jīṭpuḥūn, i_morajāt jiḥṭūna. hamēk
isnēn ḡúm'a jisuwūn, 'ógub lējltⁱⁿ id
ramazōn rīḥa jisuwūn, lējltⁱⁿ id qur-
bōn jisuwūn. (rūḥ fi_kūl lējltⁱⁿ ḡúm'a
tīḡi. áuwal fug_gáber tīḡi, 'ógub
fi_béjta tīḡi, tō dah saná hamēk
tīḡi. min_dáh saná 'ógub, i_kūl fat
saná nubtējn tīḡi: lējltⁱⁿ id ramazōn,
lējltⁱⁿ id qurbōn).

Когда человек умирает — в ночь с четверга на пятницу ему делают „запах“: слоеные лепешки в масле жарят, женщин угощают. Так делают в течение двух недель. Затем в ночь праздника разговения „запах“ делают, в ночь праздника жертвоприношений делают. (Душа в ночь на пятницу приходит. Сперва она на могилу приходит, затем к себе домой приходит. Так она в течение десяти лет приходит. После десяти лет она ежегодно приходит два раза: в ночь праздника разговения, в ночь праздника жертвоприношений).

Любопытно отметить, что арабское выражение **i_zōka rīḥa jisuwūn** „ему (т. е. покойнику) делают запах“ почти дословно совпадает с библейским выражением: **la'āsōt rēaḥ niḥōaḥ lējahwe** „чтобы сделать приятный запах господу“ (Numeri, 15, 3).

¹ См.: Gen., 8, 11; Levit., 26, 31; I Sam., 26, 19; Amos, 5, 19; Ez., 20, 41.

4. ḥāmōr leḥem (I Samuelis, 16,20)

Предложенное некоторыми учеными вместо ḥāmōr „осел“ в необычной конструкции ḥāmōr leḥem (I Sam., 16,20) чтение ʿāšārā „десять“¹ легко может быть опровергнуто еще и фактами, взятыми из диалектов среднеазиатских арабов. Так, кашкадарьинские арабы прямо говорят: iḥmōr ḥúbuz, что значит „вьюк хлеба на осла“, т. е. наполненная лепешками переметная сума (ḥurġ), накинутая на осла, а арабы Бухарской области говорят: iḥmōr ḥátab, что значит „вьюк дров на осла“, т. е. количество дров, которое обычно погружают на осла.

Выражение ḥāmōr leḥem поэтому лучше переводить „вьюк хлеба на осла“, а не „осел, навьюченный хлебом“.

5. ʿereṣ ġəzēra (Leviticus, 16, 22)

В качестве параллели к встречающемуся один раз в Библии выражению ʿereṣ ġəzēra (кн. Левита, 16, 22), вместо приводимого обычно не вполне соответствующего арабского выражения أرض جرز, можно было бы привести встречающееся в обоих диалектах среднеазиатских арабов (бухарском и кашкадарьинском) слово ġazīga. Словом ġazīga среднеазиатские арабы обозначают „безводную степь“, „пустыню“. Кашкадарьинские арабы так поясняли это слово: čulⁱⁿ ibʿid, čulⁱⁿ kibīr, mīja māmin, šīġar māmin, ġáttīš māmin „далекая степь, большая степь; воды нет, травы нет — ничего нет“. Такое же значение между прочим имеет ġazīga и в иракском диалекте.²

6. Арабск. zahr

Арабские лексикографы приводят под словом zahr „спина“ некоторые выражения, кажущиеся на первый взгляд лишеными смысла.

Так: قُلَانٌ مِنْ وَدِّ الطَّهْرِ „такой-то из числа потомков со стороны спины“

или هُوَ ابْنُ عَمِّهِ ظَهْرًا „он его кузен (собственно „сын брата его отца“)

со стороны спины“. Толкования, которые даются этим выражениям, касаются лишь их значения и вовсе не затрагивают вопроса об их происхождении и сути. Так, например, автор знаменитого словаря Тадж ал-ʿarūs пишет (VI, 199), что первое выражение относится к человеку, степень родства которого не почитается, а вторым выражением обозначается кузен, находящийся в далеком родстве, и т. д. Но совершенно

¹ См., например: S. R. Driver. Notes on the Hebrew Text of the Books of Samuel. Oxford, 1890; W. Gesenius—E. Kautzsch. Hebräische Grammatik. Leipzig, 27 Aufl., 1902, стр. 423; W. Gesenius—F. Buhl. Handwörterbuch, s. v. חָמוֹר.

² См.: B. Meissner. Neuarabische Geschichten aus dem Iraq. Beitr. zur Assyriol. und semit. Sprachwissensch., V, 1, 1903, стр. 116: „ġezīre Wüste“.

неясным остается вопрос, о каком именно родстве здесь идет речь. Непонятно также, откуда взялся термин „со стороны спины“.

Фольклор среднеазиатских арабов позволяет нам выяснить истинный смысл приведенных выше древних выражений. Арабы Средней Азии сохраняют еще воспоминание о существовавшем некогда у арабов, как и у других народов на соответствующей стадии общественного развития, глубокого различия между родством со стороны отца и родством со стороны матери. Они говорят:

min_awlód abū awlód umm qarib.
min_‘ámm hól qarib.

hól fi_ród sábe’ abū kej_mé‘bir
kej_mihtasab; mart hól umm kej_
tihtasab; hólü ki_mót agár ijohída,
dinjetənu tihtaraq.

fat hól i_gó‘at haft abū; mort hól
i_gó‘at umm kejná; ‘ámmi māt, mórta
ohúsa: hólü māt, mórta ana_máqdir
ohúsa.

‘ámm min_zohr mişör, hól min_bátn
mişör. ‘ámm min_‘álam zohr, hól
min_‘álam baṭn.

‘ámmi — zóhar, hólü — bóṭen.

Родственники матери ближе,
чем родственники отца. Брат мате-
ри ближе, чем брат отца.

(Бухарская обл.).

Дядя с материнской стороны стóит
семи отцов; жена дяди с материн-
ской стороны считается матерью;
если кто женится на вдове брата
матери, он оба мира потеряет.

(Бухарская обл.).

Один дядя с материнской стороны
значит то же, что семь отцов;
жена дяди с материнской стороны
то же, что мать; когда умрет мой
дядя с отцовской стороны, я на его
жене могу жениться; когда умрет
мой дядя с материнской стороны,
я на его жене жениться не могу.

(Кашка-Дарьинская обл.).

Брат отца — из спины, брат мате-
ри — из живота. Брат отца — род-
ственник со стороны спины, брат
матери — родственник со стороны
живота.

(Бухарская обл.).

Брат моего отца — спина, брат
‘моей матери — живот.

(Кашка-Дарьинская обл.).

Такой взгляд на родство находится в тесной связи с господствовав-
шей в древности у арабов материнской системой организации общества.¹

¹ См. об этом: G. A. Wilken. Das Matriarchat bei den alten Arabern. Leipzig, 1884; W. Robertson Smith. Kinship and Marriage in Early Arabia. Cambridge, 1885; J. Wellhausen. Die Ehe bei den Arabern. Nachr. v. der kön. Gesellsch. der Wissenschaft. zu Göttingen, 1893; L. Caetani. Studi di Storia Orientale. Milano, III, 1914; см. также нашу работу „Арабы в СССР“ (Сов. этнография, IV, 1940, стр. 18 и сл.).

Этим и объясняется предпочтение, которое отдавалось материнскому родству — „родству со стороны живота“, и пренебрежительное отношение к родству по линии отца, которое в противовес называлось „родством со стороны спины“.

7. Ассиро-вавилонск. *ḥadašatu*

В ассиро-вавилонском языке для обозначения невесты, помимо обычного *kallātu*, в поэтических текстах иногда еще встречается и слово *ḥadašatu*. Это слово до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Иенсен сопоставляет *ḥadašatu* со встречающимся в Библии один раз собственным именем *Hādassā*: „И был он (т. е. Мардахай) воспитателем Хадассы, она же Эсфирь, дочери дяди его; так как не было у ней ни отца, ни матери“ (*Esther*, 2, 7). Он пишет: „Если в др.-еврейском и арамейском слово *ḥādas* значит мирта, а *ḥādassā* называлась девица Эсфирь — два слова, которые уже давно связывают друг с другом, если, далее, мирта на Востоке (а теперь и на Западе) является символом невесты, то нельзя не признать в слове *ḥadašatu* — невеста мн. число от предположительного *ḥadāšu* — мирта“.¹

Объяснение Иенсена приняли и некоторые другие ассириологи.² Искусственность этого объяснения совершенно очевидна.

Более правильно подошел к объяснению этого слова Перлес. Он писал: „Выражение *kī jiqqaḥ 'iš 'iššā ḥadaša* (*Deut.*, 24, 5) может, вероятно, служить для объяснения встречающегося в поэзии слова для невесты — *ḥadašatu*. (Любопытную параллель представляет испанское *novio* — жених, от *novus*). Вообще др.-еврейскому *שׁוּתָן* соответствует в вавилонском корень *edēšu*, но не исключена возможность существования старой дифференциации. Возможно также, что *ḥadašatu* является древним хананейским заимствованием“.³

Мне кажется, что сделанные нами наблюдения у кашкадарьинских арабов позволяют объяснить слово *ḥadašatu* более удовлетворительным образом. Когда у арабов кишлака Джейнау или Камаша Бешкентского района Кашка-Дарьинской области девушка выйдет замуж, родственники, как и соплеменники вообще, называют ее *ḥadasa*, букв. „новая“. Это название сохраняется за ней до первых родов. Только после того, как у нее родится ребенок, родственники начинают называть ее обычным для невесты термином *kanna*. Сами арабы об этом говорят так: *bint i-zūg ki-anṭūha, ḥadasa jigulūnha; tō tild* „когда девицу выдают

¹ P. Jensen. *Elamitische Eigennamen*. Wiener Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes, VI, 1892, стр. 211.

² См., например: H. Gunkel. *Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit*. Göttingen, 1895, стр. 311; W. Muss-Arnolt. *Assyrisch-englisch-deutsches Handwörterbuch*. Berlin, 1905, s. v.

³ F. Perles. *Babylonisch-biblische Glossen*. *Orientalistische Literaturzeitung*, 8, 1905, стр. 127.

замуж, ее молодежи (букв. „новой“) называют; до тех пор, пока не родит (ее так называют)“. Термин *ḥādasa*, по всей вероятности, стоит в связи с господствовавшей у арабов в прежнее время полигинической практикой. Повидимому, этим термином первоначально называли только новую жену, а уже впоследствии, когда с оставлением полигинии было утрачено социальное значение термина, им стали называть жену или невесту вообще. Такого же происхождения, полагаю я, и ассиро-вавилонский термин *ḥadašatu*, независимо от того, возник ли он на ассиро-вавилонской почве или же заимствован. Такого же, повидимому, происхождения и выражения *kallā ḥādāšā* („и он обрадовался им словно новой невесте“, *Mo'ed qatan*, 25^b), а также невыясненного до сих пор выражения *kī jiqqaḥ 'is 'iššā ḥādāšā* „если кто возьмет новую жену“ (*Deuteronomium*, 24, 5). Сюда же относится и сирийское **ܟܠܘܬܐ** „невеста“ (букв. „новая“) и мандейское **ܟܠܘܬܐ** „невеста“ (букв. „новая“).¹

¹ См.: Th. Nöldcke. *Mandäische Grammatik*. Halle, 1875, стр. 119.

ИСТОРИЯ МАР ЯБАЛАХИ И САУМЫ

В 1888 г. Беджаном был впервые издан сирийский текст „Истории мар Ябалахи и Саумы“, неизвестный до того и не имеющий параллелей на других языках.¹ В 1895 г. с этого издания был сделан перевод на французский язык Шабо, который снабдил его примечаниями.² В том же году Беджан переиздал этот памятник в значительно исправленном виде, с более верными чтениями отдельных слов, с подстрочными замечаниями.³ С этого текста нами сделан полный русский перевод памятника, который еще не опубликован.

Неполный английский перевод „Истории мар Ябалахи и Саумы“ был издан Монтгомери.⁴ Полный английский перевод принадлежит известному английскому востоковеду Бёджу, снабдившему свое издание обширной вводной статьей и иллюстрациями.⁵

„Хождение“ XIII в. на сирийском языке представляет большой интерес. Оно сообщает сведения, не известные из других источников о времени монгольского господства на Ближнем Востоке, так как хронологически история охватывает время от 1245 до 1317 г.

Два монаха прошли длинный путь через всю Азию из Пекина, чтобы достигнуть Междуречья, а целью их было посетить Иерусалим. Описание их путешествия дает представление о том, с какими трудностями они встретились в пути, какие города были основными пунктами их итинерария, в каком состоянии были дороги, каким образом приходилось улаживаться с монгольскими владыками, чтобы пройти через многочисленные области и провинции, захваченные ими.

Пекин, „столица земли восточной“, был назван монголами Хан-балык, под этим названием он и упоминается в нашем памятнике. В Хан-балыке

¹ Histoire de Mar Jabalaha patriarche et de Rabban Çauma. Paris, 1888, 185 стр.

² Histoire de Mar Jabalaha III... et du moine Rabban Cauma, traduit du syriaque et annotée par J. B. Chabot. Paris, 1895, 278 + 8 стр.

³ Histoire de mar Jabalaha et de trois autres patriarches... (textes syriaques), ed. P. Bedjan. Paris, 1895, стр. 1—205. (В дальнейшем даны страницы по этому изданию сирийского текста).

⁴ J. A. Montgomery. History of Yaballaha III. New York, 1927, стр. 3—99.

⁵ E. A. Wallis Budge. The monks of Kublai khan emperor of China. London, 1928, стр. I—XIII, 1—335.

жил один христианский клирик, несторианин, по имени Шебан, в семье которого родился сын, названный Саумой. Он получил образование, так как его „поручили достойному учителю“, он „усердно обучался церковным наукам“, стал монахом. Затем он ушел из города и поселился на расстоянии „пути одного дня“ в пещере, около которой был источник воды. Через некоторое время к нему присоединился юноша, по имени Маркос, сын архидиакона Баниеля из „города Кошанга восточной земли“.

Несколько лет спустя (в 1278 г.) у них явилось желание отправиться в Иерусалим. Старший из них, раббан Саума, стал было уговаривать Маркоса отказаться от этого намерения, он „пугал его тягостями пути, утомлением передвижения, страхом дорог, опасностями чужбины“, но Маркос „возгорелся идти“ и не отступал. Они обоюдно дали обещание не покидать друг друга, „не отдаляться от товарища и даже принять за него все тягости“. Затем они „поднялись“, роздали свое имущество и направились в Хан-балык, где хотели „найти спутников в дорогу и запастись пищей“. Здесь их стали уговаривать не пускаться в опасный путь, но они оставались твердыми в своем намерении. Отсюда они отправились в Кошанг.

В Кошанге в то время правили „зятья царя царей — хана, Конбоха и Ифоха“, которые пожелали видеть собиравшихся на запад монахов. Некоторые подробности представляют большой интерес; так, Конбоха и Ифоха жили, очевидно, не в городе, а в условиях привычной для них кочевой жизни, в палатках, „в лагере“ — *кблхлз*. В обращении к монахам ханы говорили, что „стремятся привлечь с запада монахов и отцов“ к себе, „в эту сторону, и не хотят допустить, чтобы они ушли“. Путешественники настаивали на своем отъезде, тогда монгольские правители отпустили их, дав в дорогу вьючных животных, золото, серебро и одежду. Но те ответили: „Нам ничего не нужно. Что мы будем делать с имуществом? Как можем мы вести такую тяжесть?“ (стр. 16—17). Цари ответили им: „Вы не знаете длины этого пути и расходов, которых он требует, а мы знаем и советуем вам не ехать пустыми (т. е. ни с чем), потому что вы не сможете достигнуть наменченного (стр. 17). Взяв подарки, они двинулись, и следующей остановкой на их пути был Тангут, т. е. государство Сися в Центральной Монголии. Биограф считал нужным оправдать то, что монахи взяли с собой богатое имущество.

Уже приведенные выше сообщения сирийского памятника говорят о том, что несторианство завоевало достаточно прочные позиции в Китае к XIII в. Это явилось следствием длительных торговых сношений сирийцев с Дальним Востоком и наличия их колоний не только в городах Средней Азии, как в Мерве, на берегах Иссык-Куля, но и на Малабарском побережье Индии, в оазисах „шелковой дороги“ и, наконец, в Пекине и Кошанге. Во многих случаях сирийский язык этого

пришлого населения уступал местному языку, который становился их языком. В частности, Маркос Ябалаха изъяснялся на монгольском языке и плохо знал, или совсем не знал, сирийский; что касается Саумы, то он знал оба языка. Примером смешения языков являются сиро-тюркские надгробные надписи из Семиречья, открытые и изученные нашими отечественными исследователями Д. А. Хвольсоном и акад. П. К. Коковцовым.

Известно, что принадлежавший к Тангутской области город Хара-Хото, занесенный песками, скрывал немало разноязычных рукописей. В числе его сокровищ находились и три фрагмента, два из которых написаны на сирийском языке, а третий является единственным известным фрагментом сиро-тюркской рукописи. Текст этой уникальной рукописи опубликован нами с подробным описанием, чтением и переводом.¹ Найденные в Хара-Хото рукописи указывают на то, что в этом городе была, очевидно, большая несторианская колония. „Вера тангутов горяча и чист их помысел“, — сообщает источник, и когда сюда прибыли монахи Саума и Маркос, то навстречу им вышли „мужчины и женщины, молодые и отроки, юноши и дети“ (стр. 18).

Таким образом, результаты раскопок и сообщение сирийского памятника XIII в. подтверждают друг друга и создают впечатление о значительном распространении несторианства и сирийской письменности на Дальнем Востоке.

Получив подарки и напутствия, путешественники отправились дальше. Перед ними лежал тяжелейший путь через пустыню на Лотан, или Лолан. Его можно было пройти лишь в течение двух месяцев, „с утомлением и тягостью, потому что это необитаемая пустыня и она лишена обитателей, так как воды ее горькие и ничего в ней не произрастает. На всем пути трудно и через восемь дней найти в ней сладкую (т. е. пресную) воду, чтобы взять в дорогу“ (стр. 18).

Шабо предложил читать не Лотан или Лолан, а Хотан, к которому путь пролегал по огромным пустынным областям.² Между тем в это время имела место жестокая вражда между Хубилай-ханом и царем Охо. Последний, вторгнувшись в эти области, уничтожил тысячи людей, перерезал дороги и пути, так что не было возможности найти зерна и многие умерли от голода. Это один из примеров того, каким жестоким бедствием были постоянные междоусобия и к каким тяжелым результатам приводило прекращение нормального движения по дорогам. Путешественникам только через 6 месяцев с большими трудностями удалось достигнуть Кашгара. Но они нашли его опустошенным и разграбленным врагами, а население бежавшим. И на этот раз они избежали плена и ограбления разбойниками.

¹ Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 243—251.

² J. V. Chabot, ук. соч., стр. 22, прим. 1.

Следующим этапом путешествия Саумы и Маркоса был Талас, где они посетили царя Кайдю, внука Чингис-хана и сына Огатая. „Они попросили у него приказа, чтобы в его стране никто им не вредил“. Такая охранная грамота была им очевидно дана и все же с большими трудностями в „сопровождении страха“ они, наконец, достигли Хорасана (19). В дороге они потеряли значительную часть своего имущества, „множество из того, что было с ними, пропало в дороге“, пишет автор „Истории“. На отдых Саума и Маркос остановились в монастыре близ Туса, городе, памятном тем, что в нем родился (около 940 г.) и умер (около 1020 г.) великий поэт—творец Шах-намэ. Родной город Фирдауси был столицей Хорасана. В его окрестностях находился монастырь мар Сехиона, в котором расположились путешественники, где они почувствовали себя в безопасности и, когда отдохнули, то стали считать, что „они наново родились в мир“ (стр. 20). „Насладившись общением с братьей“ этого монастыря и, конечно, покоем и отдыхом, путешественники двинулись дальше. Они направились в Адорбайган (Азербайджан), чтобы оттуда пройти в Багдад, к каталикосу мар Денхе, т. е. к главе несториан. Но Денха в это время прибыл в Марагу, где они и встретились. Каталикос занимал видное положение в государстве монголов, представлял своих единоверцев перед ханом и стремился облегчить их положение, хотя неоднократно делался объектом клеветы и интриг и сам попадал в заточение. Положение каталикосов было аналогично положению русских митрополитов в их сношениях с Золотой Ордой, где они предстательствовали за Русь. Марага, город находящийся в Азербайджане, был столицей Хулагу-хана, которым здесь была построена обсерватория для знаменитого астронома Наср ад-Дина.¹

После того как пришельцы приветствовали Денху, он спросил их: „Откуда вы?“ Они ответили, что пришли „из земель восточных, из Хан-балыка, города царя царей, хана“ для того, чтобы отправиться в Иерусалим, и просили, чтобы он им в этом помог. Денха поразился их длинному и тяжкому пути и обещал им, что они „достигнут своей надежды“ и вместо горестей и притеснений получат воздаяние. После чего они остались в течение нескольких дней с ним.

Затем они обратились к нему с просьбой: „Если мы нашли благоволение в глазах нашего мар-отца, пусть разрешит он нам пойти в Багдад... а оттуда мы пойдем в монастыри области Бет Гармай и в Нисябин“. Это путешествие на юго-запад, в направлении к Иерусалиму, который оставался целью их хождения, было длительным и утомительным. Мар Денха „написал им пропуск для этих земель, чтобы куда они ни придут, их почитали. Он послал с ними мужа, чтобы он показывал им дорогу и направил в пути“ (стр. 23). Охранная гра-

¹ J. V. Chabot, ук. соч., стр. 27, прим. 3.

мота была, очевидно, необходима, и путешественники достигли Багдада в сопровождении провожатого, данного им каталикосом.

Затем путешественники посетили старый центр Селевкию-Ктесифон, а оттуда отправились в область Бет Гармай, а затем — по городам, посетив Арбел, Моссул, Синджар (Шигару), Нишибин и Мардин. Все эти города связаны с историей несторианства и были центрами, в которых жили его многочисленные представители. Эти города были также ремесленными и торговыми, в них сирозычное население и являлось наиболее зажиточным, активным, поддерживавшим торговые связи с отдаленными пунктами на востоке и западе, где они имели свои фактории.

В области Бет Забдай, или Забдицены, они посетили Газарту, или Джезире ибн Омар, но затем вернулись в монастырь мар Михаила Таривальского близ Арбела. Здесь они купили себе келию, в которой и поселились, так как монастырь состоял из отдельных келий и не был общежительным монастырем.

Между тем каталикос Денха, узнав об этом, вызвал их к себе. Чрезвычайно интересно и характерно то, что он им сказал: „Мы слышали, что вы приняты в монастырь, и это нам не нравится, потому что, если вы поселились в обители, вы достигнете мира для самих себя и все. Если же вы будете с нами, вы послужите на пользу и общему миру. Итак, оставайтесь у нас и при царском дворе и помогите (нам) достигнуть чего-нибудь через вас“ (стр. 24). Положение на Ближнем Востоке после монгольского завоевания и под игом чингисидов было, конечно, тяжелым. Пришедшие с Дальнего Востока отцы были хорошо знакомы с обычаями и нравами монгольских владык и знали их язык, так как, по свидетельству Барэбрея, они были уйгурами.¹ Денха по-прежнему справедливо полагал, что они могут оказать ему услуги, переговорить с ханом, выхлопотать ему ярлык, причем это принесло бы пользу общему делу, а главным образом уладило бы мирную жизнь измученного населения. В ответ на обращение Денхи Саума и Маркос сказали: „... что бы ты ни приказал нам, отец наш, мы сделаем“. Каталикос просил их пойти к хану Абаге и „взять“ для него „приказы“ — *ruqdan*, т. е. соответствующие грамоты или ярлыки. Путешественники пообещали ему это, но с условием, чтобы с ними был послан человек, который „взял бы приказ и привез его вам, а мы оттуда отправимся в Иерусалим“ (стр. 25).

Абага-хан, сын Хулагу-хана, наследовал ему в 1265 г. Из того, что сообщает „История Ябалахи и Саумы“ очевидно, что его ставка находилась в это время где-то в отдалении от Мараги, куда, повидимому, призвал Денха монахов, так как они не захотели даже делать обратного

¹ Barhebraeus. *Chronicon ecclesiasticum*, ed. Abbelos et Lami. Parisiis, Lovanii, 1877, т. 3, столб. 441. — J. В. Chabot, ук. соч., стр. 11, прим. 5.

пути, а решили сразу ехать дальше. „Когда они прибыли в лагерь“, то эмиры провели их к хану. Сирийское *mešrita* — это „лагерь“, „временное местопребывание“, „кочевая или полукочевая стоянка“.

Абага-хан принял Сауму и Маркоса, спросил их о том, чего они желают, и, узнав, „приказал знатным своего государства исполнить их просьбу и дать им приказы, как они просили. Приказ же, что просил мар-каталикос, ему послали с посланцем, а они (т. е. Саума и Маркос) с товарищами отправились в Иерусалим“ (25). Однако это желание осталось неисполненным. Дорога, которой они предполагали двинуться, лежала через Ани, где путешественники были поражены „множеством строений и их красотой“. Чтобы следовать затем „верной дорогой“, они направились в Гургайе (Гурзан). Шабо предположил, что это была дорога в Грузию, откуда наши путешественники имели намерение отправиться дальше на кораблях.¹

Но нам представляется положение несколько иным. По тексту ясно, что речь идет о сухопутной дороге: „Но когда они прибыли туда, они узнали от местных жителей, что та дорога (т. е. та, о которой они говорили как о „верной дороге“) перерезана (= прервана) из-за убийств и грабежей, которые там случились“ (стр. 26). Так могло быть сказано только о сухопутной дороге. Речь шла, очевидно, о знакомом и принятом пути в Сирию и Палестину из этих мест, нарушенном вследствие монгольских завоеваний. Данные нашего источника превосходно показывают, насколько неправдоподобна и ложна точка зрения некоторых исследователей, будто при монголах было создано сравнительное благополучие и дороги были, так сказать, в руках одних и тех же господ. Наоборот, нашествие монголов было великим бедствием для Ближнего Востока, оно расстроило всю экономику, безжалостно растоптало поля и виноградники, разрушило производительные силы. В том числе было нарушено движение по тем дорогам, которые оказались в руках разбойников и грабителей, и обычный путь и обмен был нарушен.

Саума и Маркос были вынуждены вернуться. Они пришли к тому же каталикосу, который им сказал, радуясь их возвращению: „Не время теперь идти в Иерусалим, ибо дороги нарушены и пути отрезаны“ (стр. 26). Таким образом, здесь, как и в дальнейшем, нет данных, будто бы отцы смогли достичь самого Иерусалима. Между тем арабское сокращенное жизнеописание говорит иное.

В изложении Амра и Слибы говорится, что оба добрались до Иерусалима и там искупались в водах Иордана и поклонились всем святыням „великого города“.² Дефектна ли сирийская „История“, или арабский

¹ J. V. Chabot, ук. соч., стр. 34, прим. 2.

² Liber Turris Maris, Amrae et Slibae, de patriarchis Nestorianorum commentaria ed. Gismondi. Roma, 1896, 1897, стр. 71.

составитель прибавил от себя эти подробности, сказать трудно, но они отсутствуют в сирийском тексте и поэтому не создается уверенности в правдивости этих сведений.

Мар Денха намеревался по-своему решить судьбу двух пришельцев. Он решил дать им высокие чины, сделав одного митрополитом, другого периодевтом, и направить их обратно „в ваши области“. Для каталикоса несториан это было бы существенным моментом, так как это закрепило бы и сделало бы более прочной связь между главой всех несториан и его далекой паствой в Китае. Но Денха наткнулся на сопротивление, Маркус и Саума не захотели возвращаться обратно: „Мы не пришли оттуда, чтобы вновь туда отправиться обратно. И мы не думаем, что после таких тягостей, что мы претерпели, следует их повторно претерпевать, ибо глупец тот, что дважды спотыкается о тот же камень“ (стр. 27). Они предпочитают остаться здесь и никуда не уходить. Повидимому, с Денхой им пришлось согласиться, так как Маркос, получивший имя Ябалахи, был им поставлен в епископы 35 лет от роду, в 1280 г. для областей Катаи и Уанг,¹ а Саума получил звание периодевта.² Оба они получили соответствующие их новым званиям „мандаты“. „Спустя немного дней, — сообщает далее источник, — распространился слух, что дорога, по которой они прибыли, совершенно отрезана и никто не может пройти, потому что поссорились отряды двух пограничных царей по ту и по другую сторону Джихуна“ (стр. 29). На Оксе—Аму Дарье разыгралась очередная междоусобица и прервала всякую возможность движения по дорогам, так что путешественники вернулись обратно, что соответствовало и их личному желанию. Они вернулись и вновь поселились в монастыре Михаила Таризельского у Арбелы, где и прожили около двух лет.

К этому времени заболел каталикос Денха в Багдаде, где он находился. Туда выехал Маркос — Ябалаха, он присутствовал на похоронах Денхи, а затем был предложен бывшими там епископами в качестве каталикоса. И здесь выясняется ряд подробностей, которые имеют существенное значение для понимания всей обстановки того времени, для определения роли несторианства.

Источник сообщает об этом так: „Причиной его избрания было то, что цари, державшие кормило правления всего мира, были монголы (مغول) и не было никого, кто бы так знал их обычаи, обхождение с ними и их язык, как он.

„Когда сказали они ему это, он отказался от сказанного ими и приводил доводы: «Мне недостает правил и знаний церковных, я неспособен к красноречию, как я могу стать этим (т. е. каталикосом)? А также

¹ Катаи — северный Китай; Уанг — область, орошаемая рекой Хуанхе — Желтой рекой.

² Представитель каталикоса, его заместитель в данных областях.

я не знаю вашего сирийского языка, который совершенно необходим» (стр. 34).

Таким образом, не только Ябалаха не был сирийцем, но он даже не знал сирийского языка. Отсюда следует и другой вывод. Несториане должны были иметь необходимые книги в переводе на местные, дальневосточные языки. Для XIV—XV вв. известны сиро-тюркские надписи, которые были найдены в Семиречье. Находит свое место и уникальный сиро-тюркский фрагмент из Хара-Хото, он объясняет и подтверждает, что такого рода литература должна была существовать, что какой-то канонический минимум имелся в переводе на тюркско-монгольские языки. Избрание Ябалахи говорит о том, что сложное политическое положение на Ближнем Востоке было обусловлено „мировым“ господством монголов. Пусть Ябалаха не знал сирийского языка, но он в совершенстве объяснялся на монгольском, знал обычаи, нравы и обхождение с монголами, а это и было самым главным в этот момент для несторианского населения державы чингисидов.

Не лишены интереса подробности, кто именно подтвердил желание видеть Ябалаху каталикосом. Так как смерть Денхи и избрание Ябалахи имели место в Багдаде, то кроме духовенства названы — „знатные, писцы и врачи Багдада“ (стр. 34). Это были, следовательно, группы городского населения, принадлежавшие к несторианству: городская знать, главным образом торговая, врачи — многочисленная конгрегация, пользовавшаяся широкой известностью, и писцы, под которыми подразумеваются все связанные с письменностью профессии.

Между тем дело с пришельцами обстояло не так просто. В хронике Барэбрея, монофизита, который по этому одному имел возможность войти в подробности и не придерживаться панегирического тона, сообщается, что назначение периодевром, т. е. мафрианом, Саумы в 1268 г. не встретило единодушного признания. Возражения касались тюркского происхождения Саумы и вероятно Маркоса—Ябалахи, так как говорится о том, что некоторые были недовольны тем, что им придется судиться у мафриана-периодевта из „гуннов-варваров“. На обязанности периодевта лежали судебные функции, которые он выполнял относительно клира, т. е. судил клириков, они же считали, что рассудят свои дела сами, „между собой“, а не допустят разбирать их „гуннам“, как они называли тюрков и монголов.¹

Ябалаха был поставлен каталикосом в 1281 г.² после того, как его кандидатура была утверждена ханом Абагой, к которому он прибыл на Черную гору (по-персидски Сайкух) в Азербайджан, где было летнее местопребывание хана (стр. 35). Не лишен колорита церемониал, сопровождавший согласие хана на то, чтобы Ябалаха был поставлен катали-

¹ Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum т. 3, стлб. 439—440.

² Там же, стлб. 565—567.

косом. После того как он был представлен Абаге как митрополит, прибывший „из стран восточных, чтобы отправиться в Иерусалим“, и хан выразил свое согласие видеть его главой несториан, он взял за руку мар Ябалаху и сказал ему: „Будь силен и прав“. Затем он „покрыл ему голову плащом, ибо его плащ был наброшен на его плечи, дал ему свое седалище, которое было небольшим тронem, а также зонтик, называемый по-монгольски «сукор». Его открывали и держали над головой царей, цариц и их детей, чтобы ослабить силу солнца и дождя, чаще же осеняли ими ради чести“ (стр. 36). Но наиболее существенным было то, что хан Абага дал Ябалахе золотую „пайдзу“, „которая есть символ этих царей и обычные приказы , что он властвует над всем (стр. 37) с большой печатью, которая принадлежала предшествующим патриархам“. Он подарил ему деньги ввиду больших расходов, с которыми была связана его новая должность.

Известны Минусинская и Ньюкская пайдзы в форме вытянутого прямоугольника с округленными краями и дыркой. Их квадратный текст переведен следующим образом: „Силою вечного тенгри. Имя императора да будет свято. Тот, кто не будет относиться с благоговением, совершит проступок и умрет“. Боготольская пайдза круглая с колечком сверху, текст ее следующий: „Силою вечного тенгри. Указ императора. Тот, кто не будет с благоговением относиться, да будет виновен“.¹

Ярлыки хана и золотая пайдза окончательно утвердили за Ябалахой согласие Абаги-хана на то, чтобы он занял должность каталикоса. Кресло, или трон, и зонтик, „сукор“ были признаком высокого положения. Это сходится и с данными Марко Поло, который сообщает в главе 80, что всякий получивший золотую пайдзу пользовался и этими знаками отличия. Пайдзу обычно сопровождал и ярлык.

Только после официально данного ханом согласия Ябалаха принял хиротонию (посвящение) в древнем храме Бет Коке в Селевкии—Ктесифоне. Большого внимания заслуживает список присутствовавших на церемонии высших несторианских клириков, так как указаны названия городов, из которых они прибыли и где жили. Это дает прекрасный материал для определения географического распространения несториан, а следовательно, их колоний и факторий. До настоящего времени роль несторианства на Ближнем и Среднем Востоке все еще недостаточно изучена, между тем до великих географических открытий и появления европейцев их роль была очень значительной.

Жизнеописание точно указывает возраст мар Ябалахи — 37 лет и год его посвящения — 1593 г. греков, т. е. 1281 г. н. в.

Большой интерес представляет тот факт, что положение Ябалахи было упрочено Абагой материальными дарами. Зимой того же года хан приехал в Багдад, где он принял прибывшего к нему каталикоса.

¹ Н. Н. Поппе. Квадратная письменность. М.—Л., 1941, стр. 78—80.

Ябалаха рассказал ему о положении христиан и „нашел благоволение в его очах“ (стр. 38). Хан не только богато одарил его, но сделал больше, упрочил за ним сумму в „180 тысяч белых зузе“ или „300 динариев“, которые Абага предоставил ему на содержание клира и монастырей. Эта сумма „собиралась“ каталикосом „с различных областей“, т. е. он получал ее типично феодальным способом. Функция государства, сбор податей, была передана ему, он собирал их сам в свою пользу. Это существенный момент, указывающий на то, что при монголах феодализация была в полном ходу, а также на то, что представители сироязычного населения на Востоке пользовались льготами и поддержкой, в связи с тем, что это население было необходимо ханам, как мощная экономическая сила. Города, их ремесло и торговля были в руках сирийцев, а клирики играли немаловажную роль как верхушка этого общества. Именно они являлись и крупными феодалами, держателями, зависевшими от хана. Они получали право на феодальную эксплуатацию, на сбор податей.

После смерти Абаги ему наследовал Ахмед, сын Хулагу, при котором Ябалаха и Саума впали в немилость. В очередной борьбе за престол были пущены в ход клеветы и наветы, и оба названных лица были обвинены в симпатиях и поддержке хана Аргуна, сына хана Абаги. В Хорасане войска Ахмеда были разбиты, победа осталась за Аргуном (1284 г.), который и захватил престол. Ябалаха вновь занял свое высокое положение, а замешанных в его обвинении епископов он имел мудрость не подвергать наказаниям, тем более смерти, лишь двоих он лишил их чина.

Хан Аргун искал поддержки христианского населения, он „любил их“, по признанию источника, но „любовь“ эта имела глубокие политические причины. „Он положил себе войти, покорить и взять земли Палестины и Сирии“. Причем он правильно рассчитывал: „Если мне не помогут цари западные, христиане, я не выполню своего желания“ (стр. 47). Чтобы выбрать посла к ним, он обратился к Ябалахе, который остановил свой выбор на Сауме, хотя ему очень трудно было его лишиться, так как именно Саума вел все дела патриаршей келии, т. е. патриархата и его канцелярии. „С твоим отъездом мои дела запутаются“, — жаловался Ябалаха. Но Саума сказал: „Я желаю и хочу этого сам“, и Аргун приказал составить ему грамоты „к царю ромейскому“, т. е. греческому, и французскому, дал ему ярлыки, письма и подарки для каждого царя. Кроме этого Сауме было выдано две тысячи миткалей золота, тридцать верховых животных и дана пайдза. Ябалаха со своей стороны послал „подобающие дары мар-папе“ и посильные подарки. Спутники многих лет расстались со слезами. До берегов Черного моря (іата мека, т. е. іата „море“ и мега „большой“, от греческого), у границы Византии, они добрались сушей, а дальше ехали морским путем и достигли „великого города Константинополя“ (стр. 49). Посольству

был отведен отдельный „двор“, была дана аудиенция Андроником II (1282—1328). Затем Саума посетил все достопримечательности города и особенно храм св. Софии.

Судя по тому, что император Византии „обласкал его и дал подарки из золота и серебра“, очевидно, миссия Саумы была им принята благожелательно. Посольство двинулось дальше „к франкам“.

Жизнеописание с большими подробностями рассказывает о посещении Саумой западных царей, причем многие наблюдения могут представить большой интерес.

После Неаполя, где он посетил Карла II, Саума был в Риме. Там только что скончался папа Гонорий IV (3 IV 1287) и беседу Саума вел с кардиналами, которым сообщил, что „монголы и каталикос Востока послали меня к мар-папе по поводу Иерусалима и письма прислали со мной“.¹ Это вызвало удивление, как и сообщение, что в землях „монголов, тюрок и китайцев“ проповедано христианство ими, восточными отцами и многими оно принято. Далее верным дипломатическим шагом было сообщение, что „хан, так как он состоит в дружбе с мар-каталикосом, у него есть желание взять Палестину и области Сирии, и он просит у вас помощи для взятия Иерусалима“ (стр. 58). В Италии после Рима, где ответа Саума не получил, так как папа еще не был поставлен, он отправился на север, побывал в Тоскане и Генуе, а затем проехал в Ломбардию и оттуда во Францию. В Париже король французский Филипп IV Красивый ответил Сауме: „Если монголы, которые вовсе не христиане, чтобы взять Иерусалим сражаются с арабами, тем более должно сражаться и нам и выступить с войском“ (стр. 69). А когда Саума собирался покинуть Париж, король сказал ему: „Одного из великих эмиров, который есть у меня, я пошлю его с вами, чтобы передать хану Аргуну ответ“, и подарил Сауме одежду и дары (стр. 72).

После этого Саума отправился к королю Англии Эдуарду I (1272—1307), который находился в 1287 г. на материке, в Гасконии. Ему была передана грамота Аргуна и его подарки. Король „Англетер“ (Англии, очевидно во французском названии) „очень обрадовался, особенно когда зашла речь об Иерусалиме, возросла его радость и он сказал: «Мы, короли этих городов, приняли знак креста на наше тело и нет у нас другой мысли, кроме этого дела. И освободилась моя воля, так как я услышал, что то, что я думаю, думает и царь Аргун»“ (стр. 73).

Саума возвратился в Италию, где встретился с папой Николаем IV, избранным 20 февраля 1288 г. Папа Николай сделал ему ряд ценных подарков, „дал на дорожные расходы 1500 миткалей красного золота“ и „царю Аргуну также послал некоторые подарки“ (стр. 84).

¹ Л. С. Пучковский. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзейгу (1305). Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 396—422. — A. Mostaert. Une phrase de la lettre de l'Ilkhan Argun à Philippe le Bel. Harvard Journal of Asiatic Studies, 18, 1955, № 1/2, стр. 200—220.

Саума возвратился к хану Аргуну, который продолжал склоняться к христианству и покровительствовал несторианам. Но вскоре он умер, в августе 1291 г. престол захватил его младший брат царь Кайкату. В отношении каталикоса Ябалахи он был щедр, подарил ему 20 000 динаров и 9 драгоценных одежд (дибаджун). Саума, сопровождая его в лагерь, попросился на покой и обосновался в Мараге, где построил себе церковь. Кайкату приезжал сюда и делал богатые подарки каталикосу.

В январе 1294 г. умер Саума, а через полтора года в сентябре 1295 г., были убиты хан Кайкату и затем хан Байду. Ябалаха попал в тяжелое положение, он подвергался гонениям, у него вымогали деньги и притесняли. Начался новый курс политики монголов, расхившийся коренным образом с политикой предшествующих ханов. Более благоприятно в отношении несториан и Ябалахи действовал хан Казан. Но Ябалаха находился в Арбеле, так как в Мараге все было разрушено.

После восстания и междоусобия в Арбеле дальнейшие попытки наладить отношения с ханами не увенчались успехом. Ябалаха просто сказал, что он „устал служить монголам“ и лишь по необходимости налаживал в ставке „дела христиан“.

Завоевание Иерусалима так и не состоялось. Ябалаха проводил последние годы жизни опять под Марагой, ему выдавалась ежегодно сумма в 500 динаров эмиром Иринджином, который правил в той области и был свойственником великого хана. Он дал ему и несколько деревень под Багдадом, т. е. поставил его в положение одного из феодалов, как на это указывают и прежние данные. Ябалаха умер 15 ноября 1317 г.

Так сирийское жизнеописание двух тюркских клириков-несториан, пришедших из Пекина к Багдаду, вскрывает полную интереснейших подробностей картину жизни Востока в период господства монголов.

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ЖИЗНИ КАРАИМСКОГО ПИСАТЕЛЯ ‘АЛИ ИБН СУЛЕЙМАНА¹

Ленинградские коллекции еврейско-арабских рукописей² преимущественно караимского происхождения содержат, как уже отмечалось неоднократно, исключительно ценные материалы по истории еврейской культуры в странах средневекового арабского Востока. Подготавливаемый в настоящее время специалистами каталог этих коллекций, давно уже пользующихся широкой известностью как в нашей стране, так и далеко за ее пределами, даст, наконец, возможность действительно оценить содержащиеся в них рукописные богатства, из которых многое уже прочно вошло в научный обиход, но еще большее, к сожалению, пока ждет разработки и всестороннего изучения. Исключительная ценность ленинградских еврейско-арабских рукописей выясняется хотя бы из того обстоятельства, что даже при беглом их перелистывании исследователь то и дело находит новые данные, дополняющие или изменяющие сложившиеся в науке и порой кажущиеся незыблемыми представления о том или ином факте из истории литературы не только евреев арабской культуры, но и самих арабов. В настоящей статье я намерен поделиться вновь обнаруженными мною материалами, относящимися к биографии одного из известнейших средневековых караимских писателей, Абу л-Хасана ‘Али ибн Сулеймана ал-Мукаддаси.

Вопрос о времени жизни названного писателя в недавнее время вызвал оживленную полемику — после того как Сюз опубликовал в 1928 г. принадлежащий его перу арабский комментарий на „Genesis“.³ В предисловии к этому комментарию, который представляет собой собственно не что иное, как эксцерпт (تلميح) из более раннего коммента-

¹ Статья покойного А. Я. Борисова, безвременно скончавшегося 10 июля 1942 г., печатается по рукописи-автографу. В текст внесены необходимые уточнения главным образом библиографических данных. Статья подготовлена к печати К. Б. Старковой. (Ред.).

² Хранятся в Рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (II-я коллекция Фирковича).

³ The Arabic Commentary of ‘Ali ben Suleiman the Karaite on the Book of Genesis, by Dr. Solomon L. Skoss. Philadelphia, 1928.

рия Абу л-Фараджа Харуна ибн ал-Фараджа,¹ автор сообщает начальную дату его составления — 415 год (وكان الابتداء به في سنة خمسة عشر) (واربع مائة). По мнению Скоза, мы имеем здесь дело с датировкой по селевкидской эре („эра контактов“ — מנין השטרות), причем опущена начальная тысяча; восстановив ее, получаем 1415 г. селевк. = 1103 г. н. э.² Против возможности усматривать здесь дату мусульманского летосчисления говорит, по соображениям Скоза, то обстоятельство, что в 415 г. хиджры (= 1024 г. н. э.) были еще живы и Абу л-Фарадж Харун и Абу Я'куб Юсуф ал-Басир, упоминаемые в данном комментарии³ с эвлогией усопших (رحمه الله).⁴ Д. З. Банет (D. Z. Vaneth) — сперва в рецензии на издание Скоза,⁵ а затем в специальной статье⁶ — возражает против изложенных соображений. Он указывает, что старые арабоязычные караимские писатели, сообщая даты без указания летосчисления, всегда имеют в виду эру хиджры. Поэтому и дата комментария 'Али ибн Сулеймана должна быть рассматриваема как дата мусульманского летосчисления, причем она не имеет никакого отношения к жизни нашего автора, будучи буквально переписана им — вместе с текстом предисловия, в котором она содержится — из комментария Абу л-Фараджа Харуна. Защищая это положение, Банет указывает на один в высшей степени важный факт, ускользнувший от внимания Скоза. В Британском музее находится подробно описанная Г. Марголиусом (G. Margoliouth)⁷ рукопись, содержащая составленный 'Али ибн Сулейманом сборник философских эсцерптов и сообщающая две даты, относящиеся к составлению этого сборника: 465 и 486 гг. (последняя дата есть год написания самого манускрипта, являющегося автографом). Ни Марголиус, ни Банет не сомневаются, что здесь имеется в виду эра хиджры (465 г. х. = 1072/73 г. н. э.; 486 г. х. = 1093 г. н. э.); а коль скоро это так, то, с одной стороны, трудно предположить, чтобы одно и то же лицо, сообщая в арабском тексте несколько дат без указания летосчисления, в одном месте имело в виду эру хиджры, а в другом — эру контрактов; с другой же стороны, если эти даты относятся к одному летосчислению, то литературная деятельность нашего автора оказывается растянутой, по меньшей мере, на 70 лет, что мало вероятно. Последняя трудность устраняется, если допустить, что 415 г. х. = 1024 г. н. э.

¹ Этот последний комментарий в свою очередь является лишь переделкой комментария Абу Я'куба Юсуфа ибн Нуха.

² S. L. Skoss, ук. соч., стр. 30, прим. 167.

³ Ал-Басир упоминается в еще не изданной второй части комментария (на Exodus).

⁴ S. L. Skoss, ук. соч., стр. 92.

⁵ קריית ספר, VI, I, 1929, стр. 44—45.

⁶ תרביץ, II, I 1930, стр. 115—117.

⁷ Catalogue of the Hebrew and Sam. Manuscripts in the British Museum, III. London, 1915, стр. 199, № 896.

есть начальная дата составления комментария Абу л-Фараджа Харуна ибн ал-Фараджа, из которого ее дословно переписал в свой комментарий 'Али ибн Сулейман, вместе с предисловием эксцерпируемого автора.

Однако Скоз, возражая Банету в ответной статье,¹ продолжает настаивать на своих выводах. По его мнению, никак нельзя допустить, чтобы ученый, подобный 'Али ибн Сулейману, переписал дату из своего источника, не оговорив этого ни одним словом. Кроме того, несомненно принадлежащее перу самого 'Али ибн Сулеймана предисловие к другому его труду — словарю, являющемуся также лишь сборником эксцерптов из словаря Леви бен Иефета, в отношении языка и стиля очень близко к предисловию комментария на Genesis, что говорит против гипотезы Банета. Свой комментарий наш автор составил уже в старости, чем вполне объясняется и датировка его по селевкидской эре — под влиянием „старческого консерватизма“ (אפשר כי תחת השפעת האדיקות התחיל להשתמש במנין שטרות) שנברה עליו בימי זקנתו, тогда как предшествующие его сочинения датированы эрой хиджры. При этом период литературной деятельности писателя оказывается лишь немногим более 30 лет (1072—1103 гг.), что вполне допустимо. Выводы Скоза приняты рядом ученых: И. Ю. Маркон,² Х. Хиршфельд (Hirschfeld),³ М. Плеснер (M. Plessner),⁴ Барруа (Barrois).⁵ Что же касается места жизни 'Али ибн Сулеймана, то единственным до настоящего времени основанием для суждения об этом вопросе являлась нисба — ал-Мукаддаси,⁶ исходя из которой Скоз отнес нашего автора к иерусалимским караимам.

Среди рукописей II собрания А. Фирковича мною уже более пяти лет тому назад был обнаружен чрезвычайно интересный материал, прибавляющий к вопросу о времени и месте жизни 'Али ибн Сулеймана ряд новых и при этом весьма существенных данных. Мне удалось найти три рукописи, являющиеся несомненно автографами нашего писателя и содержащие не только вполне определенные даты их написания, но и прямое указание местности, что особенно важно, если принять во внимание полное отсутствие подобных указаний на всех известных до настоящего времени рукописях сочинений 'Али ибн Сулеймана. Все три манускрипта являются списками с мусульманских догматических сочинений, скопированными 'Али ибн Сулейманом для личного употребления

¹ לקביעת תקופת חייו של עלי בן סלימאן קראי, II, 4, стр. 510—513.

² Encyclopaedia judaica, I, Berlin, 1928, стр. 314.

³ The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1929, стр. 676.

⁴ Orientalistische Literaturzeitung Jg. 32, 1929, стр. 934.

⁵ Revue Biblique, v. 39, 1930, стр. 312.

⁶ Эта нисба присоединяется к имени 'Али ибн Сулеймана только в заглавиях к некоторым частям его комментария на Pentateuch (см.: S. L. Skoss, ук. соч., стр. 31, 33, 34).

и порою производящими впечатление спешных черновых записей; они носят на себе признаки большой старины и написаны уверенным, но небрежным и подчас очень трудно читаемым насхом, почти совершенно лишенным диакритических точек. Кроме этих трех автографов, дата и обозначение местности находятся также в одной — повидимому, оставшейся неизвестной Скозу — рукописи, содержащей Genesis с арабским переводом и кратким комментарием 'Али ибн Сулеймана.

Сообщаю колофоны всех четырех рукописей в хронологическом порядке содержащихся в них дат.

1. II собр. А. Фирковича, арабск., пачка № 22. 48 листов, 15 × 10 см, без начала, немного повреждена, Колофон: *و نحر الحرو الأول من بعثتق* *والحمد لله... والحمد لله... والحمد لله... انه الحرو الثاني في اسباب وده الوجود في كونه مودودا و علمه عالي بن سلومو بنمس في سوال سنة ست وبلسن واربع مابه والحمد لله على نعمانه وهو حسنى وعلمه وكلى*

2. II собр. А. Фирковича, евр.-арабск., № 1119. 100 листов, 12 × 10 см, без начала; в середине рукописи, на чистом листе, приписка: *س سحه عالي بن سلومو بنمس في ذى الحجه من سه سما واربع مابه والحمد لله على نعمانه وهو حسنى وده —*

3. II собр. А. Фирковича, евр.-арабск., № 4419. 41 лист, 13 × 10 см, повреждена. Предисловие заканчивается припиской (л. 4 об.), восходящей, несомненно, к оригиналу манускрипта: *תם תלכיין מא תקדם שרחה* *בתנים פי סנה, ואל המד ללה חק חמדה*

4. II собр. А. Фирковича, арабск., пачка № 21. 110 листов, 15 × 12 см.¹ Колофон: *وفرغ من دستحه لنفسه عالي بن سلنمن بعسطاط مصر في شهر رجب سنه ٤٨٢ والحمد لله على نعمانه وهو حسنى... استعين وده*

Едва ли можно сомневаться в том, что две первые и последняя из этих рукописей, вместе с рукописью Британского музея, являются остатками личной библиотеки автора изданного Сквозом комментария на Genesis. Что мы имеем здесь дело именно с караимом, явствует из обычного в арабоязычной караимской литературе способа передачи еврейских слов (в данном случае — собственных имен) арабскими буквами: написание *עילי בן שלומה* представляет собой вполне очевидную транскрипцию еврейского *עילי בן שלומה*. Однако в такой чисто библейской форме мы

¹ Рукопись содержит мусульманское догматическое сочинение му'тазилитской окраски, озаглавленное „Захират ал-'алим ва-басират ал-мута'аллим“ и принадлежащее перу Шарифа ал-Муртада (ум. 1044 г. н. э.); подробное описание рукописи см. в моей статье „Му'тазилитские рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде“ (Библиография Востока, вып. 8—9, 1935, стр. 91—94; здесь же, на стр. 94 опубликован и текст колофона полностью).

находим эти имена лишь в двух наиболее ранних рукописях; в четвертой рукописи — второе имя (отца), а в рукописи Британского музея — уже оба имени звучат совершенно по-мусульмански.

Таким образом, ленинградские рукописи сообщают нам четыре новые даты, относящиеся к литературной деятельности 'Али ибн Сулеймана. Вот эти даты:¹ 1) Шаввал 436 г. х. = 21 апреля — 20 мая 1045 г. н. э.; 2) Зу л-хиджжа 448 г. х. = февраль 1057 г. н. э.; 3) 465 г. х. = 1072/73 г. н. э.; 4) Раджаб 472 г. х. = январь 1080 г. н. э. В том, что мы имеем здесь датировку по эре хиджры, не может быть сомнения ввиду мусульманского обозначения месяцев. И если к этим четырем датам мы прибавим последнюю из двух дат рукописи Британского музея — 486 г. х. = 1093 г. н. э., мы получим период, равный 49 годам. Остается, таким образом, лишь спорная дата (415 г.) из предисловия к комментарию на Genesis; принимая во внимание, что эта дата находится в рукописи, написанной заведомо после смерти автора (его имя упоминается здесь с эвлогией **الله (رحم)**), я склонен считать ее ошибочной. Для признания этой даты селевкидской, по моему мнению, нет достаточно убедительных оснований,² но, с другой стороны, и продолжительность периода литературной деятельности 'Али ибн Сулеймана в 70 лет представляется сомнительной. Легче поэтому предположить, что писец, списывая с рукописи, в которой дата была обозначена арабскими цифрами, ошибся в числе десятков.

На вопрос о месте жизни 'Али ибн Сулеймана ленинградские рукописи дают вполне определенный ответ. Из их колофонов мы узнаем, что в течение достаточно значительного периода времени (по крайней мере — с 1045 по 1073 г. н. э.) наш автор жил в местности, которую сам он (в первых двух рукописях) называет **تنس**. Пока мне были известны только эти две рукописи, я полагал, что в их колофонах идет речь о селении Танас, лежащем на североафриканском побережье, между

¹ Три из этих дат (1, 2 и 4) упомянуты мною в статьях: „Му'тазилитские рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде“ (стр. 71) и „Об открытых в Ленинграде му'тазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли“ (Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935, М.—Л., 1937; Академия наук СССР, Труды Института Востоковедения, т. XXIV, стр. 121). Должен отметить, что при переводе дат мусульманской эры на года общеупотребительного у нас летоисчисления я тогда, по чисто случайным обстоятельствам, не мог воспользоваться специальными таблицами и принужден был прибегнуть к вычислению при помощи специальной формулы (Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. Л., 1928, стр. 125). В результате этого были допущены две существенные ошибки, обнаруженные мною уже после напечатания названных статей. В настоящей статье обе ошибки исправлены.

² Объяснить это „старческим консерватизмом“ (вслед за Скозом) едва ли возможно, так как такому объяснению противоречит как раз обратная эволюция в написании 'Али ибн Сулейманом своего собственного имени — от чисто библейских форм в молодости к формам мусульманским в старости (см. выше)!

Магрибом и Ифрикийей,¹ но когда затем я ознакомился с третьей рукописью, в которой то же самое географическое название выглядит несколько иначе, а именно — **טניס**, я убедился, что мое предположение, основанное на дефектном написании, не соответствует истине и что действительным местопребыванием 'Али ибн Сулеймана являлся город Тиннис (**تنيس**) в Египте.² Насир-и Хусрау, посетивший Тиннис летом

1047 г. н. э., т. е. как раз тогда, когда в нем жил 'Али ибн Сулейман, в своей известной книге „Сафар наме“ так описывает этот город:³ „Тиннис — это красивый город, он лежит на острове, так далеко от суши, что даже с крыш города не видно берегов. В городе много жителей, есть красивые базары и две мечети. Я полагаю, что там около десяти тысяч лавок. Сто лавок имеют москательщики... В городе Тиннисе около пятидесяти тысяч жителей и более тысячи кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит купцам, но много также и султанских, потому что все, что может понадобиться в деле, туда надо привозить, а в самом городе ничего нет. Так как это остров, то сношения с ним возможны только при помощи кораблей“.

После по меньшей мере двадцативосьмилетнего пребывания в Тиннисе 'Али ибн Сулейман, между 1073 и 1080 гг. н. э., переселился в Фустат (**فسطاط مصر**) или Старый Каир, где он, судя по его долговременному пребыванию в своем прежнем местожительстве, оставался, вероятно, до конца своей жизни. Таким образом, из колофонов ленинградских рукописей со всей определенностью выясняется, что Али ибн Сулейман жил не в Палестине, как полагали до сих пор, а в Египте. Что же касается его нисбы — ал-Мукаддаси, то она самое большее может указывать лишь на то, что когда-то — вероятнее всего еще в юности — Али ибн Сулейман прибыл в Египет из Иерусалима.

¹ Возможно, нынешнее селение Tenes, на мысе того же имени, в Алжирии. (См.: Я к ъ т, Му'джам ал-булд'ан, ed. F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866, I, стр. 877).

² А. Я. Гаркави в своем рукописном инвентаре на еврейско-арабские рукописи II собрания А. Фирковича понимает **טניס** как „Тунис“, но это невозможно по орфографическим соображениям: Тунис пишется с долгим у и кратким и.

³ Сообщаю в переводе Е. Э. Бертельса (Насир-и Хусрау. Сафар-намэ, книга Путешествия. Перевод и вступительная статья Е. Э. Бертельса. Л., 1933, стр. 94—96).

ДВА НЕИЗДАННЫХ ПИСЬМА Ж.-Ф. ШАМПОЛЬОНА

(Из ленинградских собраний)

Первое из публикуемых писем датировано 1825 г. и адресовано Коссаковскому.¹

Граф Станислав Иосифович Коссаковский родился в 1795 г., умер в 1872 г. Дипломат и литератор. С 1822 по 1827 г. — первый секретарь русского посольства в Риме, позже — член сената Царства Польского. Автор написанного для русского посла в Риме Андрея Яковлевича Италинского (1743—1827) „Доклада об иероглифической системе Шампольона“,² в котором кратко отмечаются основные положения теории Шампольона (1790—1832). Работа представляет большой интерес вследствие того, что она написана под живым впечатлением личного общения автора „Доклада“ с Шампольоном и является, повидимому, конспектом лекций, читанных последним в Риме в 1825 г.

Вскоре после знакомства с Шампольоном, состоявшегося во время пребывания французского ученого в Италии (1824—1826), Коссаковский, по словам самого Шампольона,³ стал в Риме одним из „апостолов“ новой теории в области изучения древнеегипетского письма.

С именем Коссаковского связана статья Шампольона, изданная почти одновременно в Италии⁴ и во Франции⁵ под названием „Lettre à M. Z.***“. Обстоятельства опубликования этой статьи таковы. В Риме среди ученых вскоре после приезда Шампольона в столицу Италии образовалось два лагеря — лагерь восторженных последователей и лагерь ожесточенных противников новой теории. Некоторые ученые, оспаривавшие правильность выводов Шампольона, выдвигали против

¹ Оригинал письма хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Собрание Сухтелена, к. 35).

² Рукопись С. И. Коссаковского подготовлена нами к печати.

³ Lettres de Champollion le jeune recueillies et annotées par H. Hartleben, I. Paris, 1909, стр. 369.

⁴ Memorie romane di antichità e di belle arti, v. I. Roma, 1824, Appendice, стр. 3—10.

⁵ Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie. Septième section du Bulletin universel des sciences et de l'industrie, publié sous la direction de M. le Bon de Férussac, t. IV. A Paris, 1825, стр. 85—92 (№ 107).

него обвинение в том, что его исследования „разрушают основы религии и подрывают авторитет Библии“.¹ Особенно резко выступал против Шампольона аббат Ланчи, по специальности арабист, опубликовавший в период пребывания в Риме создателя науки о древнем Египте работу, в которой утверждалось, что при изучении египетского письма необходимо исходить из данных Библии.

Шампольон по совету друзей ответил на эту работу указанной выше статьей, напечатанной в виде открытого письма, адресованного Коссаковскому² и датированного 15 июня 1825 г.

17 июня 1825 г. Шампольон выехал из Рима во Флоренцию, куда прибыл 21 июня и где оставался до 4 июля 1825 г. Через три дня после отъезда Шампольона из Рима Коссаковский послал ему во Флоренцию письмо, ответом на которое является письмо, публикуемое в настоящей статье.

Нападки на Шампольона со стороны ряда ученых, выступавших с необоснованной критикой его теории, не прекращались и после его возвращения из Италии. Одним из самых упорных противников Шампольона был Клапрот, опубликовавший статью, в которой допустил и личные выпады против автора „Очерка иероглифической системы древних египтян“.³

Обстановка, сложившаяся в 20-х годах прошлого века вокруг открытия Шампольона, характеризующаяся длительной полемикой, принимавшей подчас весьма острые формы, нашла свое отражение и в переписке Шампольона, изданной после его смерти. Отразилась она и в публикуемом ниже письме, адресованном секретарю австрийского посольства в Петербурге Гуммелауеру.⁴

Письмо датировано 1827 г. — годом, прошедшим для Шампольона под знаком интенсивной работы по организации Египетского музея Лувра и подготовки к экспедиции в Египет. Этот же год отмечен избранием основоположника египтологии в почетные члены Петербургской Академии Наук.

Письмо Шампольона Коссаковскому

Le 25 Juin 1825

Votre aimable Lettre du 20, m'arriva au moment même où je me disposais à vous écrire, empressé de me rappeler à Votre souvenir et impatient

¹ Lettres de Champollion le jeune . . . , I, стр. 210.

² Там же, стр. 223, прим. 1.

³ См. ниже, стр. 125, прим. 1.

⁴ Оригинал письма хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР. (ф. 56, № 23). Французский текст писем Шампольона передаем с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов. Слова во французском тексте письма Шампольона к Гуммелауеру, заключенные нами в квадратные скобки, подчеркнуты Шампольоном.

d'établir une correspondance qui est devenue un véritable besoin pour moi. Je comptais après avoir visité la ville des Césars, la quitter seulement avec ce sentiment de peine qu'on éprouva à s'éloigner des reliques d'un grand peuple. Mais à cette tristesse, obligée pour ainsi dire, à la mode et même de bon ton, se sont venus joindre en moi les regrets mieux sentis et beaucoup plus vrais, de me séparer de Vous pour bien longtemps peut être. Vous avez dérangé tous mes plans sur Rome que je comptais voir et abandonner en stoïcien; Il n'en a pas été ainsi; c'est votre faute à Vous; J'aime à le dire; mais ce n'est pas un Reproche.

Votre esquisse de la Fête est charmante; et le tableau de la sensible Lolotte unissant toutes les lumières de son Esprit à celles des Lampions, pour percer la mystérieuse obscurité de l'Obélisque, m'a singulièrement réjoui; Je suis seulement fâché que l'ambassadeur dont le projet fut d'abord de distribuer à la porte la traduction du monument, ait laissé aux sphynxinetes de Prusse ou de Hanovre le soin de l'interpréter. Mais je lui pardonne en Faveur de la superbe Phrase que le dit obélisque a su lui suggérer; si tant il est que le dit mot soit de lui et non de Vous, dont le génie malin m'inspire toujours des soupçons Légitimes.

J'arrive sans transition, et pour ne pas l'oublier, à la petite figure Funéraire de votre Belle Duchesse Napolitaine; je suis au désespoir de n'être pas à même de vous donner du Positif; Mais ainsi que vous le remarquez vous même, les caractères sont si vaguement tracés qu'il est bien difficile de rien en tirer de clair; je prendrai donc, en véritable Erudit le parti de refaire le texte conjecturalement; Et vous etes dument autorisé, à dire que l'Inscription signifie mot à mot: Que soit glorifié L'Osirien Tidjer defunt Fils d'Hora, si l'Inscription est réellement conçue ainsi qu'il suit, d'après mes corrections:

s'est la formule ordinairement inscrite sur toutes ces figurines, présents offerts en très grand nombre par les parents et amis des défunts.

Un grand desappointement m'attendait à Florence: je comptais y trouver un obélisque en hieroglyphes Linéaires et voila que le monument que je connaissais par les gravures de Kircher, est une Imposture moderne; j'accusais les Planches du jésuite, d'infidélité et de corruption: le monument original est faux, dont j'enrage.

J'ai déjà visité en courant la Galerie de Florence; les morceaux Egyptiens y abondent et j'espère en retirer quelque bonne chose, si comme on me le promet, je puis les Etudier à l'aise. J'ai trouvé ici, un Mr Ricci, ancien medecin du Pachâ d'Egypte: Il possède une belle suite de dessins

et une bonne collection d'Inscriptions Royales des temples; c'est une véritable bonne fortune à laquelle je ne m'attendais point.

Ce sera une fête pour moi que de recevoir aujourd'hui votre seconde Lettre: ne m'épargnez pas les questions: Je tiens à ce que vous deveniez Egyptien dans l'âme et je n'épargnerai pour cela de tout ce qui pourra dependre de moi.

Je suis on ne peut plus sensible au bon souvenir de M^{de}...; veuillez lui dire que je supplie chaque jour Nèith, Isis et Athyr de lui etre favorables; ce sont des divinités payennes; mais M^{de} La comtesse le sait aussi bien que moi: les Dieux qu'on prie de coeur sont toujours les veritables.

Adieu; aimez moi un peu ne m'oubliez pas et soyez persuadé que je suis tout à vous pour .

На обороте последней страницы письма:

A Monsieur Le Comte Stanislas Kossakowski
Palais Fiano à Rome.

Перевод

25 июня 1825 г.

Ваше любезное письмо от 20-го пришло ко мне в тот самый момент, когда я собирался написать Вам, стремясь напомнить о себе и поскорее завязать переписку, ставшую для меня подлинной потребностью. Я полагал, что, посетив город цезарей, покину его только с тем чувством печали, какое обычно испытываешь, удаляясь от реликвий великого народа. Однако к этой моей грусти, так сказать, обязательной,¹ модной и даже необходимой для соблюдения хорошего тона, присоединились более горячие и гораздо более искренние сожаления, вызванные тем, что я расстался с Вами и, быть может, надолго. Вы расстроили все мои планы, связанные с Римом, который я рассчитывал увидеть и покинуть, как стойк. Случилось иначе, и в этом повинны Вы. Я охотно признаюсь в этом, но, право же, это не упрек.

Ваше описание праздника² прелестно, и образ чувствительной Лолотты, сочетающей весь блеск своего ума с огнями лампиров, для

¹ Слова, выделенные разрядкой, во французском оригинале письма подчеркнуты Шампольном.

² Речь идет о празднестве, устроенном герцогом Монморанси-Лаваль, французским послом в Риме. На этом празднестве состоялось открытие обелиска, воздвигнутого послом в ознаменование коронации французского короля Карла X. Иероглифические надписи для обелиска были составлены Шампольном.

Прощайте, любите меня хоть немного, не забывайте меня и будьте уверены, что я весь Ваш на ¹.

 ².

На обороте последней страницы письма:

Флоренция, графу Станиславу Коссаковскому.
Дворец Фиано, Рим.

Письмо Шампольона Гуммелауеру

Paris le 25 Août 1827

Mon cher Ami,

Je hasarde encore cette lettre dont veut bien se charger une personne qui se rend à St^t Petersburg. Il y a longtemps que je desire de vos nouvelles et votre silence me fait présumer que ma Lettre de la fin de janvier, envoyée à Mr de Mairian pour vous être adressée ne vous a point été remise. Je me hâte donc de vous prier de ne point juger de ma véritable et vive affection pour vous, par la rareté de mes Epîtres. Comptez donc toujours sur mon coeur comme je me plais à me reposer sur le vôtre et croyez que les jouissances hieroglyphiques et l'intérêt toujours croissant de mes Etudes ne me feront jamais perdre le souvenir de ceux qui comme vous mettent quelque pris à mon attachement.

Depuis mon Retour d'Italie (au mois de Novembre 1826) je me suis presque exclusivement occupé de l'organisation du Musée Egyptien établi au Louvre et dont on m'a donné la direction. Je jouis d'avance du Plaisir que j'aurai à Vous montrer, lorsque vous viendrez à Paris, cette suite si intéressante de monuments qui remettent pour ainsi dire sous les yeux, le culte, la croyance et la vie publique et privée d'un grand peuple tout entier. Mon Musée s'enrichit tous les jours et j'y ai réuni, ces jours passés, une admirable suite de Bijoux en or [en] Présent que le Pacha d'Egypte vient de faire au Roi de France aux depens des catacombes de Thèbes et de Memphis. Il y a des choses charmantes sous le rapport du travail d'Orfèverie: Quelques unes sont uniques sous le rapport de leur intérêt historique: je vous citerai seulement ici le cachet Royal de la Reine Cleopâtre femme d'Evergète IIe lequel pèse plus de cinq onces d'or et présente le Portrait de la princesse admirablement gravé. J'ai

¹ „навек“; слово означает по-египетски „вечность“.

² Фамилия Шампольона, написанная одним из видов египетской скорописи (так называемым „иератическим“ письмом).

aussi l'Espoir de compléter notre serie de Bijoux Egyptiens, par l'acquisition de ceux que vient d'apporter Mr Drovetti consul général de France en Egypte qui possède des objets en or, tels que colliers Bracelets et coupees de la plus grande Magnificence ayant appartenu au Roi Moeris ou à sa cour d'après les inscriptions que portent quelques uns d'entr'eux.

Le peu de temps qui me reste est consacré à la rédaction de mon grand Dictionnaire hieroglyphique; je recueille chemin faisant une foule de notes pour la Grammaire et je continue ce double travail malgré les nouvelles découvertes de Mr de Goulianow qui voudrait créer un nouveau système d'interprétation, le mien ne lui convenant pas du tout. J'ai publié un petit écrit sur la prétendue découverte où j'ai montré la faiblesse du découvreur et la nullité de son travail. Mr Klaproth qui n'entend rien [des] choses Egyptiennes a voulu se mêler dans tout cela. Il a pris la peine de descendre du grand plateau de la Tartarie et j'ai été obligé de l'y renvoyer le plus poliment du monde: aussi vient il d'imprimer une brochure pleine de mauvaises raisons et d'injures contre moi. Je ne repondrai ni aux unes ni aux autres. Le systeme de ces messieurs est jugé; je ne perdrai donc pas mon temps à écraser des gens qui sont deja renversés sans Espoir de se relever.

Les brochures que je joins à cette lettre vous mettront au courant de toute cette affaire: je les ai deja adressées à Mr de Steinbüchel pour qu'il vous les fit parvenir, me défiant de la complaisance de Mr de Mairian à la solde duquel se trouve Mr Klaproth et qui est le Mecène de Mr Joulianos—Ausonioli—Goulianow.

L'aperçu des mes Résultats historiques vous apprendra que je sollicite dans ce moment ci du Gouvernement les moyens d'exécuter mon voyage d'Egypte: si l'on veut bien sentir l'importance de cette proposition pour la science, j'assurerai ainsi à l'histoire une immense moisson de [resultats] inattendus. Je ferai tout pour exécuter ce voyage; et si le Gouvernement ne fait point en cette occasion ce que l'interet des bonnes Etudes Exige, j'aurai recours au génie mercantile du siecle et je ferai de ce voyage une speculation commerciale en acceptant les offres qu'on m'a faites au nom de grands Libraires et de grands Capitalistes. Mais cette voie me repugne et je ne l'adopterai que dans le cas ou mon Gouvernement ne sentirait pas tous tout ce qu'il y aurait de glorieux et d'utile à ce que cette expedition litteraire fut faite en son nom et avec son attache.

Ma femme et mon Frere sont bien sensibles à votre bon souvenir. J'ai mille choses à vous dire de leur part et de celles de Planta qui,

aujourd'hui, est commandant de la Place de Briançon au sommet des Alpes—J'espere que votre santé se sera améliorée —soignez la, jusqu'a ce que vous soyez sorti du climat à Antithèses que vous etez obligé d'habiter quelque temps encore. J'attends de vos nouvelles par la voie la plus courte; ne fut-ce qu'un mot, je serais content, de vous savoir en bon etat; conservez moi votre amitié et croyez à toute la sincerité de l'attachement du tout vôtre de coeur

J. F. Champollion le jeune
Rue Mazarine № 19. (au lieu de 28,
mon ancien logement)

На первой странице письма, внизу:

Monsieur de Hummelauer à l'Ambassade
d'Autriche à St Petersburg.

Перевод

Париж, 25 августа 1827 г.

Дорогой друг,

Рискую послать еще и это письмо, передать которое любезно берется человек, собирающийся ехать в Санкт-Петербург. Мне давно уже хочется узнать о Вашем здоровье, и Ваше молчание заставляет меня предполагать, что мое письмо от конца января, отправленное г-ну де Мериану¹ для пересылки Вам, так и не было Вам вручено.² Поэтому спешу просить Вас, чтобы Вы не судили о моей искренней и горячей привязанности к Вам по моим редким посланиям. Вы можете попрежнему рассчитывать на мое сердце, так же как я охотно полагаюсь на Ваше, и верьте, что ни радости, связанные с изучением иероглифов, ни все усиливающееся увлечение моими занятиями никогда не заставят меня забыть о тех, кто, подобно Вам, хоть сколько-нибудь ценит мою привязанность.

Со времени моего возвращения из Италии (в ноябре 1826 г.) я почти исключительно занят организацией основанного в Лувре Египетского музея,³ руководство которым возложено на меня. Предвкушаю, с каким

¹ Андре-Адольф Мериан (André-Adolphe Merian, 1772—1828) из Базеля (Швейцария) — дипломат и филолог. Состоял на русской службе в Министерстве иностранных дел. Много лет прожил в Петербурге. Автор статьи, направленной против Шампольона.

² Имеющиеся в нашем распоряжении данные заставляют нас предполагать, что и настоящее публикуемое нами письмо Шампольона не было передано адресату.

³ Основан в 1826 г.

удовольствием покажу Вам, когда Вы приедете в Париж, это интереснейшее собрание памятников, которые как бы воскрешают перед нами религиозные обряды, верования и общественную и частную жизнь великого народа во всей ее полноте. Мой Музей непрерывно обогащается, и на днях я разместил в нем изумительную коллекцию золотых ювелирных изделий, найденных в фиванских и мемфисских катакомбах, — подарок, недавно сделанный египетским пашой королю Франции. Среди них попадаются вещицы очень тонкой работы. С точки зрения представляемого ими исторического интереса некоторые из них являются уникальными: назову Вам здесь хотя бы царскую печать царицы Клеопатры, жены Эвергета II,¹ — печать эта весит более пяти унций золота, и на ней изображен превосходно выгравированный портрет этой государыни. Я надеюсь также пополнить нашу коллекцию путем приобретения тех египетских драгоценностей, которые недавно привез г-н Дроветти,² французский генеральный консул в Египте, обладатель ряда золотых вещей, как, например, великолепнейших ожерелий, браслетов и чаш, принадлежавших прежде, если судить по надписям на некоторых из них, царю Мерису³ или его придворным.

Редкие часы досуга я посвящаю редактированию моего большого Иероглифического словаря;⁴ попутно собираю множество заметок для Грамматики⁵ и продолжаю эту двойную работу, несмотря на новые открытия г-на де Гульянова,⁶ который желал бы создать новую систему истолкования, так как моя ему совершенно не подходит. Я опубликовал по поводу этого мнимого открытия небольшую статью,⁷

¹ Птолемей VII Эвергет II правил Египтом с 145 г. по 116 г. до н. э.

² Бернардино Дроветти (Bernardino Drovetti 1776—1852) — дипломат, путешественник и археолог. Коллекция Дроветти, о которой упоминает здесь Шампольон, была приобретена Египетским музеем Лувра осенью 1827 г.

³ Именем Мерис (Meris) у Геродота (II, 13, 101) назван фараон XII династии Аменемхет III (19 в. до н. э.). Шампольон ошибочно связывал это имя с фараонами XVIII династии: сперва с Тутмосом II, позже — с Тутмосом III (конец 16 — первая половина 15 вв. до н. э.).

⁴ Египетский словарь Шампольона был издан в 1841—1844 гг.: Champollion le Jeune. Dictionnaire égyptien en écriture hiéroglyphique. Paris, Firmin Didot frères.

⁵ Египетская грамматика, над которой Шампольон работал до последних дней своей жизни, была издана в 1836—1841 гг.: Champollion le Jeune. Grammaire égyptienne, ou principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne. Paris, Firmin Didot frères.

⁶ И. А. Гульянов (1789—1842) — русский дипломат и филолог. С 1841 г. — почетный член Петербургской Академии Наук. Посвятил вопросам древнеегипетского письма ряд работ. Полемицировал с Шампольоном.

⁷ Шампольон имеет здесь в виду свою рецензию на статью Клапрота: Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques. . . (см. нижеследующее примечание). Рецензия Шампольона была опубликована в журнале „Bulletin Férussac“ (t. VII, Paris, 1827, стр. 289—299, № 330).

где показал посредственность автора открытия и ничтожество его работы. Г-н Клапрот, ничего не понимающий в вопросах, связанных с Египтом, вздумал во все это вмешаться. Он взял на себя труд спуститься с обширного плоскогорья Татарики, и я вынужден был как нельзя более учтиво отослать его обратно: тогда он издал брошюру, полную несостоятельных доводов и направленных против меня оскорблений.¹ Я не отвечу ни на то, ни на другое. Система этих господ осуждена, и я не стану терять времени на то, чтобы сокрушать людей, которые и так повержены без надежды подняться.

Связанные с данным письмом брошюры введут Вас в курс всей этой истории: я уже послал их г-ну де Штейнбюхелю² с тем, чтобы он переправил их Вам, так как не доверяю любезности г-на де Мериана, на жалованьи у которого состоит г-н Клапрот и который является меценатом г-на Юлианоса-Аузоньоли-Гульянова.

Из моего Очерка исторических результатов³ Вы узнаете, что в настоящее время я ходатайствую перед правительством о средствах для осуществления моего путешествия в Египет: если соизволят правильно оценить всю важность этого предложения для науки, я обеспечу истории обильную жатву самых неожиданных документов. Чтобы осуществить это путешествие, я сделаю все, и если правительство не делает того, что требуют интересы подлинно научных исследований, я прибегну к помощи меркантильного духа нашего века и превращу путешествие в коммерческое предприятие, приняв предложения, сделанные мне от имени крупных издателей и крупных капиталистов. Но такой путь мне претит, и я вступаю на него лишь в том случае, если наше правительство не поймет, какую славу и какую пользу принесла бы

¹ Юлий Генрих Клапрот (1783—1835) — немецкий востоковед и путешественник. С 1802 по 1811 г. жил в России. В области египтологии был дилетантом. Шампольон имеет здесь в виду следующие работы Клапрота: Julius Heinrich Klaprot h. 1) *Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques, adressée à M. le chevalier de Gouliano*. Paris, Merlin, 1827; 2) *Seconde lettre sur les hiéroglyphes, adressée à M. de S. . .* Paris, Merlin, 1827. Говоря о том, что Клапрот спустился «с обширного плоскогорья Татарики» („Татарией“, „Высокой Татарией“ в начале 19 в. называли Центральную Азию), Шампольон имеет в виду путешествие, совершенное Клапротом в 1805 г. из России к границам Китая, а также работы Клапрота в области изучения языков Азии.

² А. Штейнбюхель (род. в 1790 г., ум. в 70-х годах 19 в.) — австрийский нумизмат и археолог. Некоторые из опубликованных им работ посвящены египетским древностям.

³ Шампольон имеет в виду свою статью, напечатанную в журнале „Bulletin Féru-sac“ (t. VII, Paris, 1827, стр. 409—416, № 417; стр. 466—478, № 469) под названием „Aperçu des résultats historiques de la découverte de l'alphabet hiéroglyphique égyptien; par M. Champollion le Jeune“. В том же году статья была издана в Париже в виде отдельной брошюры.

ему эта литературная экспедиция, совершенная от его имени и по его поручению.¹

Жена и брат горячо благодарят Вас за добрую память. Шлю Вам тысячу приветов от них и от Планта, который ныне является комендантом Бриансонской крепости на вершине Альп. Надеюсь, что Ваше здоровье улучшится, следите за ним, пока не расстанетесь с этим климатом антитез, в котором Вы вынуждены прожить еще некоторое время. Жду вестей, посылайте их кратчайшим путем. Я буду рад даже нескольким строкам, лишь бы знать, что Вы находитесь в добром здорoвье. Попрежнему дарите меня Вашей дружбой и верьте в искреннюю привязанность сердечно преданного Вам

Ж. Ф. Шампольона младшего
Улица Мазарини, № 19 (вместо № 28,
моей прежней квартиры).

На первой странице письма, внизу:

Г-ну де Гуммелауеру,
Австрийское посольство, Санкт-Петербург.

¹ Французское правительство предоставило Шампольону средства, необходимые для экспедиции, и 16 июля 1828 г. он выехал из Парижа в Египет. В Египте Шампольон провел около 16 месяцев (с 18 августа 1828 г. по 6 декабря 1829 г.). Представленная Шампольоном французскому правительству докладная записка, содержащая проект экспедиции в Египет, была опубликована в 1833 г. (см.: *Lettres écrites d'Égypte et de Nubie, en 1828 et 1829; par Champollion le Jeune. Paris, Firmin Didot frères, 1833, стр. 1—19).*

К. В. Оде-Васильева

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ И. Ю. КРАЧКОВСКОМ

В то время я жила в Назарете и преподавала в женской школе Палестинского общества. 16 апреля 1910 г. в арабском журнале „ан-Нафаис ел-Асрийат“ было напечатано стихотворение в прозе под заголовком „О если бы я имел крылья, я бы на них полетел“. Подпись была необычная — „русский скиталец“. Такие стихи мне до этого приходилось читать лишь у молодого, начинающего тогда, арабского писателя ар-Рейхани. Глубокое знание арабского языка, как и использование этого нового жанра, заставили меня задуматься об авторе. Кто же мог быть этот русский, владеющий арабским языком в совершенстве? Среди знакомых нам европейцев-арабистов мне не был известен никто, кто бы знал так превосходно арабский язык? Мое недоумение продолжалось недолго.

В один из апрельских вечеров, когда тонкий аромат цветов деревьев душистого перца, роз и жасмина наполняют воздух, ударил церковный колокол, вспугнувший тишину и негу, разлитые вокруг. Колокол извещал о приходе русских паломников из Иерусалима. Я сидела на балконе в „русском доме“, где помещалась школа, в которой я преподавала. Во двор дома вошли русские паломники, среди которых были два интеллигента. Несколько позже я пошла в столовую, где, знакомясь с ними, я услышала на чистейшем арабском языке слова „русский скиталец“. Я подняла глаза, передо мной стоял молодой человек с приветливым умным лицом, окаймленным бородой. Борода придавала ему особенно солидный вид. Самым замечательным в его лице были глаза. Они излучали какой-то особый свет, который озарял все лицо. „Скиталец“ сразу заговорил по-арабски, устраняя этим неловкость, обычную в первые минуты знакомства. Он прекрасно говорил на сирийском диалекте. Этот „скиталец“ и был И. Ю. Крачковский.

Насколько Игнатий Юлианович овладел народным арабским языком, явствует из следующего случая. Я попросила у своего отца разрешения придти с этими двумя русскими к нему в гости. Отец, недолюбливавший европейцев вообще, делал иногда исключение для русских. После занятий в школе я отправилась с ними и с подружкой к отцу. И. Ю. разговаривал с ним по-арабски, нам же было интересно поговес-

рять по-русски. Отца я побаивалась, несмотря на то что я жила не дома и самостоятельно. Случайно, посмотрев на него во время его разговора с И. Ю., я заметила, что лицо его мрачнеет и он бросает в мою сторону недовольные взгляды. Я присмирела, подумав, что он недоволен тем, что я разговариваю с русским мужчиной, да еще на непонятном ему языке. Но каково было мое удивление, когда после ухода гостей отец заявил мне, что я лгуныя и что под видом русского я ввела в дом араба. Сначала я смеялась, потом божилась, но ничто не помогало. Чтобы убедить отца, я пригласила И. Ю. вторично. Мы пришли вечером и поднялись на крышу дома. Отец сварил кофе и угощал гостей. Здесь он всецело завладел И. Ю. После его ухода отец все удивлялся и восхищался знанием И. Ю. народного сирийского диалекта. Однако И. Ю. владел не одним этим диалектом. Он знал многие арабские диалекты, и когда в Ленинградском восточном институте в 1932 г. была организована группа студентов-арабистов для изучения Северной Африки, только И. Ю. мог заняться с ними магрибским диалектом.

Оставался И. Ю. тогда в Назарете около недели. В обращении с нами, арабками, он был прост и внимателен. Мы чувствовали, что он не искал в нас экзотики, а выслушивал наши, подчас очень наивные рассуждения, подбадривал нас, успокаивал наши мятущиеся души. Ведь нас тогда было всего несколько девушек в Палестине, которые, получив образование в русской учительской семинарии Палестинского общества, восприняли передовую русскую культуру, сбросили чадру и стойко отстаивали свою свободу. За это мы были изгнаны из родительского дома и нашли приют в „русском доме“.

И. Ю. посетил наши занятия в школе. Он дал немало ценных указаний, поддержал наше начинание — создание переводов произведений русской художественной литературы на арабский язык. Незаметно, за время его пребывания в Назарете, между нами установились дружественные отношения. Мне с подругой было жалко расставаться с нашими новыми знакомыми, и мы поехали провожать их в Тивериаду, откуда они отправлялись в Хайфу, где должны были сесть на пароход, отправлявшийся в Россию. В Тивериаде мы переправились на лодке на противоположный берег озера осматривать развалины Копернаума. Было жарко, как всегда в этой местности Палестины, лежащей на 1200 футов ниже уровня моря. Берег озера местами был окаймлен банановыми рощами, кустами шиповника и рощами белых и красных олеандров. Отражение этих цветущих деревьев на гладкой синей поверхности озера создавало особый фантастический пейзаж. Недалеко от этого места край озера был совсем черным — это сомы выплыли подышать. Возвращались мы из Копернаума молча, каждый погруженный в свои думы. Наша лодка направлялась к банановой роще, принадлежавшей русской духовной миссии, где нас ждало библейское кушанье: печеная на костре рыба.

Откуда-то поднялась стая птиц. И. Ю. поднял глаза на стаю, потом перевел их на нас и сказал: „Куда вожак, туда и стая, не бойтесь, продолжайте свою борьбу!“ А сколько теплоты и сочувствия было в его спокойном голосе! Эти слова всегда звучали в моих ушах в тяжелые минуты жизни и борьбы на родине.

Так началось мое знакомство с И. Ю., замечательным арабистом, мировым ученым, у которого тогда подрастали крылья, вознесшие его так высоко в научную высь. Он преодолевал бури и грозы, встречаемые обычно на пути научных исследований и открытий. Тогда я не знала, что судьба забросит меня на далекий север, в Петербург, и что наше случайное знакомство превратится в дружбу, которая продлится до самой его смерти.

Из Иерусалима в Назарет И. Ю. прибыл с паломниками, которые обычно проходили это расстояние пешком за четыре дня. И. Ю., желая поближе познакомиться с населением, избрал тот же путь. Он любил арабский народ за его прошлую литературу и культуру. Изучая жизнь народа во время своего двухлетнего пребывания на Востоке, он убедился, что у арабов зарождается новая литература, достойная внимания. И. Ю. был первым ученым, который занялся систематически современной арабской литературой и установил в этой области приоритет. В 1908—1910 г. И. Ю. сотрудничал в периодических изданиях Сирии, Палестины, Ирака, в журналах „ал-Машрик“, „Луггат ел-Араб“ и „ан-Нафаис ел-Асрийят“, редакторами которых были такие ученые, как Шейхо и Анастас ел-Кармелий. И. Ю. писал свои статьи и заметки сам на арабском языке, что было редким явлением среди арабистов не арабов.

В 1914 г. я приехала в Россию со своим мужем на два месяца. Мой приезд в Россию совпал с началом первой империалистической войны, и я на всю жизнь осталась в России. После отъезда И. Ю. из Палестины у нас завязалась переписка. Приехав в Россию, в Кронштадт, я вскоре встретила в Петербурге с Игнатием Юлиановичем и его супругой Верой Александровной. Эта семья, принимавшая меня всегда так радушно, заменила мне родных и друзей. И. Ю. находился еще под впечатлением своего пребывания на Востоке, живо интересовался жизнью арабского Востока, новинками литературы. Во время беседы и воспоминаний о его путешествии лицо его сияло, глаза излучали удивительный свет, свойственный лишь ему. Тогда мне стал ясен смысл последней строки его стихотворения, написанного в мой альбом еще в Назарете: „Как нежную, детскую сказку люблю я Ливан“. Глядя на И. Ю., я поняла, что он действительно полюбил арабский народ и его культуру, а также литературу Ливана, Сирии, где зарождалась новоарабская литература. Когда в ненастные дни на севере меня охватывала тоска по родине, по яркому горячему солнцу Палестины, я приезжала в эту семью и находила тепло и свет, которых мне так не хватало.

Война, а затем Октябрьская революция изменили всю мою жизнь. В июле 1917 г. я уехала на Украину, к мужу, работавшему там врачом. Вернулась я в Ленинград весной 1924 г. Потеряв мужа, я твердо решила остаться в России, несмотря на зов брата и сестер, которые никак не могли себе представить, как я смогу жить и воспитывать своих троих детей на чужой стороне, без посторонней помощи. Они не могли понять, что Россия не была больше мне чужой, что я полюбила ее, как я полюбила и русский народ, и что я нашла свое место в жизни этой страны, в революции, которую я в те годы скорее чувствовала сердцем, чем понимала умом.

И. Ю. предложил мне по возвращении в Ленинград преподавать арабский язык в Институте живых восточных языков. С тех пор я начала работать под его руководством и могла близко наблюдать его деятельность. Первое, что бросалось в глаза, это его аккуратность и точность, будь то начало занятий или заседаний. Он входил в аудиторию со звонком или начинал заседание ровно в назначенный час. Людям становилось неловко приходить позже, и они старались не опаздывать. Таким образом, без слов он приучал окружающих к порядку и дисциплине. Это особенно благотворно действовало на молодежь. И. Ю. был при всей своей доброте и отзывчивости очень требовательным и строгим к студентам и своим помощникам. Для него прежде всего было дело, а затем личные отношения. Он умел незаметно приходить людям на помощь, незаметно заставляя их работать. В то время я не предполагала, что И. Ю. читает курс современной арабской литературы. Однажды, встретив меня в институте, И. Ю. спросил, не хочу ли я прослушать курс лекций по истории современной арабской литературы, который он читает в такие-то дни и часы. Этот курс был тогда единственный в своем роде, он не читался ни в одном вузе мира, кроме Ленинграда, ибо ни один арабист или араб не присматривался так внимательно к культурно-политическому возрождению, происходившему в арабских странах, не верил в его серьезность и значение, как это сумел сделать И. Ю. Характерно, что в 1949 г. в одном письме ко мне И. Ю. сообщил о своей встрече с одним довольно известным арабским литератором, который его спросил, верит ли он в будущность арабского языка, на что И. Ю. сердито ответил: „Если бы я не верил в будущность арабского народа и его языка, я бы не стал тратить свою жизнь на такую ерунду“. Случай этот говорит о поразительной проницательности И. Ю., сумевшего сорок лет тому назад понять и поверить в возрождение арабских стран.

Курс лекций И. Ю. натолкнул меня на мысль составить хрестоматию из образцов новоарабской литературы. Моя мысль встретила большую поддержку у И. Ю., причем он любезно предоставил для этой цели в мое распоряжение свою библиотеку, без которой было бы невыполнимо выполнение этой работы. Библиотека И. Ю. остается единствен-

ной в Советском Союзе, где систематически собирались произведения новоарабской литературы и все работы, относящиеся к ней, на различных языках. И. Ю. мне очень много помог своими советами и снабдил хрестоматию предисловием, которое было сразу же переведено на западно-европейские языки. Когда один из западных арабистов в рецензии на хрестоматию выразил пожелание, чтобы словарь, составленный к текстам, имел кроме русского языка, еще какой-нибудь европейский язык, И. Ю. сказал: „Пусть учат русский язык, если им нужны наши труды“. Это была законная гордость советского ученого своей родной наукой и ее достижениями, гордость своим русским языком. И на самом деле некоторые арабисты запада учились русскому языку, чтобы познакомиться с трудами И. Ю. по арабистике, как это сделал немецкий ученый Кампфмеер, изучивший русский язык уже на склоне лет, популяризуя на европейских языках труды советского ученого по новоарабской литературе. Не было ни одного арабиста Запада или Востока, не обращавшегося к И. Ю. с тем или иным вопросом по арабистике вообще. Личный архив этого замечательного арабиста покажет в будущем, какую огромную роль он играл в мировой науке, как широк был охват научных вопросов, которыми он занимался, как высоко он поднял и с каким достоинством держал знамя советской востоковедной науки. Он всегда с готовностью и тщательностью выполнял просьбу того или иного ученого, часто можно было видеть его в любую погоду идущим в одну из библиотек Ленинграда, чтобы заказать фотоснимок той или иной рукописи, являющейся уникалом в наших рукописных собраниях, или списать тот или иной отрывок из этих рукописей. Западные арабисты относились к нему с большим уважением и неоднократно посвящали ему свои труды по арабистике, в знак благодарности за его ценные советы.

И. Ю. был большим общественником, но общественником скромным. Свои обязанности он выполнял тихо, незаметно и с большой любовью. Работая в Ленинграде в Институте живых восточных языков, я задалась целью приучить студентов к переводам арабской художественной литературы. Для этого был образован кружок студентов-переводчиков, который два раза в семестре устраивал чтение своих переводов в институте. Не было ни одного чтения, в котором И. Ю. не принимал бы участия. Помимо своего высказывания о качестве перевода и советов, он всегда делал сообщение о том или ином писателе и нередко читал свои переводы с арабского. Он придавал большое значение умению переводить, совершенно справедливо замечая, что умение переводить всегда необходимо для востоковеда. Сам И. Ю. не мог удержаться, чтобы не перевести тот или иной отрывок или стихотворение, имеющие художественную ценность. В 1946 г. я получила несколько произведений одного египетского писателя Тауфика ал-Хакима.¹ Прочитав, я послала их для

¹ Произведение ал-Хакима „Возвращение духа“ переведено на русский язык М. А. Салье.

знакомства И. Ю. Вот что он написал мне: „Прочитав книгу ал-Хакима «Из башни из слоновой кости», я не удержался, чтобы сразу не перевести несколько отрывков, до чего они прекрасны. Если можно, то я задержу эту книгу подольше у себя“. Через некоторое время, возвращая книгу, И. Ю. написал: „С особой грустью я расстанусь с этой книгой, но перевести ее на русский язык мешает моя перегруженность в работе“. Можно ли было не подарить ему эту единственную в Советском Союзе книгу? Я ее тотчас отослала ему обратно, чему, как видно из письма, он был бесконечно рад. Он участвовал также в многочисленных ученых советах, кружках, комиссиях, где он аккуратно, точно и своевременно выполнял взятые на себя обязанности. Никогда он не отказывался делать доклады. Так, в 1937—1938 гг. И. Ю. прочитал серию докладов об „Арабской культуре в Испании“. Может быть, самой большой его общественной работой было создание Ассоциации арабистов, во главе которой он стоял, координируя ее работу и объединяя вокруг нее все арабистические силы Советского Союза.

Мало кто умел так бережно относиться к трудам других людей, как умел это делать И. Ю. Говоря о других людях и их заслугах в науке, он с поразительной скромностью обходил себя, как это он сделал в своей книге „Очерки по истории русской арабистики“.¹ Там можно найти упоминание о каждом, кто внес свой вклад в развитие отечественной арабистики, хотя бы фразой, но вы не найдете никакого упоминания о самом авторе и его трудах, а ведь он возглавлял арабистику на протяжении более сорока лет и был создателем истории современной арабской литературы. Для него важна была сама наука и ее развитие. В своей чудесной книге „Над арабскими рукописями“ по этому поводу он писал: „Грустно видеть, как несовершенство людской природы превращает иногда рукописи в яблоко раздора, как они встают преградой между людьми или становятся даже предметом преследования. И здесь на долю ученого нередко выпадают неожиданные испытания, но при доброй воле их можно преодолеть, памятуя, что мы в отдельности только «гости на земле», а наука вечна, и надо думать не о нас самих, а о ее движении вперед, для которого не всегда важно, кем именно внесена доля усилия в это движение“.² Исходя из этого принципа, он всячески помогал всем, кто занимался наукой. Стоило сказать, что вам нужна та или иная книга для ваших научных работ, а эта книга имелась лишь в его библиотеке, как он предоставлял ее в ваше распоряжение. „Рукописи, как природа и искусство, должны быть достоянием всех чувствующих их людей и открыты всем ученым: те, кому выпало на долю временно,

¹ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.

² И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Второе издание, М.—Л., стр. 92.

в пределах человеческой жизни, быть их владельцами или хранителями, должны не забывать этого и не превращаться в скупых рыцарей“.¹

Замечательным было отношение И. Ю. к новоарабской литературе. Каждое значительное явление в этой литературе вызывало у него неподдельную радость. Первые два сборника новелл молодого египетского литератора Махмуда Теймура были присланы нам обоим их автором в 1925 г. Это была новинка арабской литературы, и я не могла оторваться от чтения. В это время пришел И. Ю., весь сияющий с книгами в руках, и торжественно сказал: „Видите, мое предсказание о новой арабской литературе начинает сбываться, посмотрите, как возникает у арабов оригинальная новелла“. И. Ю. сразу написал Теймуру письмо, напечатанное в сборнике „Аш-шайх ас-сайид ал-‘абыт“ (Каир, 1926). В нем говорилось: „... я внимательно прочитал то, что Вы писали. Я вижу новую страницу в современной арабской литературе, страницу, создание которой я не мог ожидать, когда посетил милый Египет 15 лет тому назад. Вы совершенно правы, когда пишете в предисловии о том, что Вы идете по новому, не проторенному до Вас пути“.² Переписка между ними продолжалась до самой смерти И. Ю.

Обстоятельства не позволили И. Ю. посетить еще раз арабские страны. Знакомиться с развитием общественно-политической жизни арабов, их культуры и литературы И. Ю. мог лишь по получаемой не систематически литературе. И. Ю. писал: „Не всегда человек, однако, бывает властен над собой, особенно, когда надо держать в поле своего зрения и старую и новую литературу, мимо которой нельзя теперь пройти, замкнувшись в научном эгоизме арабиста-классика. Здесь сама жизнь дарит большие открытия, и счастлив тот, кто может наблюдать новую литературу на месте зарождения своими глазами.

„Мне это не было суждено. На Востоке я побывал только раз, и, как всегда, первая поездка по существу могла быть лишь предварительной рекогносцировкой, за которой должны были последовать настоящие продуманные экспедиции. Это не случилось, и на первых порах я не мало по молодости огорчился. Однако и тут меня жизнь научила, что для хорошего понимания человека вовсе не обязательно знать его непосредственно: книги, письма, фотографии открывают его не хуже, а иногда может быть и непринужденнее, чем личное общение. Современную литературу мне пришлось изучать почти исключительно «на расстоянии», а открытий удалось сделать не мало“.³

Действительно И. Ю. знакомился с современной арабской литературой „на расстоянии“, тем не менее он был учителем в этой области не только советских арабистов, но и арабистов Запада и Востока, а иногда

¹ Там же, стр. 92.

² Об этом И. Ю. Крачковский пишет в своей книге „Над арабскими рукописями“ (стр. 46).

³ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 38—39.

и самих арабов. Вспомним, что Дамасская академия наук, которая избрала И. Ю. своим действительным членом еще в 1923 г., обратилась к нему с просьбой дать статью в ее печатный орган об изучении современной арабской литературы.¹ И. Ю. написал эту статью по-арабски сам. И она была напечатана многими солидными арабскими журналами. Указывая на методы изучения современной арабской литературы, И. Ю. призывал арабов бережно относиться к этой литературе и развивать ее. Арабы внимательно прислушивались к его советам, опубликовывали его письма, гордясь перепиской с ним и его отзывами об их произведениях и горячо откликались на его юбилейные даты. В 1935 г. на мое обращение к арабской общественности принять участие в праздновании 30-летия научной деятельности И. Ю. отозвались многие писатели во главе с Дамасской академией наук. Академия устроила в день юбилея торжественное заседание, на котором выступил бывший тогда вице-президентом Академии Абд-ел-Кадер ел-Магрбий с приветствием и с характеристикой работ И. Ю. Эта речь была напечатана.² В бюллетене Академии ему была посвящена большая статья. Первый президент этой же Академии Мухаммед Курд Али называл И. Ю. в письмах ко мне *همزة الوصل* (буква, соединяющая два слова, рядом стоящие, будучи сама произносимой). Это было очень остроумное сравнение, соответствующее истине, так как И. Ю. в своих трудах сближал литературу русского и арабского народов. Египетский писатель Амин Хассуне в статье в журнале „ал-Маариф“ 1932, 11, Каир) писал: „Академик Крачковский отличается от других востоковедов широтой затрагиваемых тем и их глубоким исследованием. Он избегает проторенных дорог, но, самое главное, он не отделяет арабскую литературу от арабского народа, создающего ее. Как часто в своих исследованиях и как славно он защищает арабский народ и его культуру. В своей статье в бюллетене Дамасской академии наук он обращается к современным арабским писателям, чтобы они бережно относились к своей литературе, а народ к своим писателям“.

Как-то И. Ю. мне писал: „Я бы хотел дожить до такого момента, когда современная арабская литература займет свое место среди мировых литератур“. Пожалуй, среди самих арабов никому не приходило на ум такое пожелание. В 1946 г., подводя итоги развития новоарабской литературы за последние полвека, он писал: „Непрерывный рост этой новоарабской литературы говорит о том, что она войдет как вклад в сокровищницу мировой литературы, вклад не подражателей, а живой организм“.³

Антун Хури в газете „ал-Джазира“ (16 июня 1935 г., № 279, Дамаск) в связи с упомянутой датой писал: „... сегодня в Ленинграде арабисты

¹ مجلة المجمع العمي العزفي, 1930, X.

² Там же, 1935, XIII.

³ И. Ю. Крачковский. Труды первой сессии арабистов. М.—Л., 1937, стр. 23.

чувствуют исключительную личность, которая в продолжении 30 лет изучала, исследовала и знакомила русских с нашей историей, литературой и языком, со всем тем, чем мы гордимся и дорожим. Следовательно, сегодня чувствуют нашего пропагандиста и доброжелателя, работающего над старым и новым нашим культурным наследием. Он работает скромно, тихо, беспристрастно, без гордости и кичливости своими деяниями. Обязанность наша объединиться хотя бы морально с его русскими друзьями, описав его как человека и как ученого, хотя мы знаем, что он не любит похвалы. С конца XIX века арабистика пошла в России по новому пути и этим заставила Запад относиться к русским арабистам с уважением и вниманием“.

И. Ю. были посвящены статьи и в других газетах и журналах. Михаил Нуайме написал большую статью в газете „ал-Ма'рыд“ (20 мая 1935 г., № 1057, Бейрут), которая кончалась буквально так: „... ты из нас и в нас о, Игнаша“, иначе говоря: „... ты наш родной, о Игнатий!“. Ливанский писатель Рейхани, будучи тогда сильно болен, не мог написать и поздравить И. Ю. Он попросил моего брата написать мне, чтобы я передала И. Ю. привет и что он поздравит его, как только выздоровеет. Его письма переведены в книге „Над арабскими рукописями“ (стр. 40). Теймур писал в статье, посвященной этому юбилею, в журнале „ар-Рисала“ (1935, № 93, Каир): „... мною овладело тихое чувство с некоторой долей гордости от того, что есть такой большой друг у нас, арабов, в дальних странах, который отдал свою жизнь на службу нашей литературе, чтобы возвысить ее авторитет...“.

„Я шлю ему искренний привет, выражая чувство дружбы и благодарности, которое питает к нему весь арабский народ, а в частности, народ Египта. Ведь человек, который всю жизнь посвятил ознакомлению западного мира с арабской культурой, открыл нам путь, чтобы мы заняли место среди мировых литератур, достоин высочайшего сана в наших сердцах“.¹

И. Ю. приехал в арабские страны как настоящий ученый, уже знакомый с арабами через их литературу. И. Ю. присматривался к народу, к интеллигенции, вышедшей из народа, особенно интеллигенции, получившей образование в „русских школах“ Палестинского общества и воспитавшейся на идеалах русской классической литературы. В своих воспоминаниях об этих школах и этой интеллигенции И. Ю. писал: „Знание русского языка редко находило себе практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев русских школ, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей своей мощи. И недаром так много современных писателей старшего поколения, не только переводчиков с русского, но и творцов, сказавших свое слово

¹ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 50.

для всего арабского мира, вышло из школ Палестинского общества. Эта среда скромных учителей меня особенно влекла. Многие из них и тогда уже нередко бывали писателями и журналистами: для другой общественной работы пути в старой Турции были еще закрыты. В этой настоящей интеллигенции ума, вышедшей из народа и жившей с народом, я видел грядущую силу. История арабских стран после первой мировой войны оправдала мои мысли¹.

В своем лице И. Ю. объединял все дисциплины арабистики, деятельность всех нас, арабистов Советского Союза. Нам же всегда необходимо помнить его слова: „Задачи, стоящие перед нашим арабистом, больше и сложнее, чем перед его западными коллегами. Советский арабист должен иметь свое лицо и должен уметь с достоинством высказывать свое мнение по всем вопросам, волнующим науку в данный момент. Он должен подкреплять свое мнение всей полнотой научных выводов современности, быть в них полным хозяином. Иначе голос его прозвучит слабо и только уронит его престиж и, что хуже, уронит престиж не только его одного. Но этого мало, — на советском арабисте лежит долг участия не только в разработке общелитературных вопросов; именно он должен осветить те области арабской письменности, которые связаны непосредственно с СССР. Задача эта еще более трудная уже потому, что она не только не разработана, но часто и не осознана. Здесь все время надо идти по целине, не только намечать пути, прокладывая дорогу, прорубая лес, но и вырабатывать технику, выяснять массу возникающих проблем“².

Со смертью И. Ю. советская арабистика понесла невозместимую потерю, а арабы потеряли искреннего друга, доброжелателя и пропагандиста их достижений не только в литературе, но и во всех областях искусства и развития общественно-политической жизни.

¹ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 50.

² И. Ю. Крачковский. Труды первой сессии арабистов, стр. 23.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Академик В. В. Струве. К интерпретации угаритского текста „Рождение богов“	3
П. В. Ерштедт. Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка	12
Р. И. Рубинштейн. Внешняя политика Египта в период господства Гераклеополя (IX—X династии)	31
А. Г. Лундин. Из истории Аравии в начале VI в. н. э.	42
П. Г. Булгаков. Арабская параллель к 24-й главе III книги сирийской версии романа об Александре	53
Н. А. Мещерский. Отрывок из книги „Иосиппон“ в „Повести временных лет“	58
<u>Академик Я. А. Манандян.</u> „Начальная история Армении“ Мар-Абаса. (К вопросу об источниках Себеоса, Моисея Хоренского и Прокопия Кесарийского)	69
И. Н. Винников. Из области семитской лексикографии	87
Н. В. Пигулевская. История мар Ябалахи и Саумы	97
<u>А. Я. Борисов.</u> О времени и месте жизни караимского писателя ‘Али ибн Сулеймана	109
И. Г. Лившиц. Два неизданных письма Ж.-Ф. Шампольона. (Из ленинградских собраний)	115
К. В. Оде-Васильева. Мои воспоминания об академике И. Ю. Крачковском	127

*Утверждено к печати
Российским палестинским обществом
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. В. Солтанов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Э. И. Савинова* и *К. Н. Феноменов*

*

РИСО АН СССР № 14—111В. Под-
писано к печати 19/V 1956 г. М-27574.
Бумага 70×108/16. Бум. л. 4³/₈. Печ.
л. 11,98. Уч.-изд. л. 9,59. Тираж 2000.
Заказ 402. Цена 5 р. 75 к.

1-я тип. Издательства АН СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

31
БИБЛИОТЕКА
института
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Академии Наук
СССР